

"Мои современники"

Живое поле агронома

"Правительственную" принесли в субботу вечером, когда хозяина не было дома. Работница почты, доставившая телеграмму, сначала не хотела отдавать ее: в Михайловку до сих пор такие не приходили, и еще неизвестно, чем кончится дело, если не вручить самому... Уговоры членов семьи все же взяли верх: хозяин вот-вот вернется - не бежать же за ним в баню.

Михаил Иванович тоже искренне удивился размерам похрустывающего листа бумаги, осторожно развернул. Буквы складывались в слова, слова - в предложения, а общий смысл сразу никак не улавливался.

- Да читай ты, не тяни душу! - обиженно сказала жена, заглядывая через плечо.

"...Павлодарская область, Железинский район, совхоз "Мирный". Товарищу Трусову Михаилу Ивановичу.

Уважаемый Михаил Иванович! От всей души поздравляю Вас с присвоением высокого звания Героя Социалистического Труда, которого Вы удостоены за выдающиеся достижения в выполнении планов и социалистических обязательств по увеличению производства сельскохозяйственной продукции в 1980 году и десятой пятилетке в целом. Желаю Вам, всем членам Вашей семьи крепкого здоровья, благополучия, личного счастья и дальнейших успехов в работе.

Кунаев".

"Правительственная" была первой. На следующий день, в воскресенье, домой принесли еще больше десятка телеграмм. Потом телеграммы стали приносить на работу - Трусов оставался за директора и почти весь день проводил в конторе. Самая многочисленная часть поздравлений была от земляков-павлодарцев: коллег-агрономов, партийных и хозяйственных работников, просто знакомых. Дружно откликнулись на радостное событие омичи. Из Сибирского научно-исследовательского института сельского хозяйства телеграфировали заместитель директора Азаев, руководитель отдела технологии зерна Синицын, работники опорного хозяйства института - совхоза "Новоуральский".

Теплую телеграмму прислал Бычек, автор сортов пшеницы "Кзыл бас" и "Карагандинская-2", которые начинали в области свой путь в большую жизнь с полей "Мирного"; из Краснодарского края горячо приветствовал Героя человек, с которым Трусов больше двадцати лет назад работал в школе. А по ночам трезвонил дома телефон. Не успевший заснуть хозяин сквозь шум и треск разрядов на линии слушал радостные и взволнованные голоса: "Молодец, мы рады, поздравляем..."

Среди целого вороха телеграмм, обычных и художественно оформленных, множества телефонограмм трогательно выделялась простая открытка: бывший директор "Мирного"

Федор Андреевич Грушин поздравлял своего главного агронома и товарища с Днем Советской Армии и добавлял: "Жду не дождусь, когда ты станешь Героем Труда, чему от души буду рад..." Чуть-чуть опоздал Федор Андреевич: Указ о присвоении Трусову звания Героя Социалистического Труда был опубликован как раз в те дни, когда открытка шла из Павлодара в Михайловку.

...Трусова знаю давно. Но все равно каждый раз внутренне готовлюсь к встрече с ним. И дело тут не только в том, что Михаил Иванович - главный агроном крупного зернового хозяйства, одного из лучших в области, и, стало быть, человек, постоянно обремененный большими заботами. Трусов вообще не терпит праздности, и бесполезно идти к нему из простого любопытства. Разговора не получится.

Я видел его разным. По-деревенски неторопливым и уступчивым, когда он, в очередной раз оставшись за директора, вопреки своему собственному приказу, распорядился отпустить пенсионерке корм для коровы. Видел его непреклонным и жестким на предпосевном совещании с управляющими отделениями, бригадирами. Он говорил тогда в совсем необычной для себя манере - отрывисто и коротко, как камни ронял. Но лишь однажды видел Михаила Ивановича небритым. В уборку. Ему сильно нездоровилось. Над совхозными полями толпились тучи, грозя в любую минуту пролиться дождями, а на токах лежали сотни тонн семенного хлеба. Трусов разговаривал на редкость неохотно, с явной обидой отпускал едкие замечания в адрес организаций, по чьей вине до сих пор лежал под открытым небом семенной хлеб. В эту минуту он был удивительно не похож на себя обычного - мягкого интеллигентного человека, каким его привыкли видеть в "Мирном", каким его видят большинство людей, которые с ним встречаются.

* * *

Трусов не собирался быть агрономом. Он мечтал стать геологом. До Великой Отечественной войны Трусовых было четверо, а после нее остались двое: Михаил Иванович с матерью. Чтобы стать геологом, нужно было ехать довольно далеко, а денег в семье на то, чтобы ехать далеко, не было, и после окончания десятилетки Трусов пошел работать в свою же школу учителем. Преподавал географию и историю, поступил на заочное отделение в учительский институт.

Школу он решил оставить в довольно зрелом возрасте - в 1954 году, когда ему уже исполнилось 25 лет. Вновь держал экзамен, на этот раз на заочное отделение Омского сельскохозяйственного института. Через несколько лет был назначен участковым агрономом в родную Красновку, на третье отделение нового совхоза "Мирный", образованного на базе нескольких мелких колхозов.

Время, когда начинал Трусов, было трудным. Первые сливки с целинных земель были сняты, над павлодарскими степями уже вовсю гуляли пыльные бури. Поля в том же "Мирном" были настолько забиты сорняками, что многие вообще не верили в способность этой земли родить. То было время, когда в бункеры комбайнов сыпалось не золотистое, а черное зерно. Черный хлеб - так тогда называли овсюг.

То было время, когда все 30 тысяч гектаров совхозной пашни из года в год засевали зерновыми и собирали по полтора - два центнера с гектара, а о парах здесь всерьез еще никто не говорил.

В первый же год работы участковым агрономом Трусов решил провести эксперимент. Был на отделении участок бросовой земли - гектаров 250. Росли там сорняки, раз в два - три года их скашивали на корм скоту, ни у кого и мысли не было сеять здесь хлеб. Вот этот самый участок молодой агроном на свой страх и риск решил приспособить под пар. Почему Трусов решил начать именно с пара? Во-первых, уже тогда в печати раздавались трезвые голоса о необходимости введения севооборотов с основой на парах; во-вторых, пусть и небольшой, собственный крестьянский опыт учил: засоренную землю исстари лечили паром.

Словом, в 1961 году на участке срезали сорняки, обработали по существующей технологии землю. А весной следующего года засеяли.

Сказать по правде, в затею молодого агронома мало кто верил.

- Брось, Михаил, - хмуро говорил Трусову потомственный хлебороб Владимир Александрович Дунькин, - зря стараешься: не растет здесь ничего и не вырастет.

Трусов, правда, ничего не обещал: он уже успел на себе испытать обратное действие непродуманного слова, отвечал сдержанно: ничего, мол, так ничего, проживем - увидим.

В том году по совхозу в среднем было собрано меньше трех центнеров зерна с гектара. "Бросовой" участок Трусова, засеянный сортом пшеницы "Мильтурум", дал почти по одиннадцать центнеров с гектара. Те, кто пахал и сеял на этом поле, ходили в именинниках и даже пытались давать пояснения десяткам приезжающих посмотреть красновское чудо.

И это была пусть маленькая, но победа. Трусов убедился в верности избранного пути и - главное - сумел поколебать почти незыблемую уверенность людей в бесполезности работы на этой земле.

Но до настоящей победы было еще очень далеко. Ведь поля по-прежнему рождали даже не заовсюженную пшеницу, а запашенный овсюг. Эта сорняковая болезнь земли была до того запущена, что привычные меры борьбы с ней никуда не годились - требовалась радикальная мера, своего рода хирургическое вмешательство.

Участковый агроном сумел убедить главного (благо разница в возрасте была не очень велика и обоим обуревала страсть к экспериментам) внедрить на своем третьем отделении севообороты.

Трехпольный паро-зерновой севооборот - это и было равносильно хирургической операции. Треть пашни под паром - это означало уменьшить посевную площадь на треть. На столь дерзкий шаг мог решиться далеко не каждый.

Это сейчас в "Мирном" если уж пар - так чистый, если кулисы - стеной. А в то время к парам относились иначе.

- Зачем нам пары - гуляющая пашня, - провозглашал на всесоюзном агрономическом совещании академик и не единожды лауреат, светило сельскохозяйственной науки. - Будет дождь вовремя, и без паров хлеб получим, ну, а не будет - и пары не спасут.

В хороший год действительно кое-что получали, зато в следующий - оставалось разводить руками: ничего не попишешь - стихия.

Начав работать с парами, Трусов, даже будучи главным агрономом и уже получая приличные результаты, как ни странно, не бросался в драку с противниками, не кричал на совещаниях. Он, как учитель непонятливым ученикам (недаром все же были за плечами два курса педагогического), на деле доказывал свою правоту.

Ночами сам думал и читал, обложившись учебниками. Штудировал хлеборобскую науку за столом и в поле. С большим интересом, особенно в первые годы, изучал работы народного агронома Терентия Мальцева, потом шаг за шагом внедрял в хозяйстве разработки Шортандинского института зернового хозяйства - в первую очередь севообороты с основой на парах.

Учившись сам, учил тех, кто работал с ним рядом - механизаторов. Листая старую подшивку областной газеты "Звезда Прииртышья" за 1962 год, я случайно наткнулся на двадцатистрочную заметку, опубликованную на четвертой странице. "По инициативе молодого агронома Трусова в селе Красновка проводятся занятия с механизаторами по изучению агротехники возделывания сельскохозяйственных культур, - говорилось в заметке. - Механизаторы с большим интересом знакомятся с новинками земледельческой науки, изучают передовые приемы работы..."

Но Трусов убеждал людей не только словом. Первое, что он сделал, вступив в должность главного агронома, - это решительно отказался от прежних условий социалистического соревнования между тракторно-полеводческими бригадами. По существующим правилам победителем на весеннем севе был тот, кто раньше отсеется, на уборке - тот, кто раньше уберет хлеб. В передовиках чаще всего оказывались отнюдь не те бригады, которые работали более качественно и добивались лучших результатов. В новых условиях соревнования записали: победителем на весеннем севе считать ту бригаду, где выше культура земледелия, где получены лучшие всходы; по итогам года - коллектив, получивший высшую урожайность зерновых. И появились в хозяйстве настоящие передовики, появилось стремление жить не днем и часом, а быть на земле хозяином, жить заботой о большом урожае. Кстати сказать,

основы разработанных тогда условий трудового соперничества полностью сохранили свою силу и сейчас. Жизненность критериев, высокую их ценность подтвердило время.

Но что бы ни делалось в те годы в хозяйстве, Трусов ни на час, ни на минуту не упускал из виду главного - пары. Новое всегда приживается трудно. В самом хозяйстве после многократных обработок парового клина среди всходов пшеницы упрямо вылезал овсюг, и порой агроном решался (опять-таки на свой страх и риск) перепахать поле и снова засеять. За пределами совхоза дело доходило порой до разрыва дипломатических отношений с начальством. Ведь, вводя паро-зерновой севооборот, агроному неизбежно приходилось сокращать посевную площадь, а она считалась неприкосновенной.

Мягкий, сдержанный Трусов оказался человеком с крепкими нервами. За пять лет он сократил совхозные посеы на пять тысяч гектаров и довел "гуляющую" площадь почти до 30 процентов. К 1965 году пары в хозяйстве были в основном внедрены.

За 1961-1965 годы в "Мирном" в среднем с каждого гектара зерновых было собрано по 3,4 центнера зерна.

"Гуляющая" пашня показала свою силу уже в следующем пятилетии. Треть площадей под паром стала давать совхозу ежегодно половину валовых сборов зерна. Средняя урожайность зерновых в восьмой пятилетке "подскочила" до 7,8 центнера с гектара (на 4,4 центнера больше по сравнению с предыдущей). В государственные закрома в 1966-1970 годах было отправлено свыше 47 тысяч тонн зерна, почти в четыре раза больше, чем за 1961-1965 годы. В совхозе забыли о покупке семян, стали жить со своим фуражом. Но и это не все. За 1961-1965 годы совхоз имел более четырех миллионов убытков. Начиная с 1966 года зерновое хозяйство постоянно приносит "Мирному" прибыль.

У Михаила Ивановича почти всегда под рукой данные о средней урожайности зерновых по хозяйству начиная с 1961 года, первого года его работы в совхозе.

- За последние шестнадцать лет урожайность на парах по сравнению с зерновыми предшественниками была выше на 4,1 центнера, - говорит М. И. Трусов. - В особо благоприятные годы, скажем, в 1980-м, на каждом гектаре парового клина взяли по двадцать два с половиной центнера зерна, или на восемь больше, чем на зерновых предшественниках.

Казалось бы, и комментарии излишни. Но Трусов считает, что нет, и подытоживает:

- Всякая система земледелия должна иметь главное звено. В нашей зоне это звено, своего рода становой хребет системы, - севооборот с чистым кулисным паром. Именно с этого чистого кулисного пара начинается общая высокая культура земледелия. Образно выражаясь, усталость любого поля устраняется паром, поле после пара работает, как машина после капитального ремонта...

Я думаю, это убежденность знающего человека. Такой убежденности можно только позавидовать.

* * *

Но "Мирный" - это не только пары. Хозяйство высокой культуры земледелия - это и прогрессивная обработка почв (двух мнений на этот счет у Трусова и быть не может: основа - безотвалка), и работа с семенами, и высокая эффективность применения органических удобрений, и многое другое. Все здесь взаимосвязано, все важно, все имеет глубокий смысл. Читая все эти направления вопросами тактики, Михаил Иванович во главу угла ставит стратегию - генеральную линию работы. Что имеется в виду?

Зону, в которой расположена Павлодарская область, называют зоной рискованного земледелия. Звучит романтично и даже красиво. Но хлеборобу красоты в данном случае ни к чему - земледелие, особенно богарное, сопряжено с большим риском. Что же тут хорошего?

Трусов поднял данные местной Михайловской метеостанции за последние тридцать лет. Он и прежде не строил иллюзий насчет количества благоприятных для земледелия лет, но полученные данные поразили даже его: 23 года в этот период были засушливыми или острозасушливыми. Более того - тенденция к засухе возросла.

- Нужно твердо усвоить, - говорил на областной научно-практической конференции по совершенствованию почвозащитной системы земледелия М. И. Трусов, - что неблагоприятных, засушливых лет - большинство, они и есть типичные. И мы не вправе оправдывать просчеты в нашей работе засухой. Засуха в наших условиях - это норма; ориентируясь на нее, мы и должны действовать.

Трусов говорил еще очень о многом: о способах подготовки почвы, о сроках сева, о семенах, о многих других слагаемых урожая. Его выступление было одним из самых заметных, оно удивляло четкостью, почти афористичностью формулировок.

- Осадки осени и зимний снег на полях - это наш гарантированный урожай, осадки лета - урожай дополнительный.

- Срок сева - фактически вопрос: быть хлебу или не быть.

- Чистый пар - вот единственное в наших условиях средство стабилизировать сборы зерна, это ключ к системе хозяйствования.

- Чем сложнее и жестче погодные условия, тем более разумно должно вестись земледелие, тем меньше в нем должно быть шаблона.

В сущности, все эти высказывания и есть суть хлеборобской стратегии передового хозяйства, генеральной линии работы, которая в основе своей уже предполагает не содействие, а противодействие природы. Работать, заранее зная, что природа будет против тебя, конечно, непросто. Зато - никаких скидок на стихию, зато - двойная отдача в редкие благоприятные годы.

В подтверждение хочу рассказать о работе с новыми сортами зерновых культур - давнем увлечении Михаила Ивановича Трусова. Он не перестает экспериментировать в этом плане с тех пор, как навел на земле порядок: полностью внедрил севообороты с парами и перестал закупать семена.

На полях "Мирного" получил путевку в большую жизнь сорт пшеницы "Кзыл бас". Десятки, сотни тысяч тонн хлеба дал этот сорт стране, перебравшись с полей совхоза в другие хозяйства.

Помимо всего прочего, Михаил Иванович любил "Кзыл бас" за неповторимый окрас. "Красная голова" - в переводе на русский. Трусов долго не хотел с ней расставаться: "За одну красоту держать можно!"

Одними из первых в области здесь начали работать с сортом пшеницы "Карагандинская-2". Ориентированная на жесткий засушливый климат, пшеница этого сорта в течение пяти лет давала лучший результат в сравнении со старожилками - "Саратовской-29" и "Пиротрикс-28", в 1980 году ей была отведена основная часть посевов этой зерновой культуры. Ошибки быть не должно, рассуждал Трусов, ведь не случайно целых пять лет подряд "Карагандинка" значительно превосходила по урожайности все прежние сорта. Но Трусов не знал, да и не мог знать одного - того, что год, если применить его градацию, окажется нетипичным, исключительным годом, каких не помнят даже старожилы Михайловки. Необычно обильное количество осадков пришлось на период цветения и налива зерна. Воспитанная в буквальном смысле по-спартански, "Карагандинка" очень неуютно себя чувствовала при избытке влаги и нехватке тепла. Небольшая часть посевов дала даже щуплое, недоразвитое зерно.

Трудной была та осень для Трусова. Снова обострилась болезнь, и не давала ни минуты покоя тревога о хлебе: созревание зерновых на редкость затянулось (чтобы в середине - конце сентября хлеба стояли сплошь зелеными - такого еще не случалось). Но больше всего беспокоила все же "Карагандинка". Ведь этот сорт пшеницы давно шагнул, с легкой руки "Мирного", к соседям и занимал в районе десятки тысяч гектаров.

На карту была поставлена не только честь семеноводческого хозяйства, но и судьба хорошего, надежного в общем-то сорта... Сколько километров исходил в те месяцы Трусов, меряя привычно по диагонали зеленые и бурые пшеничные поля, сколько передумал? Об этом знает он один.

"Карагандинка" все же выстояла. Основные массивы дали приличный урожай, и свой миллион с лишним пудов зерна "Мирный" отправил государству.

Но трудная жатва принесла Трусову не только тревоги. Были и радости.

С пяти центнеров начиналась в "Мирном" "биография"

"Омской-9", сорта пшеницы, полученного СибНИИСХозом, с учеными которого Трусова связывают давние плодотворные контакты. "Омская-9" - сорт новый. Новый даже не потому, что появился недавно, новый по своим биологическим свойствам. Этот сорт, по определению Трусова, относится к разряду интенсивных. Давая прибавку урожая в два - три центнера, по сравнению со всеми уже существующими сортами в хозяйстве, в обычные засушливые годы, этот сорт в более благоприятных условиях способен резко увеличить урожайность.

В 1980 году "Омская-9" на площади 933 гектара дала почти по 32 центнера на каждом гектаре.

- Вы понимаете - ведь это настоящий взрыв, это уровень Кубани. Значит, не зря все! - Михаил Иванович не сдерживает радости. - И что еще очень важно: при такой - не будем скромничать - фантастической урожайности стебли не полегают даже при наших ветрах.

Несколько минут спустя разговор возвращается в более спокойное русло.

- Будем продолжать работу с "Карагандинкой". Я уже написал письмо автору сорта, где прошу ответить на многие вопросы, связанные с будущим сорта. Большие надежды возлагаем на "Омскую-9". Хорошая во всех отношениях пшеница: зерно крупное, белка в нем много, стебель прочный, но "работает" по-настоящему только в "генеральских" условиях - на лучших предшественниках, не терпит нарушения технологии. Потому-то и ведем поиски такого же высокоурожайного сорта, способного давать большой хлеб на нашем обычном пайке - зерновых предшественниках, в условиях недостаточной увлажненности.

Мне кажется, это и есть партийный и государственный подход к делу. Ведь новые сорта семян зерновых культур - это хлеб на завтра. И это не только хлеб "Мирного". Это хлеб многих других хозяйств.

* * *

Работа на земле - это прежде всего работа с людьми. Какими методами пользуется Михаил Иванович для достижения поставленных целей?

Был такой случай. В горячую пору предпосевной страды Трусов решил проверить качество пахоты (готовили землю под кукурузу).

Способ проверки прост и неизменен - агроном проходит поле по диагонали, независимо от его размеров. Ходьба по свежевспаханному полю - занятие не из самых легких, зато всякие ошибки исключены. Трусов пересек участок в триста гектаров и пришел в крайнее негодование: такого за все время его работы еще не случалось - поле было

вспахано не просто плохо - отвратительно. Глубина пахоты, за исключением узкой "ленты" гектара в четыре, не отвечала заданной технологии. Велико было искушение собрать трактористов, обидные слова уже были готовы сорваться с губ, но Трусов сдержался. Сдержался потому, что сам не находил объяснения случившемуся. Обиднее всего было то, что работали на поле в основном опытные и добросовестные механизаторы. Главный агроном остановил все тракторы (дело к вечеру), велел собраться всем вместе завтра в шесть утра.

На следующий день вместе с народными контролерами приехал в бригаду, собрал всех "авторов" вчерашней пахоты и сказал:

- Идите! Хочу показать вам, как не надо работать.

Механизаторы шли следом как в воду опущенные. Дойдя до полоски, вспаханной по всем требованиям технологии, Трусов спросил:

- Чья работа?

Когда услышал ответ, сначала не поверил: пахал мальчишка, вчерашний выпускник училища механизации, лишь несколько дней назад пришедший в бригаду.

Работу переделали, конечно. Трусов решил никого не наказывать: он по-прежнему не находил объяснения всему, что произошло. Снова приехал в бригаду, собрал нескольких механизаторов, решил поговорить по душам. И разговор состоялся.

- Никто и не собирался куролесить, - рассказал один из механизаторов. - Как-то само собой вышло. Только разбил загонки, начал пахать, вижу, меня обгоняют. Сначала не придавал значения, потом смотрю - у него же плуг чуть землю ковыряет, халтурит, гектары, короче, вырабатывает. Тракторист хоть и не молодой, а не из тех, кто горит на работе. На равных-то ему со мной тягаться не по силам, а так - только посмеивается. Надо бы остановить нахала, а меня глупая обида взяла: почему ему можно, а мне - нельзя. И стыдно, что брак гоню, а остановиться не могу... Глядь - и другие по нашим следам.

- Да - а, - протянул Трусов, - хитрая механика. Хорошо, хоть тот парень не успел разобраться, что к чему, и работал так, как его учили.

- Честно сказать, и заработка не хотелось упускать, - вставил один из участников разговора. - Обидно ведь, если кто-то работает хуже тебя, а получит больше...

На первый взгляд простой случай недобросовестного отношения к делу заставил главного агронома задуматься о многом. Человек, в особенности мастер, должен гордиться своим высоким профессионализмом, должен чувствовать себя хозяином земли, на которой работает. Начинать здесь нужно с того, решил Трусов, чтобы поднять еще выше престиж настоящего мастера среди механизаторов.

Проведя несколько вечеров с карандашом и бумагой в руках, главный агроном пришел в партком совхоза с конкретным предложением - разработать положение о присвоении лучшим из лучших механизаторов звания "Мастер высокой культуры земледелия". Проект положения был, по существу, уже подготовлен им самим. Положение было утверждено совместным решением парткома, администрации, рабочего и комсомольского комитетов хозяйства.

Впервые звание мастера высокой культуры земледелия было присвоено нескольким механизаторам: Александру Владимировичу Дунькину, Мартыну Ивановичу Маулю, Николаю Андреевичу Ралдугину... Им были выданы специальные удостоверения, механизаторам устанавливалась дополнительная оплата, они пользовались правом собственного контроля любой выполняемой ими работы. Трусов в первое время специально объезжал стороной рабочие участки этих механизаторов.

- Вы хоть поздороваться приезжайте, - с обидой сказал ему при встрече В. А. Дунькин, - а то живем как раки-отшельники.

- Заеду, - улыбнулся Трусов и на следующий день побывал у механизатора, проверил работу, успокоил: не волнуйся, все в норме, мастер же, так и должно быть. А сам от души порадовался - работа была выполнена безукоризненно. Кстати сказать, ни один из тех, кто получил звание мастера высокой культуры земледелия, ни разу не дал повода никому из специалистов и товарищей механизаторов усомниться в своем высочайшем профессионализме.

- Испытание доверием - лучший способ проверки и воспитания кадров, - убежден Михаил Иванович. - В самом деле, было бы по меньшей мере неразумно после двадцати лет работы бок о бок постоянно проверять бригадира Ивана Михайловича Гладкого или агронома Дмитрия Федоровича Чобана, постоянно отдавать им приказания. Мы же понимаем друг друга с полуслова, с полувзгляда...

Наверно, нигде не бывает столь прочна и стойка сила привычки, как у людей, связанных с сельским хозяйством. Всякое нововведение связано здесь с коренной ломкой устоявшихся традиций, психологии. Именно поэтому проблемы возникают совсем неожиданно.

В совхозе вводили новый агротехнический прием: боронование кукурузы по всходам. Суть - необычайно проста. Вместе с зелеными побегами будущей кукурузы даже у хорошего хозяина могут ползть сорняки. В этот самый момент и нужно пройти боронами по полю - сорняк будет уничтожен, а побеги кукурузы через несколько дней поднимутся.

Трусов приехал на поле одной из бригад. Трактора стоят. Механизаторы на месте, агрегаты исправны, но никто не работает.

- В чем дело? - поинтересовался агроном.

В ответ - молчание.

- Почему не работаете, спрашиваю? - уже другим тоном переспросил он.

- Потому что это вредительство, - после затянувшейся паузы запальчиво ответил один из кукурузоводов.

- Что-что?..

- А то, - уже смелее повторил тот. - Я здесь пахал, сеял, а теперь - все коту под хвост. Нет, так дело не пойдет... Вы лучше на поле хорошо посмотрите.

Трусов посмотрел и сразу все понял. На поле радовали глаз уходящие к горизонту изумрудные строчки всходов, а у самого края, где успел пройти трактор с боронами, лежала безжизненная черная полоса: ни сорняков, ни всходов... То, что зеленые ростки после боронования оказались сплошь засыпанными землей, сбило многих с толку. Ну, а вдруг не встанут - будет погублен, выходит, и не только сорняк, но и кукуруза?

Агроном по старому опыту знал: приказ здесь не поможет. И хотя обидно было - ведь зимой на специальных занятиях сколько говорили об этом и буквально несколько дней назад инструктировал агрономов отделений и бригадиров - обиду показывать не стал. Действительно, психологически довольно трудно видеть погребенными под землей результаты своего труда.

Прочитал тут же короткую лекцию. Убедил и неожиданно посоветовал:

- Меньше назад смотрите - легче будет.

Попросил оставить на краю узкую полоску земли неборонованной - для наглядности.

Уже через несколько недель, во время культивации кукурузы, никого не нужно было убеждать в том, насколько эффективен новый агротехнический прием. Стебли на неборонованной полоске явно не выдерживали конкуренции с упругими своими собратьями на основном участке.

Случай этот, кроме всего прочего, говорит о том, что агроному очень часто нужно быть психологом. Михаил Иванович - тонкий психолог. Умение чувствовать душевное состояние собеседника, способность учитывать состав и характер аудитории, с которой предстоит иметь дело, и отлично ориентироваться в сложных психологических ситуациях позволяют ему довольно часто играть роль лидера. И это в равной мере может случиться на дружеской вечеринке или сельской свадьбе, производственном совещании и даже во время неожиданной встречи с незнакомыми людьми. И дело тут не во внешних эффектах, а в умении найти главное звено, те самые струны, от которых зависит душевное состояние людей.

Я думаю, не случайно Трусов считается одним из лучших нынешних лекторов в районе и области - эту свою партийную нагрузку он уже добрых два десятка лет выполняет с большим удовольствием и большим знанием дела.

Заговорили как-то о характере, достоинствах, которыми должен обладать руководитель, и Трусов с присущим ему мягким юмором в картинках рассказал историю. Директор совхоза, возвращаясь домой из поездки в соседнюю область, решил заехать по пути к другу, председателю колхоза. Зашел в контору - председателя нет, а в его кабинете главный зоотехник проводит совещание с животноводами. В приемной директору сказали, что председатель должен подойти, и, чтобы не терять даром времени, он решил присутствовать на совещании. Человек темпераментный, горячий, директор, недовольный ходом совещания, стал бросать реплики, задавать вопросы, выражать свое несогласие и так далее, и тому подобное. Когда пришел председатель колхоза, его друг директор уже вел совещание. И доярки тут же обратились к председателю с серьезной просьбой - "оставить товарища председателя" в колхозе вместо работающего зоотехника.

- Вот это - лидер! - закончил с улыбкой Трусов, - я бы не смог так...

Наверное, не смог бы. Из-за душевного такта, сдержанности, хотя дело не только в них. Главное - у Трусова практически не бывает ошибок в выборе, если можно так выразиться, метода воздействия на человека или целый коллектив. Иногда для создания рабочего настроения достаточно хорошего анекдота, иногда полезен разговор по душам со всеми, а иногда необходим публичный выговор. Важно знать, когда что нужнее. Трусов знает. Но в совхозе ему, конечно, легче: авторитет агронома здесь настолько высок, что такая мера, как выговор, применяется лишь в исключительных случаях. Бывают, однако, ситуации и посложнее.

Несколько лет назад Михаил Иванович представлял Павлодарскую область на всесоюзном совещании по проблемам выращивания гречихи. Разговор на совещании начали украинские специалисты. Говорили о подготовке земель под культуру, о сроках сева, особенностях уборки. Трусов привычно отмечал в блокноте: урожайность приличная, но площади по нашим меркам, даже для одной бригады, мизерные - 150-200 гектаров. Неожиданно услышал: "Подготовиться товарищу Трусову, Павлодарская область..."

Михаила Ивановича не предупреждали на месте, что придется выступать, и сначала хотел отказаться: все же всесоюзная трибуна, а под рукой не единой бумажки... Чуть подумав, решил. Гречихе в совхозе отводили довольно большие площади, урожай она давала стабильный. Агротехника возделывания сложилась, но значительно отличалась от общепринятой. Об этом и решил говорить. Обрисовал в нескольких предложениях особенности зоны, состав и качество почв; уловил легкое удивление в зале, когда назвал годовую норму осадков (меньше цифры до сих пор не называли), и добавил не без иронии:

- Сказать проще, всеми научными рекомендациями, условиями земными и силами небесными противопоказано сеять в нашем краю гречиху, - здесь Трусов сделал паузу, - но мы все-таки сеем.

Зал настороженно молчал.

Тишина нарушилась после того, как Трусов повел речь об агротехнике выращивания культуры.

- Молодой человек! - возмущился сидевший до сей поры спокойно старичок из президиума. - Скажите мне, кто вас учил так выращивать гречиху... Это же сущее безобразие.

- Профессор Капелькиевский, автор сорта гречихи, о которой вы говорите, - успел кто-то шепнуть в спину чуть было не растерявшемуся Трусову.

Никак не отреагировав на "молодого человека", Трусов решительно возразил:

- То, о чем я говорю, испытано не раз, а ваши рекомендации, товарищ профессор, для наших условий приемлемы далеко не полностью...

Председательствующий призвал обе стороны к порядку и спросил, обращаясь к Трусову:

- Сколько земель отводите под гречиху?

- Две - две с половиной тысячи гектаров.

- Тысячи? - переспросили из президиума. - И что же получаете?

- В прошлом году сняли вкруговую около четырнадцати центнеров с гектара.

Последние слова агронома потонули в дружных, одобрительных аплодисментах.

После выступления Трусова в президиум пришло несколько записок с просьбой предоставить слово - от посланцев Алтайского края, омичей, новосибирцев. Многим слово было предоставлено, и большинство из них начинали с фразы: "Как совершенно справедливо отмечал в своем выступлении товарищ Трусов..." И подчеркивали, что агроном затронул очень важные вопросы, важные для целого ряда областей.

Для меня описанный случай интересен прежде всего как еще один штрих к портрету Трусова, человека волевого, решительного, очень "неудобного" порой для начальства; для Михаила Ивановича - это повод для продолжения разговора на волнующую тему:

- Проблем с гречихой еще немало. Смотрите - что получается. До тех пор, пока урожайность гречихи планировалась в пределах пяти - шести центнеров с гектара, площади ее в нашем краю объективно росли: ведь закупочные цены на эту культуру гораздо выше, чем, скажем, на пшеницу или фуражные. Но, планируя рост урожайности гречихи в равных пропорциях с ростом урожайности зерновых, мы оставим хозяйства, имеющие большие площади гречихи, в явно невыгодных условиях. Ввиду своих биологических особенностей эта культура не может давать в нашей зоне такие же урожаи, как пшеница. Поэтому гречиха снижает общую урожайность зерновых. Для того чтобы вновь поднять престиж ценной продовольственной культуры, необходимо планировать ее урожайность в разумных пределах и, самое главное, планировать отдельно от зерновых, а не в общем вале...

Чем больше встречаюсь с Трусовым, тем более убеждаюсь: суть вопроса, стержень проблемы - вот что занимает его в любом деле, в любом споре, в любой области знания.

* * *

В этом году исполняется двадцать лет со дня основания совхоза "Мирный". Ровно столько работает в совхозе Михаил Иванович Трусов. "Мирный" - крупное зерновое хозяйство с развитым животноводством, совхоз по праву считается одним из лучших в районе, хорошо известен и за его пределами. Трусов поработал над становлением родного хозяйства, наверное, как никто другой. Оглядываясь назад, он может гордиться сделанным. Урожайность зерновых растет из года в год: в девятой пятилетке удалось перешагнуть рубеж десяти центнеров с гектара, в десятой - вплотную приблизились к двенадцати центнерам. Среднегодовой прирост поставок хлеба государству по сравнению с девятой пятилеткой составил две тысячи тонн. Две тысячи тонн ежегодно - это немало, если учесть, что посевные площади оставались практически неизменными. Только за последние десять лет хозяйство реализовало государству свыше семи миллионов пудов зерна. В минувшей пятилетке уже дважды "Мирный" занимал достойное место в ряду хозяйств-миллионеров области. Совхоз имеет четкую программу действий не только на ближайшую пятилетку, но и на целое десятилетие.

Программа эта довольно обширна, и я хочу сказать лишь о главных составных частях агротехнического комплекса, разработанного здесь. Исходя из природно-климатических особенностей, планируется в острозасушливые годы (а их, по многолетним данным, 20-30 процентов) полностью обеспечивать себя хорошими семенами, животноводство - необходимым количеством всех видов кормов, в том числе и фуража, продавать государству не менее шести тысяч тонн зерна; особое внимание уделять в такие годы повышению культуры земледелия и плодородия почв.

В обычные засушливые годы (таких большинство - 40-50 процентов, поэтому Трусов и называет их типичными) ставится задача собирать не меньше десяти центнеров зерна с гектара, полностью обеспечивать животноводство всеми видами кормов, сдавать государству не менее двенадцати тысяч тонн зерна - то есть в размерах установленного плана. Продолжить работу по повышению культуры земледелия и плодородия почв.

В нетипичные, особо благоприятные годы (таких около 20 процентов) получать максимальную отдачу с каждого гектара, используя силу земли, накопленную прежде. В эти годы будут покрыты недопоставки зерна острозасушливых лет, будет сделано все возможное для выполнения общей производственной программы.

Программа, разработанная в "Мирном", ценна прежде всего тем, что очень четко определяет цели земледельцев; независимо от условий, которые могут сложиться, она не оставляет лазеек на случай капризов природы, она рассчитана на максимум собранности и ответственности каждого за судьбу урожая.

Эта четкая программа работы еще раз показывает, насколько выросло некогда отсталое хозяйство. Вместе с ним вырос Трусов, его авторитет среди односельчан, его слава земледельца. Золотой и двумя бронзовыми медалями ВДНХ СССР, орденом "Знак Почета", двумя орденами Ленина отмечен его труд на земле. И вот еще одна - высшая награда Родины, высокое звание Героя Социалистического Труда. Но что может быть большей наградой истинному хлеборобу, чем большой хлеб, налитый живительными соками земли тучный колос на его поле?

Поле для Трусова - что близкий человек. И нельзя с землей строить отношения, считает он, исходя из чисто потребительского принципа.

- У каждого поля есть своя очень долгая и порой очень сложная жизнь, - говорит Михаил Иванович, - и агроном, любой человек на земле, если он хочет завоевать доверие поля, должен, обязан знать эту долгую жизнь. Случайному человеку это не под силу...

Трусова много лет назад назвали в одной из газетных публикаций кудесником полей. Журналист, видимо, хотел поярче выразить те перемены, которые осуществил на земле агроном, и глубоко обидел человека. Ведь земля не цирковая арена, а агроном - тем более не фокусник. Трусову не по душе такое определение, как законодатель полей - лучше, проще, а главное, вернее по сути - технолог.

- Современный агроном обязан рисковать, - убежден Михаил Иванович, - настоящий поиск - это всегда риск. Но этот риск не игра "ва-банк", такие игры не для земледелия. Риск в нашем деле должен строиться на возможно более полном расчете, он должен быть обоснованным.

Рисковал он в своей жизни много: когда внедрял пары и когда решительно переходил на поздние сроки сева, когда, уже достигнув многого, искал новые сорта пшеницы и давал им большую жизнь. Но никогда риск для него не был самоцелью, просто он как человек и как коммунист старался делать свое дело как можно лучше и не боялся принимать самостоятельные решения.

Порой он очень сильно уставал и однажды даже чуть не оставил совхоз. Главное - он имел моральное право это сделать. Землю оставлял в наследство ухоженную, плодородную, да и любой из сыновей Трусова (а они выбрали делом своей жизни профессию отца) мог бы, наверное, составить ему хорошую замену. И работу в областном центре предлагали приличную, интересную даже. Но Трусов отказался.

Видно, не смог расстаться с местами, где прожил уже добрые полвека, думал я, да и как оставить свой дом и сад, где так буйно цветет по весне сирень и воздух напоен волнующими сердце ароматами. Отцветает сирень - зацветает шиповник: пышных десять кустов (в прошлом году мать Трусова набрала здесь целое ведро целебных плодов). Как расстаться с таким дорогим и ставшим привычным уголком жизни, думал я. Но когда поделился своими догадками с Трусовым, он недовольно поморщился:

- Не в доме дело. Просто я как-то очень неуютно себя чувствую, если несколько дней не вижу пшеничного поля.

И в этих словах не было ни малейшей фальши.

У Трусова нет, кроме работы, никаких больших увлечений или настоящего хобби, как теперь выражаются. И это лишний раз подчеркивает цельность его характера: ведь дело, которому служит Михаил Иванович - это для него и служебная обязанность, и призвание, работа и отдых одновременно.

- Никогда не задумывался до сих пор, счастлив ли я, - сказал мне Трусов. - Просто это моя жизнь, и другой мне не надо.

Я думаю, что это - тоже формула счастья.

Журнал "Простор", 1981 год.

Что было потом...

"Хлеб - это тоже политика"

Последний раз мы встретились с Михаилом Ивановичем Трусовым лет шесть-семь назад. Он уже был на пенсии, но по-прежнему активно интересовался тем, что происходит на селе, его приглашали на еще проводившиеся в ту пору районные предпосевные агрономические совещания. Он выступал, говорил не только о делах текущих, но и о вещах куда более важных. Его очень волновало, что станет с землей, которой он отдал столько сил.

И в ту последнюю встречу мы долго говорили с ним, по сути, о том же. Эта беседа была опубликована. Мне кажется, она несколько не потеряла своей актуальности. И я привожу ее с небольшими сокращениями.

- Любой равнодушный человек сегодня поневоле задумывается: что же с нами происходит, куда мы идем? - говорил Михаил Иванович. - Вот и мне безразлична судьба страны и земли... Я не политик, я земледelec. Но земледелие - это ведь тоже политика, тем более что "хлебный" вопрос у нас уже, можно сказать, вырос до уровня политического... И я очень обеспокоен отсутствием какой бы то ни было государственной политики в вопросах земледелия.

- А так ли она нужна? Разве это не дело самих земледельцев, которые в конце концов должны стать свободными?

- Ну что ж, давайте разбираться. Вспомним, что мы имели. Да, прежняя система взаимоотношений государства с селом была во многом порочной, страдала многочисленными перекосами... Но если не грешить против истины, нельзя не признать: в земледелии она утверждала известные приоритеты, поощряла и наказывала и, хоть со скрипом, но действовала. Тот, кто действительно умел и хотел работать, при той системе мог это делать... Правда, не всегда без крови...

Говорю это не к тому, чтобы защищать отжившее: конечно же, многое нужно было менять, и я в свое время сам этого требовал... Речь о том, почему обязательно нужно сперва разрушить "до основания", а все остальное - "затем", в том числе и думать... Я вижу, что в селе и, в частности, в земледелии идут разрушительные, а не созидательные процессы. Земля все более обесценивается, становится все более ничейной и все более незащищенной... Вы посмотрите, что происходит: всю жизнь я боролся за то, чтобы земледелец стал более свободным, а

теперь вижу, что свобода в ее нынешнем виде вредит делу, которому отдана вся моя жизнь. Я был за ту свободу, которая развязывает руки земледельцу и сеет разум, но не за ту, что развязывает нравы и сеет анархию...

Самой страшной бедой на моей памяти была ветровая

эрозия, и устранение ее последствий вынужденно объявили общегосударственной задачей. Теперь процессы, по силе разрушения сравнимые с эрозией почв, идут во всем земледелии, в душах людей, а государственные мужи делают вид, что ничего не происходит... Мне кажется, подобная "политика" безрассудна.

- Тут, наверное, можно было бы вспомнить: к ветровой эрозии ту же целину привела как раз государственная политика, - возразил я, - всенародной задачей объявили распашку громадных массивов земли, а это, как оказалось, и было чистейшим безрассудством... Но мы, впрочем, всегда куда с большей охотой отвечали на вопрос "кто виноват?", нежели на другой - "что делать?" Главный предмет спора между (назовем их условно так) консерваторами и реформаторами в том, кто накормит страну: совхозы-колхозы или фермерские и крестьянские хозяйства. За кем из них будущее?

- Я сразу скажу, что тут неправомерна сама постановка вопроса: "или-или"... Отвечая, я бы применил противоположную формулу: "и-и". И опять же давайте разбираться. Безусловно, и фермерские, и крестьянские хозяйства обязательно займут свою нишу в агропромышленном производстве. Им, как и совхозам-колхозам, нужна государственная поддержка, равные, по сравнению с колхозно-совхозным сектором, условия для развития. Но говорить о том, что при их нынешнем зародышевом состоянии и существующих реалиях в экономике фермеры будут давать основную часть продовольствия, - чистейшее прожектерство.

В ближайшие годы основная тяжесть задачи продовольственного обеспечения страны по-прежнему будет лежать на совхозах и колхозах, но при условии поддержки их государством. Слава Богу, у нас хватило ума не доводить дело до декolleктивизации и "десовхозизации..." (Ошибался Михаил Иванович: провели-таки - и именно по-большевистски. - Ю.П.). Но ведь хозяйства постепенно удушаются экономически: большинство из них по несколько лет не покупают технику, минеральные удобрения (раньше их навязывали - теперь приобретать не за что), продукцию у них, как и прежде, отбирают за бесценок... Говорят, все изменится, как только произойдет приватизация колхозов и совхозов. Правильно: реформа собственности необходима. Но сама по себе, без решения других вопросов (реформирования цен и т.д.) она ничего не даст. Нельзя забывать и о том, что совхозы и колхозы - сложившаяся система хозяйствования, со своей социальной базой и даже психологией. Форсированный ее демонтаж, быстрый распад может обернуться настоящей катастрофой... Нынешнее крестьянство частично люмпенизировано, но в здравом смысле ему никак не откажешь. Почему даже толковый механизатор не прельщается фермерством, предпочитая ему более скромный заработок в совхозе? Да потому, что первое - журавль в небе, а второе - синица, но в руках: люди готовы обойтись малым в обмен на стабильность, уверенность в завтрашнем дне. Они знают, что в совхозе-колхозе в любой год не пропадут, а в фермерах, особенно сегодня, выживут вряд ли... Именно в этом, а не в рабской психологии нынешнего сельчанина, не в его сверхконсерватизме суть проблемы.

- Складывается впечатление, что вы не особенно верите в перспективы фермерства вообще... Не боитесь обвинения в консерватизме?

- Меня недавно один собеседник назвал умным консерватором. Хорошо хоть еще умным... Но это так - к слову. Что же касается фермерства, то давайте опять же разбираться. Мне кажется, мы подчас упрощенно, если не извращенно, воспринимаем его сущность. На сытом Западе - в США и Канаде (ее условия более соответствуют нашему Северному Казахстану) это, как правило, достаточно крупные хозяйства - от 500 и более гектаров. Со своей обязательной системой севооборотов, семеноводства, защиты растений и прочими атрибутами. Только при условии грамотного, интенсивного ведения земледелия зерновое производство может быть рентабельным. И еще при государственной поддержке - необязательно через дотации или иные финансовые вливания, а, скажем, через льготное кредитование, налогообложение и другие экономические стимулы.

Теперь давайте посмотрим, что у нас? После проведенных недавно землеустроителями расчетов оказалось: каждому взрослому жителю "Мирного" полагается земельный пай в 37 гектаров пашни. Организовать в одиночку на этой площади товарное производство зерна (а равно и кормов, хотя мы с вами главным образом ведем речь именно о хлебе) - по меньшей мере блеф... Значит, все равно надо объединяться. Ну, объединились несколько человек, сложили "капитал" - стало у них 100-150 гектаров... Нужен трактор, шлейф сельхозорудий к нему, комбайн... Малое товарищество таких расходов просто не потянет... А если и возьмут люди кредиты под нынешние грабительские проценты, то нет никакой гарантии, что даже в средних погодных условиях смогут сделать производство зерна рентабельным. Оно в наших условиях способно быть таковым лишь на достаточно больших площадях, при условии применения высокопроизводительной техники типа К-700, широкозахватных почвообрабатывающих орудий... И ведь мы с вами не касались еще одной важной проблемы - что будет с той землей, поделенной на "кочки".

- Но мы знаем и такие примеры, когда она в руках фермеров резко увеличивает отдачу...

- Правильно, но лишь на первом этапе, в первые год, два, три - и за счет более усердной работы на ней, и за счет более жесткой ее эксплуатации... Но затем спад будет неизбежен - обязательно скажется отсутствие настоящего профессионализма у новых хозяев, четкой, продуманной системы в работе с землей... Раз уж мы так любим обращаться к зарубежному опыту, почему молчим о том, что такое сегодня фермер, производящий зерно в Канаде? А это, кроме всего прочего, прекрасно образованный технолог. Человек, знающий все тонкости земледелия, агрономической науки. Без этого ему просто не выжить, не выдержать жесткой конкуренции. У нас же так сложилось, что механизатор всегда был лишь исполнителем, а все технологические нюансы оставались заботой агронома. Наверное, такое разделение обязанностей в известной степени ущербно, но ведь это было и есть. Это реальность, с которой нельзя не считаться. А между тем я замечаю, что потенциал нынешнего агрономического корпуса агрономов отнюдь не укрепляется. Мне могут, наверное, заметить, что есть Николай Стрельба в "Победе", Василий Петрушкин в "Бобровке", назвать еще несколько имен... Но эти люди - исключение, а не правило. А в ряде случаев земля вообще оказывается брошенной на произвол судьбы. Утрачивается даже то, что было достигнуто: элементы интенсивной системы земледелия, семеноводства, защиты растений... Поэтому, мне кажется, сегодня нужен государственный контроль за плодородием земли - достаточно жесткий, предусматривающий штрафные санкции и другие меры воздействия на тех, кто бездушно разбазаривает это наше национальное достояние. Свобода свободой, а в США, например, подобное предусмотрено. У нас - пока нет. И поразительное дело: ослабление административного нажима некоторые из моих коллег восприняли как право творить на земле что вздумается... Не спрашивают ведь... Начиная с 1986 года в районе неуклонно снижается урожайность зерновых, а в моем родном "Мирном" этот процесс идет уже целое десятилетие... Наверное, и на нас, агрономах, лежит доля ответственности за это. Иногда вот о чем, грешным делом, думаю: а ведь кое-кому из агрономов неожиданная свобода - прямо тяжкий крест. Раньше такие как им прикажут - так и делали. Будет урожай - хорошо, а не будет - тоже не беда, ведь не сам он решал - приказали... Теперь надо думать, решать самому - а не получается, не приучили... Надо учиться - или уходить.

- Михаил Иванович, давайте как-то подытожим нашу беседу...

- Я бы выделил, пожалуй, несколько моментов. Не следует противопоставлять сохраняющиеся и реформирующиеся совхозы и колхозы и фермерские (крестьянские) хозяйства. И те и другие, на мой взгляд, имеют право на жизнь. Им должны быть созданы равные условия для развития, обеспечена обязательная государственная поддержка, какой пользуется аграрный сектор во всех цивилизованных странах. А время покажет, какая система хозяйствования эффективнее. Товарное производство зерна в условиях нашей зоны возможно лишь на больших площадях с применением высокопроизводительной техники. Этот важнейший фактор необходимо учитывать при реформировании аграрного сектора. На мой взгляд, необходима система государственного контроля за плодородием земли, поощряющая его рост и наказывающая (экономически и административно) снижение.

Эта беседа, которую я бы назвал монологом-предостережением против бездумного реформаторства в земледелии, была последним публичным выступлением Михаила Ивановича. Я думаю, он очень хотел быть понятым, услышанным.

Не поняли, не услышали...

* * *

Михаил Иванович Трусов ушел из жизни летом 1998 года. Он покончил с собой, повесившись дома в дровяном сарае. Судя по всему, решение это не было ни случайным, ни спонтанным: в нескольких предсмертных записках - родным, лечащему врачу, властям - он просил никого не винить в своей смерти, но написал также и то, что так больше жить не может...

Бессмысленно искать сегодня конкретных виновников его гибели. Можно сказать, виноваты все - и никто конкретно...

Последние годы жизни Михаила Ивановича были омрачены очень многим - на его глазах развалилось хозяйство, становлению которого он отдал столько сил и лет, приходила в запустение земля, которую он когда-то вылечил и взлелеял.

Добавила душевных мук невостремленность бесценного богатства, которым он обладал, - его энциклопедических знаний, уникального опыта, редкого земледельческого таланта. Он ведь был настоящим академиком от земледелия - личностью, сравнимой с такими звездами первой величины, как Терентий Семенович Мальцев, Александр Иванович Бараев...

А тут еще и собственное нездоровье, болезни, доставляющие физические и моральные муки... Бытовые неурядицы...

Он сам решил, как ему следует поступить. И мы не вправе его судить за это. Скорее, судить надо наше жестокое немилосердное время.

В год смерти Михаила Ивановича в его бывшем хозяйстве со всей посевной площади в три с половиной тысячи гектаров намолотили немногим больше четырех центнеров на круг, примерно столько, сколько получали здесь в те годы, когда он начинал работать...

Шарбакбаевы
из Шабара

В жизни каждого человека бывает такое, о чем бы потом хотелось забыть. У Куляй Шарбакбаевой таким временем была война. И она не любит вспоминать эти годы. А вот не забываются. В 1943 году умер муж, и она осталась в холодном и голодном Павлодаре одна с тремя ребятишками на руках. В ту пору ей было 30, старшему сыну - 6 лет, а младшему едва исполнилось 8 месяцев.

Как жить, если рядом нет родных? На первых порах помогали соседи, а потом сама устроилась на местный мукомольный завод подсобной рабочей. Надо было поднимать детей, и Куляй тянулась, как могла. Недоедала, недосыпала - лишь бы они не болели, не голодали...

Потом пришла победа, и жизнь стала понемногу налаживаться. Но город все-таки тяготил Куляй. Вспоминалась родная просторная степь, такие неповторимые запахи трав и кизячного дыма у старой юрты... Сами собой всплывали картины из полузабытого детства, и глаза застилало туманом... Тянуло туда, но разве тронешься с места с тремя детьми?

Вышло так, что решение, на которое у матери не хватало духа, принял старший сын - двенадцатилетний Насыр. Он видел, как тяжело ей поднимать всех троих, и однажды с попутным обозом отправился к дяде, в небольшой аул под Лебяжье. Мать всполошилась, первые дни плакала, но от сына стали приходить известия скорее радостные, чем тревожные. Насыр сообщал ей о том, что вместе с дядей пасет отару, работает хорошо, так хорошо, что совхоз ему якобы даже деньги платит...

Теперь и матери легче было решиться на переезд, к тому же родственники мужа давно уговаривали: перебирайся, хватит одной мыкаться.

Так и сама Куляй вскоре оказалась на том же третьем отделении совхоза № 23 (позднее - совхоз имени XXIII съезда КПСС). Стала помощником чабана. Дело было новое, но давалось легко. Ведь и деды, и прадеды Куляй всю свою жизнь водили отары. С радостью бралась женщина за любую работу, большую овцу, бывало, как ребенка выхаживала. Поэтому никто не удивился, когда однажды Куляй Шарбакбаева сама приняла отару в тысячу с лишним валухов. А в помощники взяла сына Насыра. Так вдвоем и управлялись.

В первый же год самостоятельной работы добились рекордного для хозяйства результата: с каждого валуха было настрижено по 6 килограммов тонкого руна. На следующий получилось уже по 6,4 килограмма, а еще через год чуть не дотянули до семи.

О ней заговорили в районе, потом в области, а вскоре ее имя стало известно в республике. Куляй Шарбакбаеву избрали депутатом Верховного Совета СССР. Такой поворот в судьбе! Потом пришла пора в первый раз ехать в Москву, на сессию. До этого дальше Павлодара нигде не бывавшая, Куляй почти всю дорогу не отрывалась от окна вагона. "Какая она, оказывается, огромная - наша страна! И как далеко ведут дороги из безвестного казахского аула ее, обыкновенную женщину-чабана!"

А жизнь между тем продолжалась и прибавляла забот. Куляй хорошо понимала, что ее нынешнее положение дает не только большие права, но и ко многому обязывает. Чтобы учить жить других, надо самой быть впереди. Ей предложили сдать валухов и принять отару овцематок. Она без колебаний согласилась, хотя, конечно же, знала, что будет труднее. А поскольку работать вполсилы Куляй не привыкла, то скоро опять заявила о себе. Сначала получала по ягненку от каждой овцы, потом по 105 от каждой сотни, потом - по 110... А между тем местные овцы не отличались высокой плодовитостью. В 1958 году Куляй Шарбакбаевой было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Она стала первой женщиной в Павлодарском Прииртышье, удостоенной столь высокой награды.

Ни звания, ни почести никак не повлияли на характер Куляй, она оставалась такой, какой ее привыкли видеть. Немногословная, работающая, готовая в любой момент прийти на помощь, взять на свои плечи ношу потяжелее.

Через несколько лет Куляй проводили на пенсию, а таяк, чабанский посох, хранивший тепло материнских рук, она вручила сыну, Насыру, ему же "по наследству" досталась ее отара. Отару валухов у самого Насыра принял младший брат Айтпай. Мать, уйдя на заслуженный отдых, от дел не устранилась, осталась в помощниках у старшего сына.

Работать с отарой после такого мастера, как мать, Насыру, конечно, было непросто. Чабаны в первое время сдержанно посмеивались. Мать-то доказала свое право называться опытной, посмотрим, на что способен ты. Насыр знал, что сделанное им будет измеряться самой высокой меркой. Но он тоже был в своем деле не мальчик. С двенадцати до пятнадцати лет работал в степи с дядей. Учился у него управлять отарой, выбирать пастбища, распознавать травы...

Мать научила его видеть не только отару целиком, но и каждую овцу в отдельности. Насыр был хорошим учеником, все схватывал на лету, ничего не забывая и ничего не пропуская. Словом, будучи моложе большинства других чабанов, Насыр начинал самостоятельный путь, имея на вооружении опыт дяди, матери, наконец, свой собственный, пусть и не очень большой. В этом было его преимущество перед другими.

Как же пошли дела у молодого овцевода? Как он сумел распорядиться всем тем богатством, что имел?

В здешнем краю давно селекционеры работали над созданием новой породы меринсовых овец. Ученые стремились вывести высокопродуктивных тонкорунных овец, хорошо приспособленных к местному климату, пастбищам сухих степей и полупустынь. Первоначальные поиски ученых прервала война, потом немало других проблем было, и только в 60-е годы работа возобновилась. Особенно успешно в Лебяжинском районе - в совхозах "Бескарагайский" и имени XXIII съезда КПСС. Ученые работали в тесной связи с колхозными специалистами и, разумеется, с чабанами.

Ведь именно чабаны должны были на практике доказать, что новая порода животных жизнестойка, высокопродуктивна, перспективна, а следовательно, имеет право на существование. Одним из тех, кто утверждал право новой породы на жизнь, был и Насыр Шарбакбаев.

Во все эти тонкости меня посвятил зоотехник-селекционер совхоза имени XXIII съезда КПСС Петр Иванович Павлов. Овцевод, по существу, всегда соавтор новой породы, утверждал он. И приводил в подтверждение цифры, которые, как известно, иногда бывают красноречивее и убедительнее слов. В восьмой пятилетке Шарбакбаев получил от каждой сотни овцематок по 127 ягнят. Это один из самых высоких результатов в районе и области, и, казалось, улучшить его невозможно. Но в девятой пятилетке чабан в пересчете на каждую сотню овцематок принял и сохранил по 131 ягненку. Итак, за первые одиннадцать лет работы старшим чабаном маточной отары Насыр получил и вырастил около десяти тысяч ягнят, получил более 400 центнеров шерсти. Много это или мало? Достаточно сказать, что иной совхоз не дает столько приплода и продукции за год.

Вот что значит семейная школа, опыт, помноженный на опыт. Но, конечно же, Насыр не был простым "копировальщиком" знаний и приемов своих наставников. Он постоянно сам искал новое. Такой уж характер у него беспокойный.

В свое время Павлодарская область стала инициатором внедрения в республике так называемого зимнего окота овец. А отработывали новую технологию первыми опять же такие чабаны, как Шарбакбаев.

- Зимний окот - дело стоящее, - говорит Насыр. - Ягнята рождаются крупными, здоровыми, хорошо усваивают материнское молоко, быстрее приучаются к подкормке. К весне настолько окрепнут, что можно смело выводить на пастбище.

Но зимний окот требует особой подготовки. Добротных, утепленных помещений, надежного запаса полноценных кормов и минеральных добавок. Не обойтись в эту пору чабанам и без помощников - сакманщиков.

Во время окота Насыр днюет и ночует в кошаре. Не для красного слова это сказано. В кошаре оборудуется комнатуха, куда он переносит кровать, старый полушубок. Здесь и отдыхает, если удастся выкроить несколько часов в сутки.

У Насыра за годы работы в овцеводстве сложилась целая система выхаживания ягнят.

Спрашиваю: часто ли бывают двойни?

- Это от года зависит. Бывало, принимал за окот до 200 и даже до 250 двоен. Случаются, правда редко, и тройни.

- Некоторые чабаны выкармливают двойняшек искусственным молоком, а вы?

- Считаю, что никакое искусственное питание не заменит материнского. Да и зачем такие опыты, если хорошая овца может сама выкормить и двойню, и тройню. Но вот замечал: та, что приносит тройню, двоих кормить отказывается, если третьего убиралась.

- Но ведь все равно: чаще всего один ягненок из двойни крепче, чем другой. Выходит, этот второй всегда будет голодный...

- А чабан на что? Какой ягненок, это сразу видно. Поэтому у меня такое правило - за слабым особый догляд. Недели через три-четыре уже не отличишь их - оба резвые, здоровые...

- А если овца отказывается от ягненка?

- Бывает и так. В таком случае держу их в клетке-одиночке подольше, и в конце концов мать признает малыша. Бывает, что овца больна или молока у нее недостаточно, хотя такое в моей отаре случается редко... Надо уметь подсадить сироту другой матери, которая только что окотилась. Как правило, принимает.

Как только ягнята окрепнут (примерно через две недели после окота), Насыр днем отделяет их от маток. Приплод остается в кошаре, а взрослые овцы на улице. Одним из первых в хозяйстве чабан применил отдельный способ содержания животных, а убедившись в его высокой эффективности сам, убедил в этом других. Теперь это общепринято. Что дает этот прием? Много, считает Насыр.

Важно подготовить овцу к тому, чтобы она могла выносить, родить, а затем и выкормить ягненка. Насыр старается создать для этого все условия. Он выгоняет на пастбище отару как можно раньше. В самую жару - овцы на водопое, затем отдыхают. Во второй половине дня зной спадает, и животные пасутся до самой ночи. Пастбища разные, есть целина, есть сеяные травы. К тому же совхозным отарам уже становится тесно на выпасах, и поэтому чабан старается сделать так, чтобы лучшие травы достались овцам к концу дня, когда животные уже утомлены.

Собственно, о тонкостях чабанского мастерства можно рассказывать сколько угодно. И Насыр в тайне своих секретов никогда не держал. Районная школа передового опыта овцеводов создана на базе его отары. Охотно принимает он коллег, делится знаниями. И тут, если брать по большому счету, если учитывать коллективный опыт семьи, в пору говорить уже не о школе - об академии чабанов Шарбакбаевых.

По заслугам, как говорится, и честь. Кабдылнасыр Ергалиевич (это его полное имя, Насыр - короче и проще, и поэтому его так в совхозе все и зовут) в восьмой пятилетке награжден орденом Октябрьской революции, а в девятой - орденом Ленина.

В 1976 году утверждена новая порода овец шерстно-мясного направления - советский меринос бескарагайского типа, или, как его теперь называют, североказахский меринос. Не зря десятилетия работали ученые и животноводы-практики! В том же году чабану совхоза имени XXIII съезда КПСС К.Е. Шарбакбаеву была присуждена Государственная премия Казахской ССР - так оценен его личный вклад в работу селекционеров.

Чем еще памятен тот год для Кабдылнасыра Ергалиевича? Тем, что, выйдя из-под отцовской опеки, принял отару баранов-производителей старший сын Айтжан. Отец порадовался: плохому чабану производителей не доверяют. Но сыну ничего не сказал. Не принято у Шарбакбаевых хвалить авансом.

В среднем за десятую пятилетку Насыр получил по 135 ягнят в пересчете на каждую сотню маток. Настриг шерсти составил 203 центнера (6,3 килограмма на голову ежегодно при плане 5,7). Кабдылнасыру Ергалиевичу Шарбакбаеву было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Тяжелейшей для хозяйства была одиннадцатая пятилетка. Всякий год львиную долю кормов совхоз получал в пойме Иртыша. Теперь редкими стали весенние разливы, скудеет пойма, не лучшее положение в степи. Три года подряд на землю обрушивалась засуха, и уже к середине лета выгорали на пастбищах травы. В зимовку не раз вступали, имея только половину необходимого запаса кормов. В таких условиях многие чабаны не выполнили обязательств. А Насыр за пятилетие получил и сохранил 3647 ягнят при плане 2900.

Недавно я снова побывал у Шарбакбаевых. Встречался и с постаревшей Куляй-апой. Здоровье у нее стало пошаливать, зрение ослабело, пришлось даже операцию делать... Но держалась бодро. Спросил, что сейчас, на склоне лет, думает она о своей жизни.

- Думаю, я очень богатая, - помолчав, сказала Куляй-апа.

Сначала не понял, о чем речь. А потом стали вместе считать. У старшего сына Насыра - двенадцать детей, у дочери Низат - трое, у младшего Айтпая - девятеро. Двадцать четыре внука! Есть и правнуки - десятеро. И впрямь, богатая бабушка!

Детьми она гордится. О Насыре все сказано. Айтпай - тоже человек уважаемый. Работал чабаном, выучился на зоотехника.

Кому дело Шарбакбаевых продолжать? Есть кому. Внук Айтжан, старший сын Насыра, принял в одиннадцатой пятилетке маточную отару. В первый же год получил 105 ягнят от каждой сотни овцематок. А в двенадцатой пятилетке наметил уже 120. Раз обещал - от своего не отступит. Не принято у Шарбакбаевых отступать.

**Сборник "Отцовское поле".
Издательство "Кайнар", 1988 год.**

Что было потом...

У меня были большие сомнения: включать или не включать эту старую публикацию в сборник. Ведь ее и очерком назвать трудно...

Тут есть профессия, нюансы технологии и почти нет самого человека: каков он, что любит в жизни, а что нет, каковы особенности его характера, как он проявляется?

Да - трудолюбие, да - упорство, да - мастерство, все это тоже заслуживает уважения. Но ведь человеческая жизнь неизмеримо богаче любой работы, какой бы важной последняя ни была. Хотя для некоторых моих героев, включая и Шарбакбаевых, работа была основным содержанием их жизни. Без преувеличения можно сказать так: они жили работой. И все их ордена и геройские звезды вполне заслуженны. Что же до депутатства Куляй Шарбакбаевой или участия ее сына-героя в партийных съездах, то это, конечно, было ширмой, лукавым представительством от народа. (Хотя, положа руку на сердце, признаемся себе: о многих ли наших нынешних народных избранниках мы можем сказать - да, они представляют народ, пекутся о народном благе... Увы...)

Конечно, бывшее государство платило даже самым самоотверженным своим труженикам совсем не много. И тем не менее хороший чабан по прежним меркам считался вполне обеспеченным человеком: регулярно получал зарплату, ему полагалась в конце года натуроплата - после успешного окота в его собственность переходило от полутора до нескольких десятков овец (зачастую вообще было трудно понять - где овцы совхозные, а где его личные). У хорошего чабана и дом был полная чаша: как правило, цветной телевизор, импортный мебельный гарнитур, нередко личный автомобиль (в ту пору на селе они мало у кого были). Чабанские дети бесплатно жили и учились в интернатах, имели льготы при поступлении в вузы.

Все очень просто: люди демонстрировали преимущества социалистического строя, возможности государственной экономики - власть их поощряла, поднимала на щит...

И будь наши отечественные приватизаторы прозорливее (а может быть, совестливее), они бы сразу передали отары и табуны тем, кто всю жизнь имел с ними дело. И тогда бы скот, конечно, не был так бездарно разбазарен...

Не собираюсь защищать социалистическую экономику - она проиграла в соревновании с рыночной экономикой. Но у нее были и свои бесспорные плюсы, которые вполнегодились для новой жизни и которые с успехом используют в той же Западной Европе. Мы бросились ломать, еще не вполне представляя, что собираемся построить. Во всяком случае, человеку труда на селе без ярко выраженных хватательных инстинктов (откуда им быть, если семьдесят лет твердили, что это плохо) пока не за что любить реформы и их авторов. Скорее, наоборот.

Тому примером судьба Шарбакбаевых.

...На окраине села Шабар - это бывшее отделение совхоза - особняком, на отшибе, уютно устроились несколько домов. Это хутор, или, как тут еще говорят, аул Шарбакбаевых. Здесь живут сам Насыр, его супруга Аштай, их дети, дальше - брат Айтпай с женой, их дети... Высокий берег, с которого открывается прекрасный вид на заснеженную пойму. Взгляду просторно, а сердцу радостно. Только жить да жить...

Сам Насыр на судьбу не жалуется: семь лет назад ушел на пенсию, не работает. Велика ли "геройская" пенсия? Да не слишком - 5200 тенге (то есть было долларов шестьдесят, теперь, после девальвации тенге, не тянет и на полсотни "зеленых"). У его жены - матери 13 детей - пенсия в 4800 тенге. Двоим бы вполне хватило, обходиться привыкли малым... Но тут вот какая беда: у детей свои семьи, а они почти все без работы, вот и тянутся в родительский дом... Благо строили его с запасом - места и теперь на всех хватает. А вот родительской пенсии - нет... И приработка у Насыра нет. В личном хозяйстве - три коровы да две лошади. Овец, как ни странно, ни одной... Есть еще старая автомашина "Волга", без колес. Надо тысяч двадцать на ремонт, да где их взять?

Почему же большинство Шарбакбаевых без работы? На месте бывшего совхоза, в отарах которого насчитывалось до тридцати тысяч овец, возник вначале производственный кооператив, затем агрофирма "Кемер", ТОО "Шабар" и крестьянское хозяйство "Даурен". Вроде как наследники, хотя наследства - кот наплакал: овец практически не осталось, другого скота тоже, техники почти нет. А если скота нет, чем заниматься на селе степняку?

Самому Насыру Шарбакбаеву от бывшего совхозного имущества, которое он умножил не один десяток лет, досталось небольшое животноводческое помещение метрах в шестидесяти от дома да еще трактор. Трактор он сразу отдал в аренду, за что получает корм для собственного подворья. А животноводческое помещение пустует, стоит без окон, без дверей.

- Сколько себя помню, овец пас, - рассказывает мне о своем нынешнем житье-бытье Насыр, - ничего больше не умею. Почему на доставшейся ферме скот не развожу? Не с чего начать - покупать не на что ни овец, ни корма...

Помолчали. Насыр вздохнул:

- Я сейчас ночами не сплю. Не могу - время окота. В эту пору всю жизнь по ночам - на сакмане, в кошаре, там и спал, если выпадала свободная минута... Лежу теперь без сна. А если забудусь, очнусь - где же овцы? Пали? А куда их дели? Ничего нет...

...Когда-то в павлодарских отарах насчитывалось свыше полутора миллионов овец. За последние годы их количество уменьшилось в несколько раз. В том числе и в традиционно овцеводческих районах - Баянаульском, Лебяжинском, Майском, Экибастузском... Оказывается ненужным, невостребованным древнейшее занятие степняков-кочевников. Кому передаст секреты своего мастерства старый Насыр, получивший их в наследство от своих предков? Кем станут его дети и внуки? Насыр качает головой и молчит. Он не знает ответа.

Отец и сыновья

Утром в редакцию позвонили из Баянаульского пресс-центра.

- Записывайте: совхоз "Баянаульский". Жатва. С первых дней уборки в соревновании комбайнеров лидирует династия Турбалю. Называю имена... - голос в трубке вдруг пропал...

Турбалю?.. Так ведь это старый знакомый!

...Удивительная все же в здешнем краю погода. Во второй половине мая, после по-летнему теплых и солнечных дней - вдруг ненастье. Быстро похолодало, несколько раз принимался идти снег, не утихал ветер.

По пути на участок Маяжон, где квартировала полеводческая бригада, мы с секретарем парткома совхоза "Баянаульский" Темирбулатом Бектасовым не встретили ни одного работающего агрегата - механизаторам мешала непогода. Еще издали заметили на полеваном стане одинокую фигуру у сцепки сеялок.

- Турбалю. Ни с кем не спутаешь, - сказал Бектасов.

Кажется, природа ничего не пожалела для Николая Петровича. Внушительная фигура, выразительные черты лица, сильные, огрубевшие руки, привыкшие ко всякому труду. Всегда спокоен, уверен в себе. Рядом с ним хорошо работает молодой неопытный парням. Родом Николай Петрович с Украины, из Хмельницкой области, но считает себя казахстанцем. И не без основания. В 1954 году с комсомольской путевкой и удостоверением об окончании шестимесячных курсов трактористов приехал в Павлодар осваивать целину.

Думалось, ненадолго, а вышло - навсегда. Сразу попал в Баянаул, работал на машинно-животноводческой станции (были в ту пору и такие). А когда образовался совхоз "Баянаульский", перебрался туда. В этом хозяйстве были первая его борозда, и первый урожай, и первый дом.

Целина нигде не давалась людям легко. Но здесь, в Баянауле, было особенно трудно. Приходилось отвоевывать у сопков едва ли не каждый гектар земли. Как-то весной я видел только что распаханную целину и залежь. Среди ровной, заботливо возделанной пашни остались нетронутыми нежно-зеленые островки. Как ни старались механизаторы, а не смогли сразу одолеть твердь земную.

Николай Петрович потом рассказывал, что менял в день по два с лишним десятка лемехов. Металл не всегда выдерживал в противоборстве с целиной - такая здесь земля. И тем дороже она людям, которые посвятили ей жизнь.

- Это ведь я сначала считал, что приехал сюда уже готовым механизатором, поскольку курсы закончил, удостоверение с отличием в кармане, - говорит Николай Петрович. - И только потом понял, что мне еще предстояло им стать.

Если можно было бы собрать сейчас все те машины, что освоил на целине Турбало, то счет шел бы не на единицы, а на десятки, и получился бы вполне представительный музей. Начинал, как и многие, с гусеничного ДТ, потом работал на всех последующих поколениях этой машины, включая "Казахстанец". Водил колесные, от первых МТЗ до нынешнего "Кировца". В первые целинные годы довелось порулить на прицепном комбайне, а потом через его руки прошли и СК-3, СК-4, теперь работает на "Ниве". Мало показалось двух механизаторских специальностей, окончил курсы шоферов. Стал не только трактористом-машинистом широкого профиля, но и шофером первого класса. Теперь у него на попечении К-700, комбайн "Нива", до десятка сельхозорудий, автомашина "Урал".

На целине Николай Петрович стал хлеборобом и мастером. На целине его труд отмечен орденами Ленина, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени. Здесь стал коммунистом, был избран членом райкома партии, членом бюро райкома. Был делегатом XV съезда Компартии Казахстана.

- Николай Петрович по характеру своему - наставник, - рассказывал мне бригадир тракторно-полеводческой бригады Ильяс Габдуллин. - Я на себе это испытал, когда работал несколько лет назад вместе с ним на уборке. Что-то случилось с комбайном, а разобраться сам не могу. Турбало заметил, предложил помощь. Почти два часа провозились, сделали. Я и потом старался поближе к нему держаться, рядом с ним спокойнее чувствуешь себя, увереннее.

Так или иначе, многие из сегодняшних совхозных механизаторов прошли школу Турбало. Причем не столько по части владения техникой, сколько по отношению к делу. Он ведь бригадиром был лет десять и мастерской заведовал, но всегда находил время для молодых. Учил не только тех, кто хотел учиться, а и тех, кто был с ленцой, халтурил.

- Тот, кто прошел школу Турбало, стал настоящим механизатором, - соглашается с бригадиром Темирбулат Бектасов. - Турбало у нас авторитет, и его слово закон. Не так давно обсуждали на собрании вопрос: работать в праздники или отдыхать? Мнения разделились. А когда Турбало высказался "за", большинство приняли его сторону.

Однажды в конце мая начался буран, а в степи остался гурт скота. На поиски снарядили несколько групп, одну возглавил Турбало. Почти двое суток он провел за рулем своего "Урала" без сна и отдыха. Скот нашли километрах в сорока от села. Ослабевших животных погрузили на машину, остальных погнали домой... Добрались до села за полночь. Ему сказали: отдохни завтра, а он с утра опять был в поле.

По собственному признанию Николая Петровича, его любимое время года - осень, жатва. Даже когда он был бригадиром и заведующим машинно-тракторными мастерскими, урывал несколько дней, чтобы побыть на жатве. За все годы работы на целине не пропустил ни одной уборки.

Самый памятный - 1972 год. В среднем на круг взяли по семнадцать с половиной центнеров зерна с гектара, на отдельных массивах получали и по двадцать пять центнеров. Совхоз сдал тогда государству сразу пять годовых планов зерна. Около двенадцати тысяч центнеров намолотил Николай Петрович Турбало, убрал прямым комбайнированием около семисот гектаров, в несколько раз перекрыв сезонную норму.

Через семь лет Турбало улучшил свой собственный рекорд: почти пятнадцать с половиной тысяч центнеров зерна выдал за уборку. Результат отличный, но мне могут возразить, что в области были достижения и повыше. Но, однако, никак не сбросишь со счета того, что баянаульским комбайнерам "развернуться" на жатве в прямом и переносном смысле потруднее, чем их товарищам по труду из других районов. Во-первых, совхоз "Баянаульский" не хлебный гигант. Здесь засеваются зерновыми около семи тысяч гектаров, в три-четыре раза меньше, чем в любом из хозяйств Иртышского района. Во-вторых, каменистые сопки - далеко не идеальные условия для рекордных намолотов.

В пору жатвы для Турбало нет никаких других дел. В поле он днюет и ночует.

У Николая Петровича трое сыновей. Сергей еще в школу не ходил, а уже просил у совхозного инженера трактор. "Ты же до педалей не достаешь", - посмеивался тот. Но время подтвердило, что намерения у парня вполне серьезные. Окончив сельскохозяйственный техникум, он вернулся в родное село. А в скором времени пополнилось село еще одним механизатором Турбало - Александром. Второй сын с отличием окончил училище механизации. Давали ему направление на дальнейшую учебу. Не захотел. Отцу сказал: "С тобой хочу поработать, а там посмотрим".

Так родилось осенью 1983 года семейное звено комбайнеров, которое возглавил Турбало-старший. По его примеру создали свое звено и братья Альжановы - Каиркеш, Баянтау, Кайролла. Старший, Каиркеш, как и Николай Петрович, коммунист, младшие двое, как и Турбало-сыновья, комсомольцы. Решили соревноваться.

Турбало убрали втроем за страду 1600 гектаров, намолотили в общей сложности около десяти тысяч центнеров зерна. И опередили звено Альжанова. Теперь семейные звенья на жатве в Баянаульском районе уже не редкость. В соседнем совхозе "Южный" каждый год отличаются Исакаковы. Глава династии - хлебороб, Герой Социалистического Труда Сагадат Исаков, а рядом с отцом сыновья - Серик, Серим, Керим. И соперники у них достойные - династия Нуркешевых: Кокеш с сыновьями Джамбулом и Ерболом.

Подобных примеров можно привести много, семейные звенья механизаторов есть практически в каждом хозяйстве. И то, что хлеборобских династий в Баянаульском районе становится все больше, то, что они пользуются не меньшей известностью, чем знаменитые здешние династии животноводов, мне кажется ярчайшей приметой обновления этого славного края.

...Не просто вырастить в Баянауле добрый хлеб, и потому большого уважения заслуживает труд земледельцев. Но трижды достоин уважения хлебороб, вырастивший рядом с собой нового хлебороба. Чтобы вечно жило самое мирное из человеческих занятий, чтобы всегда был хлеб на нашем столе.

...Телефонная трубка снова оживила, далекий голос набрал силу:

- Записывайте: Турбало Николай Петрович. Коммунист. Турбало Сергей Николаевич. Коммунист. Турбало Александр Николаевич. Комсомолец. На уборке выполнили вчера по две нормы каждый. В их честь поднят в совхозе флаг трудовой славы.

**Сборник "Отцовское поле".
Издательство "Кайнар", 1988 год.**

Что было потом

После выхода на пенсию Николай Петрович остался в своем селе. Куда ехать, если лучшие годы прожил здесь? Почти полсотни лет отдано Казахстану. Он ни о чем не жалеет: "Жизнь прожита не впустую - интересно было жить и работать..."

Работники бывшего совхоза после его многочисленных реформирований остались ни с чем - ни техники, ни другого имущества. Земельная доля самому Николаю Петровичу досталась за тридцать километров от бывшей центральной усадьбы - в такую даль не шибко наездишься...

От всех прежних заслуг - областная персональная пенсия, на которую не особенно разгуляешься.

Дети устроились кто где смог: Сергей - водителем в доме отдыха, Александр уехал в Экибастуз, работает мотористом на ГРЭС-1, третий, Петр, пока занят на сельской водокачке.

Пытались механизаторы бывшего "Баянаульского" объединиться в крестьянское хозяйство - не получилось... Николай Петрович думает отделиться и выплывать в одиночку. Надеяться-то все равно не на кого и не на что...

Без дела зимой не сидел, собрал почти из ничего тракторишко-колесник Т-25 да косилку. На первых порах собирается косить сено - и для своего подворья, и на продажу, если получится...

В общем, руки не опускает. Живет по-прежнему: помирать собирайся, а рожь сей. И виноватых не ищет.

Что можно сказать о его судьбе? Наверное, то же самое, что и о судьбах большинства других целинников, для которых целина стала главным делом жизни. Что бы о ней теперь ни говорили. Как бы ее в последние годы ни замалчивали. Как бы ни переиначивали ее плюсы и минусы.

Надо ли было методом штурма, сплошняком, без разбору, "поднимать" столько земель в нашей области? На этот вопрос ответила, взбунтовавшись, сама природа - и пыльными бурями, и тяжелейшей болезнью земли - ветровой эрозией.

Нужна ли была целина Баянаулу, где (и Николай Петрович тому свидетель) стальные лемехи плугов не выдерживали - рвались на пахоте? На таких землях - вряд ли... Хотя у многих баянаульцев на памяти урожаи и по 15, и по 20, и по 25 центнеров с гектара в бывших совхозах "Южный" и имени XXI партсъезда. Последнему случалось бывать и миллионером, то есть отправлять в государственные закрома по миллиону пудов зерна, или по 16 тысяч тонн за уборку. Значит, есть прямой резон тут сеять хлеб. Другое дело - где и сколько...

И не только хлеб. Я помню, какой огород был однажды в том же "Баянаульском", на родине Турбало - чего там только не выращивали: от картошки и огурцов до клубники и арбузов. Правда, "заведовал" огородом профессионал, мастер.

Мазать сегодня целину черной краской - все равно что плевать в свое прошлое, на самих себя. Да были романтиками, да ошибались, накуролесили... Но ведь огромное дело все-таки состоялось. Целина при всех своих издержках и перекосах дала мощный толчок к ускоренному развитию всего Казахстана, оставила нам в наследство не одни хлебные поля, но и благоустроенные поселки и города, дороги и элеваторы, школы и больницы. И уже не с целинников, а с нас, их потомков, спросится за то, как мы распорядимся этим немалым богатством.

Вот о чем я думаю, размышляя о судьбе Николая Петровича Турбало и судьбах его ровесников из прекрасного поколения - поколения целинников.

Посей характер...

До Анеса в роду Ахмединовых не было хлеборобов. В детстве он часами мог смотреть, как бегут мимо их дома по оживленной автомобильной трассе машины, и однажды заявил отцу, заставшему его за этим странным занятием, что хочет стать шофером.

- Будешь, будешь, - засмеялся отец, положив на голову сына большую теплую ладонь. - Только вырасти сначала...

Анес вырос и стал помощником бухгалтера - учетчиком. Так что начало его трудовой биографии было совсем заурядным. Но работал добросовестно, хвалили. А однажды вызвали в контору.

- Послушай, Анес, - сказал ему главный бухгалтер, - думаем направить тебя на учебу в бухгалтерский техникум. Работник ты способный, с начальством я все уладил, так что давай, собирайся...

- Не могу я, агай, - твердо ответил паренек. - Я уже на вечерние курсы механизаторов хожу, скоро экзамен.

- Какие курсы, что ты говоришь, парень? Механизаторов много, а бухгалтеров недостает. Уважаемый человек будешь, что еще надо?

- Нет, агай, - еще тверже возразил Анес. - Не могу я больше. Такой здоровый парень, а сижу за счетами и бумажками. Не мужское это дело...

Видя, что собеседник готов взорваться от возмущения, добавил:

- Не по мне эта работа, не обижайтесь...

- Что за характер у человека? - будто жалуясь самому себе, удивлялся бухгалтер. - Ему добра желаешь... Спасибо сказать должен, а он... Ладно, одумаешься, заходи!

Но через несколько дней учетчик зашел не к бухгалтеру, а к директору с просьбой перевести его в механизаторы. Тот уже знал "упрямого мальчишку". И, может быть, отчасти поэтому и предложил Анесу принять трактор, на который не находилось желающих. Машина эта падала с моста в реку, дважды тонула, горела - в прямом смысле прошла огонь и воду. Механизаторы сначала беззлобно подтрунивали, наблюдая за измазанным с головы до ног трактористом, который упрямо пытался привести трактор в божеский вид. Прослышал о бедственном положении своего воспитанника и Василий Ильич Романюк - руководитель механизаторских курсов. Выбрал время, пришел проведать. Обошел несколько раз трактор, чертыхнулся и протянул: "Да, что и говорить, повезло тебе". И засучил рукава...

Домой уходили поздно, молчали. Но урок душевной щедрости, который преподавал учитель своему ученику, остался в его сердце на всю жизнь. Когда несколько дней спустя Анес впервые завел трактор и, шалея от радости, сделал несколько "пятакон", его первый бригадир Павел Яковлевич Гурулев, рослый и с виду всегда хмурый, сказал:

- За то, что трактор вернул в строй, хвалю. Значит, характер есть, механизатором станешь. А фокусничать ни к чему, не мальчик. Завтра с утра отправишься в бригаду, люди очень нужны.

..Сообщение о том, что Анесу Ахмединову присвоено звание Героя Социалистического Труда, было передано по радио ранним мартовским утром 1980 года. Добрая весть летит быстрее ветра, говорят казахи. Буквально через час-другой о событии в совхозе знал едва ли не каждый. Новость бурно обсуждалась. У совхозной конторы заспорили два почтенных аксакала.

- Анес - механизатор что надо, заслужил, - степенно поглаживая бороду, говорил один.

- И все-таки повезло, - утверждал другой.

- Как так повезло, - горячился первый, - что это тебе, спортлото?

- Ну, не спортлото, конечно, - вежливо соглашался его собеседник и добавлял, может быть, скорее для того, чтобы раззадорить первого аксакала (хотя сам наверняка был рад не меньше его). - Я же Анеса еще мальчишкой помню, с сыном моим в асыки играли, ну - какой он Герой?

В шутку я спросил и Анеса, как бы он сам рассудил спорящих.

- Повезло, - улыбнулся он. - Мне вообще везло в жизни. Везло на хороших людей. Мог замерзнуть в степи в одном из зимних рейсов - и не замерз. Тоже повезло... И с семьей повезло. Отец, мать живы, детей много. Здоровьем не обделен. Ну, как тут жаловаться?

Он снова улыбнулся... Улыбка часто заменяет ему слова и жесты. Так бывает у очень спокойных, сильных и уверенных в себе людей. В народе говорят, что каждый человек - кузнец собственного счастья. И наверняка человек сильной воли в большей степени хозяин своей судьбы. Поэтому есть прямая связь между тем, ушедшим в историю 1962 годом, когда Анес, не колеблясь, выбрал дело, достойное мужчины, и мартовским утром 1980 года, когда ему было присвоено звание Героя.

- Анес, - спросил я его, - что для вас означает слово "хлебороб"?

- Понимаете, коротко не объяснить. Вся наша работа - это ожидание хлеба. Ремонтируешь трактор, готовишь землю, сеешь, обрабатываешь всходы - вкладываешь всю силу и душу... И ждешь, ждешь урожая. И вдруг разочарование. Солнце и ветер сожгли посевы... Это как насмешка сильного над слабым. И так год, другой, третий. Как найти в себе силы, чтобы снова и снова начинать дело и делать его не хуже, а лучше... Выдерживают такие самые сильные, настоящие хлеборобы.

Павлодарская земля чрезвычайно скупа на отдачу. Урожайные годы остаются в памяти как праздники, как награда. Таким был для Анеса 1972-й. Одним из первых он вывел тогда комбайн в поле. Переночевал на полевом стане и чуть свет - на ногах. Солнце из-за пригорка, как мячик, выкатывается, и пшеница стоит стеной. Вроде знакомая картина, а сердце замирает. Анес рассказывает: "Сошел с мостика, фуражку бросил, а она на колосьях лежит, как на столе. Какой хлеб! Приказал себе: никаких передышек, пока не уберем!"

Уже в середине жатвы давний приятель Ахмединава Александр Теремов проснулся раньше обычного. Быстро умылся, осмотрел комбайн и направился к загонке. "Кажется, первый сегодня выехал", - подумал, осматривая поля, густо заставленные золотистыми копнами. И ошибся. Ахмединав встретил его на краю загонки.

- Да ты спишь ли вообще? - удивился Теремов. - Вчера за полночь приехал, а сегодня ни свет ни заря...

- На пенсии выспимся, Саша, - отшутился Ахмединав.

Урожай собрали сполна, до последнего зернышка. К концу уборки уже в последней загонке на комбайне Ахмединава появилась очередная, десятая звезда, что означало - намолот составил тысячу тонн зерна. Успел также не одну сотню гектаров убрать и на свал.

В том году Анеса Ахмединава поздравляли с высшей наградой Родины - орденом Ленина.

Что было потом? Была работа. Обычные заботы. Зимой - длинные и короткие рейсы. На своем К-700 Анес возил уголь, строительные материалы, скот. Объехал всю область и почти весь Северный Казахстан. Весна, лето, осень - "ожидание хлеба".

В 1978 году ему предложили принять бригаду. Это было неожиданно. Конечно, сам он работал не за страх, а за совесть, делал все, что поручали, но сможет ли отвечать за поступки и дела других? Решился после долгих раздумий. Осенью оказалось, что урожайность в его бригаде в полтора раза выше, чем по хозяйству в целом. А ведь коллектив был отстающим. Выходит, смог новый бригадир организовать производство, мобилизовать людей. А со стороны, вероятно, было виднее, как он справился с новым делом, поскольку третья полеводческая бригада, в которой Анес прежде работал механизатором, попросила администрацию хозяйства вернуть им товарища уже в качестве бригадира. Ахмединав с радостью принял это предложение.

- Всегда приятно после разлуки снова попасть в родную семью, - рассказывал мне Анес при встрече. - А третья бригада - мой второй дом, вторая семья. Теремов, Коловников, Скиба... Да и другие ребята... Мы же с полуслова понимаем друг друга. С ними такие дела можно проворачивать!

Весной дома Анеса на несколько дней потеряли. Случалось и раньше - дальний рейс, а тут страда еще не началась - а он уже приветы передавал через знакомых. Дело было вот в чем. Поля бригады растянулись на добрые десятки километров, рельеф неровный, то пригорок, то низина. Надо было изучить местность, чтобы знать, где какую тактику применить. Ученые рекомендуют в большинстве районов нашей зоны сеять в поздние сроки. Поздние, но необычайно сжатые. В этом убеждал Ахмединава и его собственный опыт. Бригадир вместе с помощником ежедневно осматривал поля и убеждался, что надо погодить. Другие бригады уже вели сев, а место в сводке напротив третьей все еще пустовало. В совхозе не на шутку встревожились.

- Ты что, нам сев сорвать хочешь? - не выдержал на одной из планерок директор совхоза.

- Рано, - отвечал Анес, - вчера все участки еще раз осматривал. Земля не прогрелась! Погубим семена, в урожае потеряем.

- Ну, смотри, с тебя в первую очередь спросится.

Сев Ахмединав начал на несколько дней позже других. Работали почти круглые сутки и закончили вместе со всеми. Несколько дней спустя авторитетная комиссия принимала посевы. Большинству полей бригады был присвоен Знак качества. Расчет бригады оказался верным.

Уборка была трудной. Так сложилась обстановка, что пришлось сначала косить хлеба на свал, а затем подбирать валки. Но звезды расцветали на бригадных комбайнах, как весенние маки в степи. Около полумиллиона пудов зерна отправили в закрома Родины механизаторы из бригады Ахмединава, взяли почти по 17 центнеров хлеба на круг - больше всех в совхозе.

По итогам года и десятой пятилетки бригадир был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Впрочем, той осенью он, конечно же, еще не знал, что это произойдет. Когда последние машины с зерном ушли с бригадных полей на ток, Ахмединав приехал домой и первый раз за всю уборку позволил себе по-настоящему выспаться.

Авторитет бригадира... Из чего он складывается, на чем основывается? Этот вопрос я задавал разным людям, знавшим Ахмединава.

Петр Федорович Яуфман, в прошлом парторг совхоза, а теперь главный экономист, знает Анеса не один десяток лет. Он рассказывает:

- Главный козырь Ахмединава - умение ладить с людьми. Умеет быть впереди, но не над людьми. Может уступить, если для дела надо, но никогда не пойдет на поводу у неправых, даже если на него давят сверху. Требует, не унижая... Сошлюсь на пример. Приезжаю как-то осенью на полевой стан, спрашиваю бригадира. В поле, говорят, работает. Нашел. Действительно, на комбайне. В чем дело, Анес? Заняться больше нечем? Домой бы заскочил, опять потеряли. Оказывается, отпросился день назад у него один комбайнер из приезжих. Случилось у того что-то. Ко времени не вернулся. Ну вот Анес и посчитал необходимым работать самому, чтобы машина не простаивала... Или другой случай. Еду как-то и не пойму, пожар, что ли? Два человека с ведрами от комбайна к грузовику мечутся. Подъехал ближе, а это Анес с комбайнером из бункера в кузов зерно пересыпают. Ведрами. Выгрузной шнек сломался. Вот они вместе и освобождали бункер, а потом, засучив рукава, взялись ремонтировать. Через час комбайн пошел...

Рассказывал Петр Федорович много. А потом заключил:

- Тут тебе и личный пример коммуниста, и наставничество, и умение организовать работу, и, как бы лучше выразиться, теплота душевная, что ли... Из всего этого и складывается авторитет.

Ирина Исаевна Мостовая, секретарь Краснокутского райкома партии, вспоминает:

- Мне довелось быть руководителем группы передовиков сельскохозяйственного производства, выезжавших по туристическим путевкам за границу. Сразу обратила внимание, как тянутся к Ахмединову люди. В гостинице обычно в номере у Анеса столпотворение. А ведь не балагур. Выпить - тоже не любитель. Чем же берет? К концу поездки поняла - врожденным чувством такта, умением выслушать и понять... Редкие, прямо скажем, качества!

Новый директор совхоза Б.Р. Косынтаев познакомился с Ахмединовым в больнице. Запомнился рассказ Болтабека Резуановича:

- Анес, говорю ему, врачи рекомендуют вам полежать еще. А он: "Как лежать? Через две недели уборка - мое место в поле. Попросите врачей, чтобы отпустили. А то меня не хотят слушать... Ну не убежать же!" Кое-как убедил продолжать лечение. Но он все равно передал со мной десяток поручений бригаде. Одно из них - озимую рожь срочно посеять. Он тут, в больнице, с председателем соседнего Железинского РАПО Акифом Мамедовичем Гасановым насчет семян уже договорился. Выгодная культура - и на зеленый корм можно пустить, и зерно получить.

Уборку бригада все же провела без своего вожака. Ему пришлось делать сложную операцию. Домой лишь к зиме вернулся. Управилась третья полеводческая не хуже других, выполнила план, получила прибыль. Что тут сказать? Раз бригада в отсутствие бригадира хорошо выполнила самую трудную работу, значит, хороший у нее руководитель!

Еще не так давно достаточно было в совхозе "Спартак" назвать фамилию Ахмединов, и все понимали - речь идет об Анесе. Теперь, если говорят Ахмединов, надо непременно уточнить - какой? В хозяйстве целых две семьи механизаторов Ахмединовых.

Первым по стопам Анеса пошел его брат Баймурат. И это не удивительно. Он рос и воспитывался в семье Анеса, видел, как тот относится к технике, помогал ему ремонтировать трактор, под началом у старшего брата работал на сенокосе. Освоил сначала гусеничный трактор, затем комбайн "Кировец". Сейчас один из самых лучших механизаторов в третьей полеводческой бригаде. Уважаем за то, что хорошо знает технику, не ищет легкой работы, за то, что никогда не откажет в помощи...

Старший сын Анеса, Мейрам, можно сказать, вырос в кабинах отцовских машин. Все схватывал на лету. Уже после шестого класса лето проводил в бригаде, работал на прицепной сенокосилке отцовского трактора. Отец не баловал мальчишку. Был сдержан в ласке. Приучал к самостоятельности. Убедившись, что у парня настоящий интерес к технике, доверял машину.

Привезет сын на велосипеде обед, ждет на краю поля. "Вот, мать прислала". Какая там мать - сам напросился, она-то знает, что механизаторов хорошо кормят. Но отец вида не показывает. "Спасибо, как раз проголодался, да и устал что-то". А у мальчишки аж глаза горят: "Можно, отец, я поработаю?" И пока Анес обедает, круга два сделает, а после так и останется с отцом в кабине до конца смены.

Оканчивая школу, Мейрам уже хорошо знал не только трактор, но и комбайн, водил машину. Служить ему пришлось в танковых войсках - опять школа великая. Вышло так, что отец отдыхал недалеко от той части, где служил сын, и решил навестить его. Командир батальона благодарил: "Замечательного парня вырастили вы. Технику знает в совершенстве. Умеет с людьми работать. Назначаем его командиром танка. Спасибо вам за него".

Демобилизовался Мейрам старшиной, командиром танка. На посевную не успел. Но к уборке комбайн уже готовил сам. В 1984 году награжден знаком ЦК ВЛКСМ "Золотой колос" за высокие результаты в социалистическом соревновании.

Нелегким был 1985 год. После затяжной холодной весны началась тридцатиградусная жара. Больше месяца ни одного дождя. Когда настроились на уборку хлеба, задождило. Такого и старожилы не припоминали: хлеба стояли двух-трехъярусные - на каждом стебле до трех колосьев, один уже осыпается, другой вот-вот подойдет, а третий совсем зеленый...

Комбайны шли с трудом, барабаны и деки забивались зеленью, приходилось их без конца чистить, но сырое зерно все равно вымолачивалось плохо. Тут даже у опытных комбайнеров руки опускались. А каково было бригаде Ахмединова, в которой в основном молодежь. Некоторые ему прямо говорили: "Гляди, Анес, прогоришь ты со своим "детским садом", придется брать на буксир". Но третья бригада закончила уборку первой в совхозе, и самая высокая выработка оказалась у Мейрама Ахмединова. Он обмолотил зерновые на 909 гектарах (это около трех сезонных норм) и выдал из бункера своей "Нивы" 5367 центнеров хлеба. Впоследствии выяснилось, что это лучший показатель в хозяйстве, где немало мастеров жатвы.

"Детский сад" помогал убирать хлеб на полях второй бригады, после чего Мейрам и еще несколько комбайнеров успели поработать в соседнем совхозе. На торжественном собрании, посвященном окончанию страды, Мейраму Ахмединову была вручена алая лента чемпиона жатвы-85.

Почему именно он, один из самых молодых участников уборки, вышел на первое место? На этот вопрос мне отвечали разные люди, но говорили об одном: отцовская выучка у парня, отцовский характер. В поле утром - первый, а на полевой стан последний приезжает. Технику пуще глаза бережет. Не доспит час-два, но комбайн осмотрит и подготовит к следующей смене. Сошлись на том, что теперь и отцу, если им потягаться на жатве придется, Мейрам вряд ли уступит.

Была у Анеса сокровенная мечта, несколько лет вынашивал. Думал создать на время уборки семейное звено. Причем автономное, если так можно выразиться, которое бы само себя полностью обеспечивало. Четыре комбайна,

говорил мне Анес, да "Кировец" с двумя большегрузными тележками для транспортировки зерна - не надо больше ни машин, ни любой другой помощи.

- Значит, вы, Баймурат, Мейрам. Четвертый комбайн - резервный? - уточняю я.

- Нет, нас больше теперь. Вернулся из армии второй сын, Султанбек. Он сейчас шофером работает, но в жатве участвовал уже не раз, Мейрама подменял на комбайне. Есть и резерв - третий сын, Кайрат. Еще школьник, но с комбайном тоже знаком, штурвальным вполне можно ставить...

Анес не раз прикидывал, как практически все это сделать, но случилось непредвиденное.

Совхоз "Спартак" - животноводческий. Дела на фермах в последнее время стали поправляться, и это хорошо. Но кормов не хватало. И чтобы поправить положение, решили навести порядок на орошаемом участке, создать кормозаготовительную бригаду и поручить ее Ахмединову.

Было о чем думать. Злополучный орошаемый участок известен на всю область. Строители оставили здесь после себя такой букет недоделок, что даже прокуратуре пришлось заниматься. Два года, как сдали массив, а до сих пор полностью его не поливали. Часть широкозахватных дождевальными машин "Кубань" разукомплектована. Сеяли тут кукурузу, а урожаи получали невысокие, ниже, чем хороший хозяин берет на богаре.

Все это Анес знал. Мог сослаться и на недостаток опыта, специальных знаний. Он ведь всю жизнь растил хлеб, а тут корма на поливе - дело совершенно новое. Словом, было достаточно веских оснований, чтобы отказаться, а он согласился. Может, еще и потому, что сказали: это партийное поручение.

Дел оказалось невпроворот. Бригаду, по сути, надо было формировать заново. Не хватало специальной техники. Вызывало тревогу состояние оросительной сети. И все это - накануне посевной.

Правда, ему поблажку дали, предоставив право подобрать людей для бригады по выбору. Проще простого было, конечно, заполучить костяк своей прежней, третьей, - там такие кадры! Например, Александр Николаевич Теремов. В совхозе, как и Анес, с самого основания. Мастер, каких поискать, и надежный человек. А Мухамедкарим Жакимов! В хорошие годы по 15 тысяч центнеров хлеба за сезон намолачивал. А Владимир Кондратьев, а Баймурат, а Мирон Лопатич...

Александр Николаевич Теремов согласился сразу, а Мейрам неожиданно отказался.

- Нет, отец. Из нашей третьей я никуда. К хлеборобскому делу прикипел, ты не обижайся...

Много успели сделать в новой бригаде за те несколько недель, что оставались до начала посевной. Добился Анес, чтобы выделили им новый экскаватор, без него нечего было и думать об успешной эксплуатации оросительной сети.

Детально распланировал и сезонную работу. Решили четыре "Кировца" пустить на пахоту, обязательно в две смены, чтобы все 1600 гектаров вовремя "поднять". Это под кукурузу и подсолнечник. Отвели участки под овсяно-гороховую смесь, суданскую траву, люцерну, эспарцет.

Наметили посадить лук, укроп, редис, огурцы, помидоры, капусту...

Кормовую свеклу решили выращивать. Отличный корм для скота. Пропалывать и убирать помогут школьники, пусть приучаются к делу. Планами этими поделился со мной Анес, когда я зашел к нему домой. Заметил на журнальном столике раскрытую книгу с пометками. Глянул на обложку: "Производство кормов на орошаемых землях". Опережая вопрос, хозяин пояснил: "Осваиваюсь на новом месте - читаю по вечерам. Кое-что уже взял на заметку. А вообще, учиться надумал на старости лет, в сельскохозяйственный техникум поступил".

Посеешь поступок - пожнешь привычку, посеешь привычку - пожнешь характер, посеешь характер - пожнешь судьбу, так говорят в народе. Анес Ахмединов снова посеял поступок...

**Сборник "Отцовское поле".
Издательство "Кайнар", 1988 год.**

Что было потом...

На какое-то время я потерял Анеса из виду, а начав работать над этой книгой, взялся наводить о нем справки.

Выяснить удалось не слишком многое. Из всего большого ахмединовского корня в родном селе остался один сын Анеса - Мейрам. Он механизатор крестьянского хозяйства "Береке" - одного из тех, что возникли на обломках бывшего совхоза "Спартак". Мейрам с семьей занял отцовский дом, после того как отец перебрался в Павлодар. По-разному сложились судьбы других Ахмединовых, о ком шла речь в этом очерке. Не вдаваясь в подробности, можно сказать так: они выбрали для себя профессии, не связанные с хлебопашеством.

Крестьянские хозяйства, созданные на базе бывшего "Спартака", в 1988 году урожая зерновых не получили.

Анес Ахмединов разыскал меня сам - пришел в редакцию "Звезды Прииртышья" при полном параде - со звездой Героя Социалистического Труда и двумя орденами Ленина. Он не слишком изменился за те десять с лишним лет, что мы не виделись. Был так же подтянут и немногословен. Но, казалось, в его глазах вот-вот появятся слезы.

Он рассказал мне незамысловатую историю своих мытарств в последние годы. Вместе со звездой Героя Анес заработал полиартрит и еще целый букет болезней. Пока мог - работал. Но совхоз распался, работы не стало.

Тянуть подворье со скотом оказалось уже не под силу. А надо было поднимать еще двух дочерей. С трудом наскреб денег на недорогую квартиру в Павлодаре.

Жена не работает, пенсию ему положили 3600 тенге. Хлопотал - увеличили до семи тысяч. Одна дочь - студентка, вторая школьница. Большая часть пенсии уходит на оплату квартиры, на прожитие почти ничего не остается.

Был в областной администрации - снова насчет пенсии, но на этот раз не обнадежили. Просил выделить хотя бы поддержанную автомашину - там удивились: с какой стати? Если и просить, то в районе надо. А каковы нынче в районах дела - хорошо известно...

Тут, наверное, надо кое-что пояснить. В свое время ему предлагали новые "Жигули". И он мог бы их взять - именно как Герой. Но у него уже был "Москвич" - награда ВДНХ за рекордный урожай (оплаченная, кстати, им самим по полной стоимости), а полтора десятка односельчан ждали очереди на легковушку. И он сказал себе - ладно, успею еще, перед

людьми неудобно. Потом возник вариант с "Волгой", но под так называемые чеки. Деньги платишь все сразу и вперед, а машину получаешь спустя три года. Он заплатил 16 тысяч тогда еще вполне весомых советских рублей. Через три с лишним года ему вернули все те же 16 тысяч, которые еще через несколько месяцев превратились в ничто.

Он уже не раз рассказывал в разных инстанциях эту историю, которая, впрочем, мало кого интересует. Похоже - как и сама судьба этого уже немолодого, усталого человека со звездой Героя и двумя орденами Ленина на его единственном выходном костюме...

И я с собой согласен!

Раздумья

Домой Мальцев вернулся раньше, чем обещал, и явно не в духе. От чая отказался, вышел во двор. Наступил тот час теплых летних сумерек, которые он особенно любил, когда ему лучше всего думалось. Но сегодня на душе было нехорошо. Непокойно.

В город Мальцев съездил, можно сказать, удачно. С кем хотел - увиделся, что намечал - сделал. Вроде и не было никаких оснований тревожиться. И все же не шел из головы тот мимолетный разговор.

Знакомый директор совхоза из соседнего района сам окликнул Мальцева, когда он уже садился в машину, собираясь домой. Поговорили о том о сем, обменялись новостями, и коллега сочувственно заметил Мальцеву, что тот как будто постарел.

- Что ж тут удивительного, - усмехнулся Мальцев. - На то и годы...

- Ну, я постарше тебя, - не согласился собеседник, - скоро на пенсию, однако мне и теперь никто больше пятидесяти не дает.

- Значит, крепче оказался.

Разговор Мальцеву был неприятен, но коллега не унимался.

- Не скажи, Николай Фадеевич, не скажи... Тут дело в другом.

Дальше он высказался в том смысле, что им, руководителям хозяйств, проводящим в бесконечных заботах дни и ночи, не грех и о себе подумать. Вот он сам твердо усвоил: всех дел все равно не переделаешь, а раз так - зачем жилы рвать? Поэтому и установил себе в последние годы, если можно так сказать, щадящий режим работы. Нет, он не сидит сложа руки - неотложные дела делает: проводит планерки, дает задания специалистам. Но из кожи при этом не лезет, себя и людей не мордует... И что же? Хозяйство от этого не развалилось. В передовиках, правда, не ходит, но таких большинство. А жизнь у каждого одна, стоит ли ее укорачивать?

Так или примерно так говорил собеседник, и, наверное, Мальцев не принял бы столь близко к сердцу его речь. Если бы она не напоминала совсем недавний разговор. Другой человек, тоже знавший Мальцева много лет, с непонятным раздражением сказал:

- Не пойму я тебя, Мальцев: что ты все тянешься? Посмотри на себя - весь высох, голова белая, инфаркт уже заработал... Или думаешь - помнят тебя будут вечно, памятник поставят?

- Мне хватит моих берез у дома, - бросил тогда Мальцев, не желая продолжать разговор.

Однако продолжение последовало...

...Так, может быть, правы те двое, а не он? Устанавливать себе четырнадцатичасовой рабочий день, за двадцать лет ни разу не побывать летом в отпуске, наваливать на себя с каждым годом груз все больше и больше - может, это и в самом деле абсурд, никому не нужное желание достичь невозможного?

Жена, врач участковой больницы, как-то сказала:

- Ты работаешь, как ненормальный - так работать нельзя!

- А ты? - возразил Мальцев.

- У меня больные, - заметила жена, - а ты имеешь дело со здоровыми людьми...

Ответить Мальцеву, по правде говоря, было нечего - в те дни жена содержала его под домашним арестом - прихватило сердце. И случилось это, к сожалению, не первый раз.

...Уже и не сумерки, а самая настоящая ночь опустилась на землю, когда он отправился спать, так и не придя ни к какому окончательному решению.

Чистый вариант

Директором Мальцев стал в 1967 году. До этого успел окончить сельскохозяйственную академию в Киеве, поработать агрономом МТС, райсельхозуправления. Самостоятельной работы искал, но когда предложили Бобровку, засомневался. Совхоз этот, созданный в числе первых целинных хозяйств, в свое время имел довольно громкую славу. Первый его директор Т. И. Рахманин стал здесь Героем Социалистического Труда... Но уже сняты были с целины первые сливки, затихла общая волна энтузиазма и всюду гуляли над этим краем опустошительные пыльные бури... К середине 60-х совхоз находился в числе самых что ни на есть лежачих. Надои на корову - 1340 килограммов (говорят, у хороших хозяев коза дает больше), урожаи зерновых - три-четыре центнера на круг. По обоим показателям хозяйство замыкало районную сводку. Сам Мальцев часто бывал здесь, видел, что люди смирились с таким положением дел, работают без всякого интереса.

Решившись принять совхоз, он понимал: пробудить этот самый интерес теперь непросто. Но Мальцев шел сюда не с пустыми руками - он знал, что будет делать. Интуиция, собственный земледельческий опыт подсказывали: начинать надо с истрадавшей земли, и первый шаг должен быть решительным, понятным большинству, обязательно эффективным. Конкретно предложил следующее: сократить посевы зерновых на 4 - 5 тысяч гектаров, или минимум на четверть. Освободившиеся земли занять парами и травами. "Кто нам позволит сокращать зерновые? - возражали ему. - Мы же сразу валовой сбор потеряем". - "Ничего подобного, - говорил Мальцев, - не только не потеряем, а со временем, наоборот, увеличим - за счет повышения урожайности. Почему она у нас сейчас низкая? Потому что на полях больше овсяга, чем пшеницы. Пары помогут избавиться от сорняка. Это первое. Второе - агротехнику поднимем. Если сделаем то и другое на совесть - результат обеспечен. Да, мы уменьшаем площади, но делаем это для того, чтобы увеличить сборы зерна!".

Многие считали мальцевскую затею откровенной блажью: как это, уменьшая одно, можно увеличить другое? Всегда делалось наоборот. Но Мальцев был не один, его с самых первых шагов поддерживал главный агроном Василий Степанович Петрушкин, который также считал: все начинается с земли, с порядка на ней. Его наводили вместе. И навели! Начиная с девятой пятилетки ни одно хозяйство района уже не могло соперничать в урожаях с Бобровкой. Отдельные случаи - не в счет, это исключение, а не правило.

Тут можно было подробно рассказать, как шли бобровцы к своему нынешнему положению хлебных лидеров в районе (впрочем, таких хозяйств и в области единицы), как они отлаживали семеноводство (совхоз теперь - элитно-семеноводческий), как они рисковали, переходя на поздние сроки сева, и отказывались выполнять спущенные сверху директивные рекомендации, как они работали и работают с парами... Но нельзя объять необъятное: эта без преувеличения выстрадавшая система земледелия требует особого исследования. Я же хочу рассказать лишь об одном ее звене, поражающем всякого, кто бывает в Бобровке.

Речь идет о знаменитых бобровских лесополосах.

Тут надо оговориться. Самые первые из них были заложены еще до Мальцева и Петрушкина. Лесополосы окаймляли некоторые стандартные совхозные поля (два на два километра) по периметру и практически никак не влияли на урожаи. Мальцев, приняв совхоз, взялся наводить справки у ученых: почему так? "Потому что в здешнем засушливом и ветреном краю этого мало, - отвечали ему. - Если хотите, чтобы был толк, сажайте лесополосы через каждые двести метров". Иначе говоря, надо было посадить деревья и кустарники на площади, впятеро превышающей существующую. Итого без малого тысячу гектаров предстояло вывести из севооборота. На скорую отдачу рассчитывать не приходилось - ученые предупреждали: первые результаты возможны минимум через десять лет. Прибавка, если все будет сделано как следует, - до четырех центнеров зерна с гектара. "Цифра выходила фантастическая, - вспоминает Мальцев, - 64 тысячи центнеров ежегодно - в те годы общий валовой сбор зерна был меньше. Подумали так: если даже получим "лишний" центнер на гектаре - рисковать стоит. Заказали проект, заключили договор с лесхозом, сами засучили рукава. Каждое большое поле делили лесополосами на десять маленьких. Взялись за дело всем миром".

Чего только не предрекали в ту пору бобровцам! Говорили: высохнут саженцы - не перенесут зноя; говорили, что вымерзнут (и неудивительно: летом здесь жара до 35 градусов, зимой бывает мороз за 40), говорили, что лесополосы станут рассадником для сорняков... Мальцев рассказывал мне: "Как-то приехал в поле один из руководителей района посмотреть, как высаживаем сеянец сосны. Присел на корточках, прикрыл растенье ладонью и спрашивает: "Когда же это, Николай Фадеевич, деревом станет?" - "Станет, - отвечаю, - лет через пятнадцать-двадцать..." - "Долго ждать, - говорит, - хлеб-то нам уже сейчас нужен". - "Вот мы о нем и беспокоимся, - отвечаю, - отсюда и будем брать хлеб в любую засуху..."

Сажали тополь, березу, сосну (ее в защитном слое из других деревьев, чтобы спасти от суховея), кустарники - смородину; вишню. Часть растений погибла, пересаживали. Несколько раз за лето пололи, боролись, как могли, с вредителями. Год на шестой-седьмой стали замечать: есть прибавка урожая! Справедливости ради надо сказать: тут сыграли свою роль не только лесополосы, но и они тоже. Это бесспорно.

Теперь возле Бобровки - лес. Настоящий, свой собственный - почти тысяча гектаров. И, я думаю, люди еще сами не до конца осознали значение того, что сделали. В окрестностях совхоза создан уникальный природный

микрокомплекс - прекрасный пример того, насколько мудр и дальновиден может быть человек в своих сложных взаимоотношениях с природой.

Мальцев человек не слишком многословный, но о лесополосах может говорить бесконечно. У меня сохранилась запись беседы с ним на эту тему.

- Иногда приходится слушать: мол, везет бобровцам! У меня это вызывает раздражение. Возьмите почвы, они у нас едва ли не худшие в районе: светло-каштановые супеси с низким содержанием гумуса. Балл бонитета - 16, а в районе есть значительно выше - до 20 и даже до 23 баллов. Я не побоюсь сказать: да, мы в последние годы действительно находимся в более выгодном положении, чем другие. Правда, преимущества мы не получали, а создавали их сами. А наш главный козырь - лесополосы. По сути своей - это сеть встроенных в пашню подземных каналов, которые поят растения. Можно сказать, это подземные склады воды. Именно в засуху (она у нас норма, а не исключение) лесополосы лучше всего себя и проявляют. Запас снега зимой обеспечен - значит, хорошие всходы гарантированы. И потом, во время зноя, лес делится влагой с полем. В засушливый год хлебная нива на поле, обрамленном лесополосой, представляет собой вогнутую линзу: в центре массива урожайность минимальная, по мере приближения к лесополосе она увеличивается. Бывало так: по обеим сторонам от лесополосы намачивали по 14-18 центнеров с гектара, а в самом центре поля - только по 6-8. В среднем же обычно все равно больше, чем у других, выходит. Такова сила леса.

В нашем краю не редкость сильные ветры. Особенно страшны они весной и летом - на глазах иссушают почву, вместе с солнцем буквально поджаривают растения. А у нас в поле теперь сильного ветра практически не бывает: в кронах, случается, аж гул стоит, а на земле сравнительно тихо. И это объяснимо: ветру через каждые двести метров заслон - упругая живая полоса - попробуй, прорвись! Так и гасятся суховеи...

Тут я не выдержал.

- Николай Фадеевич, по-вашему, выходит - лесополосы кругом хороши, лучше ничего и быть не может. Но ведь именно из-за них вам приходится терпеть и массу неудобств. Я же знаю, насколько труднее стало бороться с сорняками, вредителями растений...

- Да, мы понимали, что ставим себя в заведомо сложное положение. До лесополос как было? Вызывали самолет, за несколько дней обрабатывали гербицидами все посева - и никаких забот. Теперь мы лишены этой возможности - деревья и кустарники не переносят таких обработок. Пришлось приспособливаться, искать другие пути. С сорняками боремся агротехникой, и тут самый лучший санитар - чистый кулисный пар. Паровое поле для нашей агрономической службы - дело чести. Не припомню случая, чтобы хоть однажды нарушили технологию его обработки и не удобрить... Сорняк на наших парах исключен, а урожайность здесь в хорошие годы достигает 28 центнеров с гектара. Это при наших-то 250-300 миллиметрах годовых осадков да небогатых почвах! Не буду скрывать: бороться с сорняками одной лишь агротехникой очень хлопотно, зато это безгербицидный, или, как мы у себя говорим, чистый вариант. Чистый не только в том смысле, что благодаря ему мы очищаем поля от сорной травы, но и в более широком значении слова - для природы чистый. Ведь как показывает практика, последствия применения гербицидов и ядохимикатов далеко не безобидны, а мы обходимся практически без них уже почти двадцать лет. У нас теперь в полную силу действует единый комплекс "больших" и "малых" мелиораций. Первые - это наши оросительные системы, вторые можно назвать зонально-экологическими - это приспособление к местным условиям, мобилизация местных ресурсов. А все вместе взятое образует идеальные условия (если вообще можно употребить это понятие применительно к нашей зоне) для интенсивного ведения земледелия. По законам земли и морали урожаи и плодородие должны расти одновременно и пропорционально - мы стараемся всегда помнить об этом.

Можно, оказывается, и сегодня жить в согласии с природой, извлекая из такого содружества немалую пользу. В седьмой пятилетке средняя урожайность зерновых в совхозе составляла 3,8 центнера с гектара, в восьмой (примерно в середине ее Мальцев принял хозяйство) - 5,4, в девятой - 9,8, в десятой - 10,6. Конечно же, заслуга здесь не одного директора. Но и его тоже. В одиннадцатой пятилетке средняя урожайность снизилась. Но вины земледельцев в этом нет: такого жестокого пятилетия (три года подряд - сильнейшая засуха) старожилы не помнят самого освоения целины. Как бы там ни было, бобровцы и из этой пятилетки вышли с наименьшими потерями и с лучшими в районе результатами. В двенадцатой - снова сделан рывок - перекрыты самые высокие прежние показатели.

Животноводство. И тут истоки добрых перемен надо искать на поле. Когда навели мало-мальский порядок на земле, взялись за создание кормовой базы. Житняк, люцерна, эспарцет - на них, по сути из небытия, поднималась молочная отрасль, на них, как на трех китах, она прочно стоит и сегодня. Высокоудойное стадо (а в этой пятилетке в хозяйстве намерены перешагнуть рубеж в три тысячи килограммов молока от коровы) начиналось с трех десятков племенных телок - на большее просто денег не было. На следующий год закупили в Пензенской области еще сто, затем еще столько же в соседнем Песчанском племязаводе. И - все. Это племенное ядро главный зоотехник Леонид Васильевич Пригорнев берег пуще глаза. Мальцев полностью доверял ему и старался помогать, чем мог. Вскоре первое отделение утвердили племенным, отсюда начали поставлять чистопородный скот на другие отделения, а потом в другие хозяйства.

В последние двадцать лет не было случая, чтобы совхоз не выполнил план по продаже продукции отрасли. Теперь Бобровка - совхоз-племязавод. Таких, самостоятельно "выбившихся в люди", товарных хозяйств в области только три.

Наверное, этот штриховой портрет Бобровки будет неполным, если не упомянуть об экономике. С момента своего основания (1954 год) и до 1969 года совхоз был убыточным, а с 1970 года стал получать устойчивую прибыль. В первом году двенадцатой пятилетки чистый доход превысил три миллиона рублей, а рентабельность производства поднялась до 72 процентов.

Как только завелись свои деньги, стали помаленьку строить. Надо было расселять людей - до этого в двухквартирных домах жили по четыре-пять семей. Строили сами: сначала по двенадцать квартир в год, потом - по четырнадцать, шестнадцать. Впрочем, очередь здесь есть и сегодня, но в основном на расширение и улучшение жилья. Хозспособом же возвели пристройку к школе и одними из первых в районе перевели детей на предметное обучение. Потом понадобился интернат, потом - Дом культуры, аптека... И снова строили, не дожидаясь, пока подойдет очередь подряда. Дел всегда было невпроворот. "Законных" восьми часов не хватило бы и на десятую их часть, потому и работал Мальцев столько, сколько мог. А случалось и более того - сколько надо было. Он сердится, если это ему ставят в заслугу. Он считает это нормальным и естественным - как же иначе можно требовать полной самоотдачи от других?

Были и небыли

Всякая крупная личность зачастую окружена ореолом таинственности, где перемешаны были и небылицы, где случаи, имевшие место в действительности, впоследствии обрастают такими подробностями, что вообще становится трудно отличить правду от выдумки.

Мальцев как раз такая фигура.

Среди хозяйственников и журналистов о нем кочует немало легенд. Вот одна такая.

Весна. Середина мая. Получена директива из района - с 15 мая повсеместно развернуть массовый сев. Все сеют - Бобровка стоит. 16 мая - в сводке прочерк, 17 мая - то же самое. Директорский телефон раскаляется от негодующих звонков. Посевные агрегаты стоят. На все просьбы, увещевания, угрозы следует ответ: "Мы считаем - сеять рано, а в установленный срок уложимся". Мальцеву на всякий случай объявляют выговор. Сеялки стоят. 20 мая совхоз начинает сев. 26 мая прибывшая в Бобровку с чрезвычайными полномочиями районная комиссия удостоверилась: сев закончен. И хотя другие вовсю сеют, выговор с директора комиссия предусмотрительно не снимает - решено обождать до осени...

- Было? - спрашиваю у Мальцева.

- Выговора не было, - смеется он, - а все остальное правильно: и должностью попрекали, и партбилетом, вредителем называли...

- А результат?

- Урожай получили лучший в районе. С тех пор сеем, когда считаем нужным.

- Ну, а вдруг тогда просчитались бы?

- Риск, конечно, был. Но оправданный, взвешенный. Мы мучительно думали, как можно увести растения из-под обычной в нашем краю июньской засухи. И пришли к выводу, что способ один - отодвинуть начало сева как можно дальше. Но срок окончания его должен быть прежним - 26-27 мая, иначе хлеба не успеют вызреть. Мы все тщательно рассчитали, подготовили людей, технику, работали практически круглые сутки. Отсюда и темпы, и результат. Теперь 17 лет только так и сеем. Да и не одни мы - любой уважающий себя агроном знает: в нашей зоне необходим поздний срок сева, поздний, но очень сжатый. Неделя, максимум - десять дней.

Можно сказать: как все, оказывается, просто... А можно рассудить иначе: как непросто оно ему доставалось, это право на самостоятельность.

О неуступчивости Мальцева. Впрочем, приходилось слышать и такие определения: упрямство, негибкость... Рассказывают, однажды он довел до слез подрядчика - и кого! - начальника ПМК, матерого строителя.

- Правда, Николай Фадеевич?

- Правда!

- Не жалко? Человек все-таки...

- Как человека жалко, а как начальника ПМК - нет. Я успел до того насмотреться на готовых плакать директоров совхозов - именно из-за него или таких, как он. Поэтому, когда пробили строительство орошаемого участка у нас, мы с Петрушкиным дали друг другу слово: контролировать каждый шаг строителей, не прощать ни малейшего огреха - стоять насмерть!

Первое время на Мальцева пытались "давить": не забывай, мол, ты у нас не один, можем, если что, и перебросить строителей. Жаловались на него в райсельхозуправление, в райком... Но - уже работала мальцевская репутация - получили вежливый отказ: решайте с директором. А с ним можно было поладить, лишь работая на совесть. Этот ни на кого не похожий директор не считал зазорным залезть в готовую трубу водовода, чтобы лично убедиться, надежен ли сварной стык, нет ли где просвета? Хотя не только контролировал - и помогал чем мог. Когда пришла пора монтировать и устанавливать "Фрегаты", рабочие совхоза дневали и ночевали вместе со строителями, отлаживали дождевалки, попутно осваивая их.

И вот уже на завершающем этапе, как говорят, нашла коса на камень. Начальник ПМК принес Мальцеву акт: "Подписывай, директор, работа закончена". - "Не подпишу, - говорит Мальцев, - за вами должок, брак не переделали". - "Да о чем разговор - переделаем, там работы на полдня... Подписывай, а то люди без премии останутся". - "Не подпишу, - уперся Мальцев, - ты меня сколько раз обманывал: обещал и не делал". Тот и так и эдак - Мальцев ни в какую: раньше надо было думать. В конце концов начальник фуражкой об пол - и заплакал: "Ты ж меня без ножа зарезал..."

- Так и не подписал?

- Нет. И уверен - правильно сделал. Мы и теперь с ним встречаемся, в хороших отношениях, и он мне как-то признался: правы были мы, а не они. Да я и сам это знаю: участок в 920 гектаров мы освоили за год. Сразу стали брать зеленой массы кукурузы по 350 центнеров с гектара, сократили ее площади в два с половиной раза. Освободившиеся земли заняли бобовыми. Люцерна и эспарцет на поливе уже на второй год дали по 60 центнеров сена с гектара. Тут и животноводство пошло в гору. А вообще - судите сами: четырнадцать лет эксплуатируется 920-гектарный участок с пятнадцатью "Фрегатами", и за это время практически ни одной крупной аварии. Когда убедились, что все у нас здесь в порядке, стали прикидывать с Петрушкиным: а нельзя ли к этому массиву прирезать еще 40 гектаров? И хотя нас разубеждали, называли авантюристами, мы стояли на своем. Поставили рядом две "Кубани", воды для них хватает - работают. Теперь совхоз в любой год с кормами. И какие корма - почти одни белковые травы. Так что не жалеете тех слез!

Рассказывают еще такую историю. Прислали Мальцеву приглашение на международный конгресс пчеловодов. Притом вполне заслуженно: число пчелосемей в Бобровке доходило до двух с половиной тысяч, в хороший год мед качали десятками тонн. Мальцев вроде засобирился, а в районе его не пустили... И он тогда, якобы смертно обидевшись, бросил одну-единственную фразу: "Ничего, еще ходят в Бяларуссию паязда!" - даже акцент прорезался. Уеду, мол, на родину - и все дела!

Опять спрашиваю: было или нет?

- Приглашение было, а не поехал я сам, - ответил Мальцев, - у нас как раз посевная начиналась, я подумал-подумал - и не поехал...

Такой уж он есть - "ушибленный" работой...

...Как-то ранней осенью вместе с ним ехали из Павлодара. Уже темнело, когда добрались до Бобровки. Не заезжая домой, Мальцев отправился по полям. Мне после объяснял:

- Я почти уверен, что все там нормально. Но я должен сам видеть. И вообще я в эту пору так рано домой не возвращаюсь.

Люди, близко знающие Мальцева, уверяют, что за все двадцать лет своего директорства он ни разу утром не опоздал на планерку, а в конторе появляется, когда тут еще нет никого.

Летом рабочий день директора начинается в половине шестого утра. Обязательно зарядка, затем завтрак. С половины седьмого - планерка. После нее - "бумажные" дела, неотложные звонки в район, город. Часов с десяти в конторе его уже не застать, маршрут может быть самым разным, а чаще всего - поле, ферма, стройка. Обед, как правило, дома. Затем час-полтора - на контору и снова по производственным участкам. Возвращается часов в десять-одиннадцать. Умылся, поужинал - и за газеты. Сначала - районная, областная, затем - центральные. Последние - "Правду" и "Сельскую жизнь" - Мальцев в целях экономии времени читает дифференцированно: в первой политическую часть, во второй хозяйственную. То, что привлекло внимание, на планерке рекомендует прочесть специалистам. Отбой - около двенадцати ночи, бывает и позднее.

Утром - все сначала.

- Тяжело работать в таком ритме?

Он пожимает плечами:

- Нормально. Я привык.

- Как другие? Не каждый ведь способен работать по четырнадцать часов в сутки.

- Наверное, не каждый. Но когда, скажите, уважающий себя крестьянин работал с восьми часов утра до пяти часов вечера с часовым перерывом на обед? Если и было "от" и "до", то другое - от зари до зари. Наши механизаторы и сегодня так работают, а почему я для себя должен делать исключение? День же год кормит!

Добрый ли человек Мальцев? Для кого - как. Сам он считает:

- Разве это справедливо, если я одинаково хорошо буду относиться и к лодырю, и к тому, кто в поле себя не жалеет. Нет, для первого я добрым никогда не буду. Люди знают это и на меня за правду не обижаются, они поняли: уж такой я есть и другим не буду.

Во всем, что касается совхозного добра, директор щепетилен до крайности. Застал участкового милиционера с несколькими мешками дробленки - заявил: "Не сработаемся!" Не помогли ни звонки, ни уговоры.

А сколько любителей подкормиться за совхозный счет слышали знакомое мальцевское - "ня дам!"

Об одном из таких бесцеремонных визитеров он мне как-то рассказывал: "Приезжает в начале лета - требует малины. Я ему вежливо объясняю: "Ягода только-только пошла, собираем крохи - давать нечего". - "Но ведь собираете, что же я из Павлодара зря ехал?!" - "Да мы даже детсадовских детишек только один раз угостили!" - "Не прибудняйтесь, - говорит, - хватит и вашим ребятишкам". Ну, тут я не выдержал: "Не дам, раз не понимаете, ни сейчас, ни после". Уехал разобиженный, теперь слухи распускает: у Мальцева, мол, снегу зимой не выпросишь.

Между прочим, слухи эти отчасти даже на пользу совхозу. Прослышав о крутом нраве директора, значительная часть всякого рода просителей предпочитает объезжать Бобровку стороной. Благо покладистые руководители пока у нас не перевелись.

Рассказывая о Мальцеве, мне меньше всего хотелось бы нарисовать лубочную картинку, портрет руководителя, замечательного во всех отношениях. Николай Фадеевич - человек сложный, и работать с ним сложно. Это говорили мне и бригадир тракторной бригады Сергей Борисович Яковин, и главный зоотехник Владимир Иванович Алейников, и секретарь райкома партии Николай Архипович Нетребский. Не скрывали: горяч Мальцев, нетерпелив, может наговорить резкостей. Но мои собеседники были единомышленны и в другом: все это идет от его неравнодушия, нетерпимости к любой бесхозяйственности, к халтурной работе.

- Людей к нему как магнитом тянет, - делится своими наблюдениями Яковин, - я всегда удивлялся: чем берет - ведь Мальцев молчун, не весельчак. Ну, постояли, покурили, несколькими словами перебросились... А уехал - у всех вроде настроение поднялось... Может, правда, и отругать, когда есть за что. Но никогда не заигрывает, всегда самим собой остается. Я думаю, люди это понимают и ценят.

Владимир Иванович Алейников уехал из совхоза. Нашел хорошее место - был руководителем агроцеха алюминиевого завода. Предприятие - одно из лучших в области, работа спокойная, не то что в совхозе. Но затосковал и вернулся опять в Бобровку. Звонили из города: приезжай, квартиру выделим. Отказался. О взаимоотношениях с Мальцевым сказал просто:

- Работать с ним трудно, зато интересно.

- С Мальцевым хлопотно, - согласился второй секретарь Качирского райкома партии Николай Архипович Нетребский, - ничего сразу не примет на веру, на все у него своя точка зрения. Доставалось ему в свое время и за зябь, и за кормоцех... Да мало ли за что может достаться самостоятельному и ершистому директору! Мы, правда, теперь стараемся руководить им как можно меньше - больше советуемся. Николай Фадеевич - член бюро райкома партии, зачастую именно его мнение ложится в основу принимаемых решений. Как член бюро, пожалуй, мог бы в иных случаях выхлопотать какие-то привилегии для своего хозяйства... По правде сказать, и моральное право есть, ведь воз тащит, дай бог каждому. Но потребительства лишен начисто. Положенное потребует, но не более того. О личных запросах и говорить нечего: двадцать лет живет в шитосборном доме, построенном в первые годы целины. В этом году вроде наконец отремонтировал, а то все руки не доходили. В совхозе, между прочим, очередь только на расширение и улучшение жилья.

В свое время выдвигали Мальцева на повышение - начальником райсельхозуправления. И он после немалых колебаний согласился. Хотел испытать себя на более масштабной работе. И еще. Досыта натерпевшись обид от этого органа сам, Николай Фадеевич всерьез полагал, что сможет сделать его не указующей и контролирующей конторой, а надежным партнером и советчиком хозяйств. Не получилось. В самый последний момент решение переиграли. Рассудили, по-видимому, так: этот Мальцев может таких дров наломать - лучше не рисковать.

Мальцев и Петрушкин

Они очень разные - Петрушкин и Мальцев. Даже внешне. Невысокий, аскетичный Мальцев как будто соткан из жил и нервов. Петрушкин, наоборот, в теле, крупный, с виду даже вальяжный. У Мальцева сухая маленькая рука интеллигента, у Петрушкина - жесткая, мозолистая ладонь землепашца, о нее можно поцарапаться.

У одного дом - полная чаша, подворье, у другого вообще никакого личного хозяйства нет.

Мальцев вспыхивает, как порох, у Петрушкина есть особая крестьянская предусмотрительность - и в словах, и в поступках.

Хочу быть правильно понятым. Я говорю все это не для того, чтобы указать на достоинства одного и недостатки другого или наоборот, а для того, чтобы лишний раз подчеркнуть, насколько это разные люди. Кроме всего прочего, они представляют и разные агрономические школы: Мальцев окончил Украинскую сельскохозяйственную академию, Петрушкин - Ленинградский институт прикладной зоологии и фитопатологии. Но оба, как принято говорить, агрономы божьей милостью, и у каждого ярко выражен характер лидера.

И как же им нелегко уживаться друг с другом!

Я думаю, Мальцеву было бы работать куда проще, спокойнее, не будь у него в оппонентах агронома Петрушкина. А самому Петрушкину куда приятнее работать с директором не агрономом, или уж, во всяком случае, не с таким характером, как у Мальцева. Но, зная их обоих больше десятка лет, я совершенно убежден и в другом: Бобровка никогда не стала бы тем, что она есть, не будь на здешней земле двух этих людей. Не будь их бесконечных, порой ожесточенных споров, иные из которых тянутся по многу лет. Но только так, наверное, в конце концов и вырастают зерна истины... А насколько долог и мучителен бывает путь к ней, знают только они двое. И - странное дело - чаще всего оказывалось: у истоков любой крупной акции в хозяйстве стоял не тот или другой, а обязательно они оба, вместе.

Попробуйте сейчас выяснить, чьей заслуги больше в том, что Бобровке в самое трудное время удалось отстоять пары, поздний срок сева, новый сорт семян, свою, во многом отличающуюся от общепринятой, тактику земледелия? Любой в совхозе скажет: это заслуга Мальцева и Петрушкина. Или наоборот. Но обязательно будут названы обе фамилии.

А вот картинка с натуры. Разгар уборки. Хлеба удались, и состояние духа у Мальцева сдержанно-приподнятое. На вопросы отвечает охотнее обычного. Но стоило спросить, как чувствуют себя широкорядные посева гречихи - и Мальцев сразу мрачнеет.

- Дались они вам, эти широкорядные посева!

- Кому вам?

- Ну, Петрушкину. Больше разговоров, чем дела.

- Николай Фадеевич, но ведь в сухие годы как раз "рядки" и дают большую урожайность?

Мальцев еще больше мрачнеет и направляется к машине.

- Поехали!

- Куда?

- Куда-куда... На широкорядные!

Мимо почти нетронутых красками осени лесополос, уже убранных, будто подстриженных, клеток пшеницы и ячменя пылим на гречиху. Ее только-только начали молотить. Валок мощный, не перешагнуть, но по нему урожай не угадаешь. Директор нетерпеливо курит, поглядывая на уступом идущие к нам "Нивы". Затем начинаются подсчеты, и вот результат: намолачивают около девяти центнеров зерна с гектара.

Мальцев оживает:

- Ну вот, а я что говорил!

- Что?

- А то, что и огород городить нечего: вчера примерно столько же взяли на обычных полях, безо всякой мороки. Чудит Петрушкин с этими "рядками"!

Приезжает Петрушкин.

- Как же так, Василий Степанович, - говорю ему, - агитируете всех за широкорядные посевы, а результатов, выражаясь словами вашего бригадира, - жок.

Петрушкин заводится с пол-оборота.

- А откуда им быть, если все, начиная с директора, считают "рядки" моей блажью - и только. Пойдем!

Он решительно увлекает меня за собой.

- Говоришь - прибавки нет. А чистота эксперимента соблюдена? Посмотри на рядки - как бык... прошел. Разве ж это работа? Тут не то что с культиватором - с тяпкой не разберешься!

...Пора, видно, сделать некоторые пояснения. На широкорядные посевы у Петрушкина свой, давно установившийся взгляд. На них, по его мнению, растениям создаются благоприятные условия для развития: увеличивается площадь питания, гречиха добывает соки из более глубоких горизонтов. При этом чуть ли не вдвое уменьшается расход семян, а зерно приобретает наиболее ценные товарные качества. Этим, считает Петрушкин, и покрываются затраты на летнюю обработку гречихи "в рядках". Но в том-то и беда, что для возделывания гречихи широкорядным способом нет хороших машин, а те, что есть, не позволяют в точности соблюсти технологию. Бывает, и механизаторы напортачат, на что он мне в поле указывал.

...В тот раз директор и главный агроном так ни до чего и не договорились. Спустя какое-то время вновь спросил у Мальцева: почему все же он так решительно настроен против широкорядных посевов?

- Я привык верить фактам. В нашем деле должны быть результаты. А нет их - и дела нет. И не все тут так безобидно, как вы думаете. Ладно бы: посеяли - и все. Но ведь "рядки" надо обрабатывать. А где я людей возьму летом: тут и сенокос, и поливной сезон, и обработка пропашных, и подготовка к уборке. За каждого человека держимся. Нет - давай людей, технику на "рядки". Во имя чего? Вы же сами видели результат.

Не берусь выступать арбитром в этом затянувшемся споре директора и главного агронома. Замечу лишь, что гречиха от этих их разногласий ничуть не пострадала. Скорее, наоборот. И вообще таких (не побоюсь высокого слова) рыцарей этой культуры еще поискать.

Впрочем, тут опять потребуется небольшое отступление.

В свое время Павлодарская область была одной из самых "гречишных" в стране. Посевы этой культуры занимали здесь свыше двухсот тысяч гектаров - около 12 процентов общесоюзного гречишного поля. То был своего рода гречишный бум. Затем для всех стало очевидно, что гречиха в наших условиях не может соперничать в урожайности ни с пшеницей, ни даже с фуражными культурами. А поскольку бал во всех делах правил его величество вал, гречиха стала оказываться крайней - она почти всякий раз "садила" общую урожайность зерновых, а соответственно, и вал. Тяжелее всего приходилось тем, кто сеял ее много, - такие хозяйства оказывались в заведомо невыгодных условиях.

Многие начали открещиваться от гречихи, и за ней стала закрепляться репутация "капризной", чрезмерно прихотливой культуры. Надо сказать, иные руководители умышленно создавали ей дурную славу - сеяли на худших землях, а после разводили руками: не растет - и все тут! Дело дошло до того, что руководитель одного из районов с трибуны областного партхозактива взывал к присутствующим здесь руководителям республики: снимите с нас, наконец, это наказание - гречиху...

Стоит ли после этого удивляться, что площади под этой ценной культурой, по сравнению с началом семидесятых годов, урезаны втрое. Не помогли ни высокие закупочные цены на гречиху, ни другие льготы, установленные государством.

Я думаю, не будет большим преувеличением сказать: тем, что гречиха все же осталась на павлодарских полях, она обязана в первую очередь таким людям, как Мальцев и Петрушкин. Они же при этом имели для себя лишь одни неприятности. Не надо забывать: они ведь портили общую картину, шли не в ногу, разрушали стереотипное представление о гречихе как о культуре для здешних мест неприемлемой. И вызывали тем самым немалое неудовольствие не только чиновников от земледелия, но и многих своих коллег. Тот же Мальцев не раз слышал "дружеские" советы "не высовываться", не быть "умнее всех" - тогда и планы, мол, можно будет сбалансировать, и жизнь станет полегче.

При чем тут планы? Дело в том, что пшеница здесь в хороший год дает вкруговую пятнадцать центнеров с гектара, а гречиха - примерно вполовину того. К тому же у гречихи и товарность ниже, у нее больше отходов при подработке. Но это весьма существенное обстоятельство при доведении планов не учитывалось никем: есть строка - урожайность зерновых, есть общий план сдачи зерна - вот и работайте!

А как было работать? Бобровка в десятой пятилетке получила высшую в районе урожайность зерновых - более тонны с гектара, а общий план сдачи зерна не выполнила: гречиха потянула назад - она здесь занимает две с половиной тысячи гектаров, пятую часть посевов зерновых.

Сколько ни бился Мальцев, доказывая абсурдность такого положения, убедить в районе никого не мог. Ему и намеками, и прямо говорили: сам виноват, ты со своей большой любовью к гречихе весь район подводишь, из-за тебя другие страдают, и вообще, если ты к ней так неравнодушен - чего жалуешься?

И все-таки они не отступили. Не могли отступить. Мальцев как-то в сердцах сказал:

- Дожили - дальше некуда. В магазинах легче марокканские апельсины купить, чем отечественную гречку.

Хотя к Бобровке это, конечно, не относится. Вот уже четвертую пятилетку площадь под гречихой здесь практически неизменна. За это время продано государству около двадцати тысяч тонн гречихи. В хороший год совхоз имеет от ее реализации до полумиллиона и более рублей прибыли, а общая сумма дохода с тех пор, как стали ею заниматься, перевалила за четыре миллиона рублей. С этого года совхоз переходит на новые условия хозяйствования - самоокупаемость и самофинансирование. Переходит смело, экономика позволяет. И гречиха в этом сыграла не последнюю роль.

...На одной из городских товарных ярмарок, которые в последнее время становятся традиционными, встретил Петрушкина. Совхоз торговал на Центральном рынке мясом, медом, зерноотходами. Но самая большая очередь выстроилась у автомашин с гречневой крупой.

- Целую тонну привезли - и не хватило, - сокрушался после Василий Степанович, - некоторые чуть не со слезами уходили: забыли, говорят, вкус гречневой каши... Надо будет на следующий год посеять хоть немного специально для продажи горожанам.

- А как с широкорядными посевами? От них не отказываетесь?

- Будем сеять четыреста гектаров. Я уже и место присмотрел.

...За те двадцать лет, что Мальцев работает в Бобровке, здесь, хотя и нечасто, но менялись специалисты. Одни уходили на повышение, другие на более спокойную работу. И, пожалуй, только один главный агроном провел бок о бок с директором все двадцать лет. И не было, наверное, у Мальцева верней товарища, надежней союзника в критические моменты жизни, чем Петрушкин. Именно его оставлял "на хозяйстве", уезжая в отпуск или по другим делам. Лишь недавно Петрушкин попросил сам освободить его от обязанностей первого зама - уставать стал, да и другим, молодым специалистам, надо "обкатываться" на этом месте. Не так давно Петрушкин награжден еще одним орденом Трудового Красного Знамени, и тут, конечно, не обошлось без поддержки Мальцева. (У самого Мальцева, кстати, ордена "Знак Почета" и Трудового Красного Знамени.)

Это счастливое совпадение, что рядом оказались не просто два разных человека, два сильных самобытных характера, но (и это гораздо важнее) люди, обладающие высокими нравственными ценностями. Отстаивая собственную точку зрения, они никогда не отказывали друг другу в праве на иное мнение, разногласия не мешали им вместе делать главное дело. А мы ведь знаем, как часто в нашей жизни бывало наоборот. Когда самым правильным оказывалось мнение того, чей стол главнее, когда малейшее несогласие, возражение воспринимались как покушение на авторитет. И как часто от неудобных, а вернее сказать, неугодных, старались любой ценой избавиться, оставляя вокруг во всем согласных, на все готовых... И что, если не подобное "одномыслие", начинаясь с кадровой политики, приводило затем к застою во всех остальных делах?

Сегодня мы все учимся жить в условиях демократии. Учимся по-новому ценить достоинства, свое и чужое. Привыкаем иметь собственное мнение и признавать такое право за другими. И мне кажется, сегодня нам должны быть вдвое дороже люди, сумевшие через все времена пронести в себе бесценные человеческие качества, так нужные перестройке.

Становятся ли с годами отношения Мальцева и Петрушкина более "мирными"? Думаю, что нет, во всяком случае, споров меньше не стало. Смогут ли они жить и работать друг без друга? Не знаю, не спрашивал. Но мне очень хочется верить, что нет - не смогут.

Монолог о перестройке

Готовился к этому разговору с Мальцевым, и одолевали сомнения. Говорят: перестраиваться надо всем и каждому. Но в чем перестраиваться таким, как он: они себя вроде и раньше не жалели, жили по совести, за спину других не

прятались. И если оно наконец пришло, время этих людей, что же им-то тогда ломать в себе, в чем им надо меняться?

Стоял июнь. Одна страда - посевная - отшумела, другая - сенокос - только началась. У Мальцева было "окно", небольшая передышка между кампаниями, и мы с ним уехали в поле. Поговорить. Сидели на краю лесополосы, в воздухе остро пахло разогретой хвоей, звенели назойливые комары. Николай Фадеевич выслушал вопрос, помолчал и вздохнул.

- Я и сам не во всем разобрался. Поэтому на все вопросы не отвечаю, но на что-то смогу. Была у меня недавно беседа с одним хорошим механизатором. Спрашивает: "Николай Фадеевич, ведь из последних сил тянемся, Бобровке нашей скоро и соревноваться в районе не с кем будет... А соседи, между прочим, живут не хуже нашего. Когда же и нам полегче будет?" Я ему честно сказал: "Когда станет легче - не знаю, во всяком случае, не сегодня". Я думаю, что самое трудное только начинается. Меня больше всего раздражает, когда иные наши сограждане перестройку воспринимают как дорогу с односторонним движением: за свои новые права - горой, а что до обязанностей и ответственности - так это для других. А по мне перестройка, если сказать просто, - это работа и ответственность. Честная работа, чем бы человек ни занимался, и настоящая ответственность каждого на своем месте - за порядок в доме, в совхозе, государстве... Когда меня спрашивают: сколько же надо работать, я всегда отвечаю: а сколько дело требует. Есть такая довольно распространенная руководящая философия, причем, на первый взгляд, даже рациональная. Принимает директор хозяйство и говорит себе: "Да, я должен работать - навести порядок, подобрать людей, подтянуть все участки. Буду работать, если понадобится, и десять - на первых порах - и двенадцать часов в сутки... Но только на первых! Моя задача - наладить дело, найти толковых специалистов, дать толчок. И пусть работают! А я буду спрашивать. И уж, само собой, не стану крутиться, как прежде, - я впрям поработал, имею право жить, как человек..." Правильная философия? Да ерунда это, чушь собачья. Жить так, конечно, можно. И живут. Но людей разве обманешь? Никогда они не будут работать в полную силу, если ты сам этого не делаешь. Разве не так?

- Согласен с вами.

- И я с собой согласен! Но надо, чтобы и другие это поняли.

- Николай Фадеевич, уже через год практически все хозяйства области должны работать в условиях самокупаемости и самофинансирования. Но большинство из них к этому не готово. Как вы считаете, почему?

- Причин много, а главная, по-моему, иждивенство. Беда в том, что на хлебничество много лет, по сути, поощрялось. Иначе разве смогли бы существовать хозяйства, по двадцать лет кряду работавшие убыточно? И нам сейчас чуть не в вину ставят: вот, мол, и Дома культуры нет такого шикарного, как у соседей, и школа поскромнее... Так мы же их (и не только их) своими руками строили, на свои деньги. И правильно делали! Но попробуйте объяснить эту явную несправедливость людям: почему подчас лучше живется тем, кто хуже работает? Думаю, экономическая реформа поставит все и всех на свои места. Многие даже сейчас рассчитывают отсидеться. Но если раньше это удавалось - теперь не получится.

- Что, на ваш взгляд, больше всего вредит перестройке?

- Попятное движение!

- У Ленина есть мысль о том, что не нужно перехода к социализму, если люди не сделаются от этого мудрее, красивее, добрее. Замечаете ли вы такие перемены у себя в Бобровке? Если да, то как их можно оценить?

- Какие у нас люди - это разговор особый. Вот лишь несколько наблюдений. В канун 30-летия освоения целины подсчитывали, сколько же осталось в хозяйстве целинников, и сами поразились - около девяносто семей. Одних династий десятка два наберется. Что держит людей на этой земле? Уверен: больше всего - плоды своего собственного труда. Они ведь сами создавали эту красоту: и лесополосы, и совхозный сад, и пасеку, и поселок. Как теперь с этим расстаться? Есть такое понятие - обустройство рабочего места. У хлебороба рабочее место - поле, он на нем большую часть жизни проводит. И уж если выдалась у него свободная минута, где человеку приятней отдохнуть - на пыльной стерне, рядом с раскаленным от зноя комбайном, или в тени, под сосной и березой? Конечно, в лесу - здесь и душе спокойно, и сердцу радостно. Я заметил: от общения с природой и сам человек становится добрее и чище. А общаться у нас теперь есть с чем: лесополосы облюбовало зверье - зайцы, лисы, даже косули и лоси перебираются из поймы. Охотно селятся тут птицы. Несколько лет назад грибы появились. У нас в степи к Новому году не то что елку - сосну достать проблема. Но не было такого случая, чтобы кто-то из своих поехал за ней на лесополосу. Чужие - могут, наши - никогда.

- И еще, коль уж заговорили о сознании, - продолжил Мальцев, - как только был создан Советский фонд мира, на сельском сходе решили: раз в году отрабатывать всем совхозом полный день в счет этого фонда. Теперь по традиции делаем это первого июня - в Международный день защиты детей. Спросите, какое это имеет отношение к нашему разговору? Самое прямое: сохраняя и возрождая красоту родной земли, человек и сам возвышается, растет как личность.

Культура поля и культура человека всегда будут идти рядом. Прочитал это выражение Тимирязева и подумал: сказано как будто именно про Мальцева. Впервые попав к нему домой, обратил внимание на обилие книг, но не особенно удивился - чего-чего, а книжных шкафов в современных домах хватает. Когда же обязательная часть разговора была закончена и он случайно перекинулся на литературу, Николай Фадеевич меня снова удивил. Он читал мне прекрасные куски прозы о природе Шишкова, цитировал Твардовского. О Достоевском сказал: "Его нельзя ни читать, ни понять с холодным сердцем".

...Мы вышли во двор его дома. Дом с двух сторон обступили набравшие силу березы, им уже по двадцать лет - ровно столько, сколько живет в хозяйстве Мальцев. Шумели во дворе кронами могучие тополя. Перекрывая все другие звуки, кричали в скворечнике над домом скворчата, требуя от родителей угощения.

- Пойдемте, я вам ландыш покажу, - предложил Николай Фадеевич, - настоящий, лесной. Уже зацвел.

Рядом с изящным цветком приткнулся кустик белого клевера.

- С поймы недавно пересадил, - для разнообразия, а то один житняк кругом, жена ругается, говорит: не двор, а еще одно отделение совхоза.

- А это рябинка. Из Омской области привез. Поднялась, теперь выживет.

..."И я с собой согласен!" Во мне до сих пор живет эта его фраза. Многие ли из нас могут сказать так?! И жить так - в согласии с самим собой, со своей совестью?

Я думаю, можно быть спокойным за будущее этой земли, пока на ней живут и работают такие люди, как Мальцев.

Журнал "Простор", май 1989 года.

Что было потом...

Монологи на осеннем ветру

Были у нас и более поздние встречи. Больше других запомнились две. Первая, когда Мальцев еще работал...

Хотя мы знакомы давно, никогда я не видел его таким сумрачным, растерянным, подавленным. Не особенно крупный от роду, он даже ростом как будто стал ниже, согнулся.

В его директорском кабинете разговор у нас не клеился, и я предложил поехать в поле - в надежде на то, что, может быть, там он оттаает, заговорит...

Был чудный день, один из последних погожих дней уходящей осени. Пылили по проселку редкие машины с зерном, комбайны домолачивали оставшиеся валки на последнем неубранном поле. Почти по-весеннему светило солнце, согревая нам спины, и только шныряющий в лесополосах холодный ветер напоминал о близком ненастье.

Мы стояли на краю поля, на земле, которую он не одно десятилетие обихаживал и преображал и с которой ему так или иначе предстояло расстаться. И когда он наконец заговорил, мне захотелось передать всю эту сложную гамму человеческих чувств - обиду, смятение, горечь....

Так родились эти его монологи. Монологи пожилого человека на осеннем ветру...

Выживай - как знаешь...

- Хлеб в этом году стали сдавать без всякого нажима. Еще уборку не закончили, а отправили на хлебоприемный пункт тысячу тонн гречихи. Мне говорят: напрасно спешишь, может, еще закупочные цены повысят. А куда мне деваться: за ресурсы рассчитываться надо, зарплату людям платить тоже, а денег-то на счету нет. Вот и выходит: или срочно сдавай хлеб, или бери банковский кредит под 68 процентов годовых. И так, и так плохо. Выбрал первое. Хотя тысячу раз правы те директора совхозов, которые сегодня криком кричат: нынешние закупочные цены грабительские, бессовестные. Опять нас обдирают как липку.

Ну, сдадим в этом году тысяч пять тонн хлеба. Выручим 50 миллионов рублей. Сумма? Это как считать. Я прикинул: как раз хватит рассчитаться за бензин и дизтопливо в расчете на год.

Сколько же можно тянуть соки из крестьянина? Ведь терпение у людей на пределе. Я как-то подковырнул одного из механизаторов: что ты все жалуешься, у тебя вон уже зарплата не меньше директорской. Он мне отвечает: заберите себе эти пять тысяч, а мне верните мои 150, но чтоб я на них мог взять фуфайку не за тысячу, как сейчас, а за 15 рублей, да валенки за четвертак... Чем прикажете крыть? Что ответить той же доярке, которая как вставала в четыре утра, так и встает, как не разгибалась всю неделю, так и не разгибается... Кому не ясно, что никак не стыкуются сегодня затраты труда и зарплата на селе? И сколько еще могут терпеть эти люди?

Нам, директорам, говорят: за вами никого нет, все решайте сами. Интересно получается: нам почти все идет по свободным ценам, а на нашу продукцию цены "не пускают": то мясо и молоко производили себе в убыток, теперь и хлеб, получается... И при всем при этом никаких гарантий в снабжении ресурсами, ни одного внятного ответа на все наши вопросы. Получается примерно так: бросили путника одного в пустыне - без воды, пищи, карты и компаса - и говорят: даем теперь тебе полную свободу. И выживай - как знаешь.

Неужели не ясно: село - последняя опора государства. Разрушим ее - ничто не устоит.

О власти

- В разгар уборки нагрянуло высокое начальство. Как всегда, нехстати. Шел дождь, по-хорошему надо было остановить комбайны. Но надо же что-то показывать - вот и повез их на самые хилые поля, где несколько комбайнов ходили напрямую... Тут же и оценку получил: "Только дурак в такую погоду убирает то, что похуже, оставляя лучшее на потом..." Я проглотил "дурака", а про себя подумал: кто из нас умнее - это мы к концу уборки посмотрим...

Потом еще на току кучку подмокших отходов обнаружили (а как же им быть сухими, если дождь идет)... Одним словом - наслушался досыта, насовали, как говорится, полную пазуху. Механизаторы потом спрашивают: "Ну, как начальство, довольно?" А я отвечаю: "Да нет, ребята, весь диск на меня потратили..." Они в хохот: все обратили внимание на то, что главный приезжий начальник был в полном десантном камуфляже - брюках, куртке, ботинках, разве что без крупнокалиберного пулемета наперевес.

Но шутки шутками, а этот визит меня чуть не доконал: я все же чуть не полжизни тут прожил, в бездельниках и неумехах никогда не числился, совхоз наш не из последних... За что же "на последнем перегоне" (скоро на пенсию) такая оплеуха?

Об элите старой и новой

- Вот говорят: раньше лучше всех партократы жили, все имели. Ну, жили. Наверное, имели... И хотя я на своем совхозно-районном уровне не замечал, чтобы они сильно жировали, думаю, что те, кто находился рангом повыше, действительно были не чета нам, простым смертным. Но сколько их было? И кто их знал? Считалось неприличным показывать, что ты живешь лучше других...

А теперь? Новые богатеи живут напоказ. Ничего не стесняются, никого не празднуют. Вы обращали внимание, кто в том же Павлодаре чаще всего за рулем иномарок? Молодые парни, бывает, совсем юнцы. И не стану скрывать: обида и злость разбирает. Он что - вывел новый сорт, изобрел порох, построил дворец, да такой, что все ахнули? Да нет, исхитрился, где-то по дешевке купил, тут подороже перепродал... Раньше назывался спекулянт, теперь коммерсант.

Нам говорят: чем больше богатых людей, тем лучше. Интересно, многим ли стало лучше жить от того, что появились новые миллионеры?

В чем разница между старой и новой элитой? У той, партократической, как мне кажется, хоть какие-то "тормоза" были, а нынешняя - не знает никаких ограничителей. И она еще себя покажет.

О пользе бессонницы

- В уборку у меня всегда один режим: ухожу со двора затемно и возвращаюсь затемно. Но раньше, бывало, умоюсь, поем, посмотрю газеты - и сплю как убитый... А теперь, когда бы ни вернулся - даже к полуночи - не могу уснуть, лежу - хоть глаз выколи. И мысли чередой - тягучие, невеселые... О чем только не передумаешь.

Детство почему-то вспоминается. Вот иду после школы в райцентр, за 16 километров от нашей деревни, чтобы отоварить отцовскую карточку (сам он на фронте). А лет мне всего десять, и главная мысль на обратном пути: как бы не съесть, донести домой эти несчастные полбуханки...

Вот сенокос. Мне, десятилетнему, норма - выкосить литовкой 25 соток. А еще отбивать косы для десятерых: все еще идет война, в деревне только старики, ребятишки да бабы...

А вот пахота. Я иду за плугом, выбиваясь из сил, а тянут его мать, две ее сестры да две соседки. Коровы были не у всех, вот и пахали на себе. Пройдем круг, они идут отдыхать, запоют наши тягучие белорусские песни, а я стою в стороне и плачу. Не потому, что самому тяжело - их жалко.

И вот когда я смотрю из своего "отсюда" в свое "туда", я думаю: еще не все потеряно, еще можно сделать нашу жизнь нормальной. Это говорю вам я, человек, познавший в ней все или почти все.

В чем моя сила, или О фанатиках

и дураках, кирпичках и булыжниках

- Если бы мне сказали: надо поднять людей - в последний раз, на благородное дело... Чтобы всем миром выложиться до конца... Но после этого что-то сдвинется, изменится к лучшему. Я бы пришел к людям и все это сказал. И мне бы поверили, пошли бы за мной. И в этом моя сила. Потому что люди больше всего ценят правду и совесть. И только на них отзываются.

Недавно ко мне в гости приезжала сестра. Мы давно не виделись, и я сильно переживал: как встретимся, понравится ли ей у меня, что скажет... И она напоследок сказала: "Не обижайся, брат, но никак не пойму: или ты фанатик, или просто дурак. Полжизни тут прожил, добра не нажил, здоровье потерял... Для чего, спрашивается, жил?"

Я виду не показал, что обиделся, хотя сам твердо знаю: будь у нас побольше таких фанатиков и таких дураков, мы бы никогда не дошли до такой жизни. Это уж точно.

Я всех людей в жизни оцениваю так: или человек - кирпич, или человек - булыжник. Кирпич - продукт искусственного происхождения, с благоприобретенными качествами, его можно сделать, в зависимости от надобности, легче или тяжелее, тверже или мягче. Такой человек и сам меняется в зависимости от обстоятельств.

Себя я отношу к булыжникам. Каким от природы уродился, таким и оставался всю жизнь.

А теперь тем более поздно меняться.

Преступление без наказания

Наша вторая встреча была совсем грустной. Ей предшествовали трагические обстоятельства.

Поздним осенним вечером в дом к Мальцевым постучали. Жена Мальцева, Александра Александровна, спросила, кто пришел. Автомобильная авария, ответили ей, нужна срочная медицинская помощь. И хотя Мальцева уже не работала (была, как и Николай Фадеевич, на пенсии), тут же открыла. И была оглушена ударом по голове. Сам Мальцев ничего этого не слышал - по привычке смотрел в дальней комнате программу "Время". Потом ему показалось - жена позвала. Он пошел к ней и... очнулся на полу, связанным по рукам и ногам.

Потом их в разных комнатах несколько часов пытали и запугивали, Николая Фадеевича жгли утюгом... Требовали денег - знали, что Мальцевы собираются перебраться к дочери и сыну в соседнюю Омскую область. Денег было девять тысяч долларов - всё, что удалось скопить за последние несколько лет. Жили Мальцевы скромно, в последние годы занялись пчелами, продали двухкомнатную квартиру в Павлодаре...

Что могли сделать двое немолодых людей против безжалостной своры бандитов? Деньги, конечно, отдали. Напоследок один из грабителей предложил: "Может, прикончить их?" - "Сами сдохнут", - сказал другой. И они ушли, оставив хозяев связанными и включив в соседней комнате газ. Мальцевым повезло: газа в газовом баллоне оставалось совсем немного.

Только под утро Николаю Фадеевичу удалось выбраться из дома...

Потом была реанимация: он лежал с сотрясением мозга и сильными ожогами в районной больнице, а жену пришлось срочно отправлять в специализированное отделение одной из омских клиник - ей грозила потеря глаза, требовалось многомесячное лечение.

Подонков-грабителей, разумеется, не нашли.

Приехав спустя какое-то время к Мальцеву, я застал его надломленным - больным душевно и физически. Он боялся находиться в своем доме, особенно ночью... Почти не спал.

И дальше все было как в кошмарном сне: он долго обивал пороги, ходил по начальству - просил, чтобы ему помогли продать дом, получить за него хоть какие-то деньги... Он больше не мог здесь жить... Ему обещали - и ничего не делали. Так что горькую чашу унижений и отчаяния на старости лет Николаю Фадеевичу пришлось испытать полной мерой...

Ему помог новый аким Качирского района Николай Терентьевич Руденко - взял на себя ответственность, доказал, что и в новые времена не изжиты элементарные человеческие понятия, по которым всегда жил сам Мальцев, - справедливость, совесть, доброта...

Мальцевы уехали. Они где-то совсем недалеко, в Омской области. Мы с ним больше не виделись. И в Бобровку, от которой мало что осталось, Николай Фадеевич тоже не приезжает.

"Дай мне бог сделать то,
что я должен сделать"

Не один год зная Виктора Поликарпова, давно хотел написать о нем. Но все не осмеливался: во-первых, не считаю себя специалистом в этой области искусства, а во-вторых, сам Поликарпов - крепкий орешек... С одной стороны, он художник вполне наш, павлодарский - с его половодьем на Иртыше, рыбацкой лодкой, затонским рабочим с пудовыми кулаками!.. А с другой - совершенно непредсказуемый, парадоксальный: в его удивительной "павловасильевской" серии графических листов, некоторых других работах жизнь замешана так круто, закручена в такую тугую спираль, что трудно отделить, что тут реальность, что фантазия, где сон, а где явь... Поликарповские образы сродни васильевским - летящая по заснеженной степи тройка, оскаленная волчья пасть, хмельная казачья свадьба, нахохлившийся беркут, караваны кочевников, идущие из вечности в вечность...

Но это не иллюстрации к васильевским стихам - это фантазии, навеянные ими и собственными представлениями художника о том, что было, есть и будет. Многие картины Поликарпова - вневременны, в них спрессованы тысячелетия, перепутаны географические ориентиры, смещены временные пласты. Эта блестящая импровизация не оставляет равнодушным никого, кто способен видеть и чувствовать.

Рассказывать о художнике, а тем более о его творчестве, задача, как мне кажется, не только неблагодарная, но вообще трудновыполнимая. Ведь далеко не всегда можно передать словами то, что видят глаза, и то, какие при этом возникают чувства...

Художника надо смотреть...

А Виктора Поликарпова можно еще и слушать. Думаю, его монологи, которые я записывал во время наших встреч с ним, помогут лучше понять художника, его творчество тем, кто с ним знаком, и, может, заинтересует тех, кто его еще не знает.

* * *

- Рассказывают, что, когда я появился на свет, отец сказал: "Художник родился!"... Сам он всегда мыслил себя художником и во мне, наверное, увидел свою осуществленную мечту...

Мои предки - крестьяне-переселенцы из Самарской губернии. Как и многие другие, они перебрались под Павлодар в 90-х годах прошлого века. Мне потом духовницкие мужики рассказывали, что слава рисовальщиков за нашей семьей велась давно: село небольшое, и все знали, что, скажем, Реснянские в нем издавна считались музыкантами, а Поликарповы - художниками.

Отец вспоминал: одно из самых сильных потрясений в детстве он испытал, когда ему, мальчишке, старший брат привез в подарок из Павлодара цветные карандаши. Отец их прежде никогда не видел и никак не мог поверить чуду, когда красная заостренная палочка давала на бумаге красный цвет, а синяя - синий...

Отец очень любил художников-передвижников, копировал их. Он делал это не по обязанности - по движению души. Рисование не было его основной профессией, но случались дни, когда он бросал все и только рисовал...

А вообще его детство было очень тяжелым: деда Ивана раскулачили и вместе с бабкой и детьми выслали на станцию Любино. Поразительно, но, может быть, благодаря этой ссылке семья смогла уцелеть: в Казахстане в 30-х годах был такой голод, что многие села и аулы вымерли поголовно.

...Я помню, как отец уходил на фронт (мне было три года). Поставил меня на стол и смотрел, смотрел... Потом, уже после войны, наша семья жила в Вильнюсе - отец был связист, работы везде хватало, жильем обеспечивали. Можно было остаться там, но он рвался на родину: "Хочу в Павлодар, мне там полгорода говорит: "Здравствуй, Шодор" (так казахи переименовывали его имя Федор). И мы вернулись в Павлодар, я помню себя сидящим в кузове полторки, пыльные улицы, редкие бревенчатые дома, а все больше "глинобитки" да мазанки...

* * *

- У меня не было прямого пути к моему главному занятию, хотя, помнится, выделяли меня по рисованию уже в детском саду. Учился в школе, потом окончил музыкальное училище по классу альта. До этого поработал монтером телефонной станции, художником в областном краеведческом музее, потом - педагогом в музыкальной школе.

Я и сейчас помню ту радость, которую получал от занятий на инструменте, ни с чем не сравнимое наслаждение от игры в симфоническом оркестре, от пения в хоре. Мне пришлось изучать, анализировать музыкальные формы, их возникновение, развитие. Чайковский, Моцарт, Брамс... Великая тайна жизни - форма, которую имеет все сущее. Вне формы все растворяется, исчезает. Вечное имеет совершенную форму.

Я занимался музыкой, но в душе жила уверенность в том, что я художник. Рисованием заполнялись все паузы в музыкальных занятиях, все свободное время... Нужно было возвращаться к самому себе. Я поступил в художественное училище в Алма-Ате, выдержав тяжелейший конкурс. Учился сначала на педагогическом, потом на оформительском отделении.

* * *

- Как-то в разговоре с друзьями-художниками мы размышляли о том, как люди приходят в изобразительное искусство, об этапах становления творческой личности художника. Таких этапов четыре.

Первый: надо прийти и стать рядом с тем, у кого хочешь учиться; второй: надо стать ему необходимым (этому человеку или занятию); третий: стать как все, кто занимается этим ремеслом; и, наконец, четвертый - стать выше других по своему профессиональному уровню, осуществить свою жизненную программу.

Вот такая модель. Конечно, как любая модель, она условна. Как все происходило у меня? Учителей было много, я вообще учился очень долго и продолжаю это делать. Но свою роль на первом этапе, конечно же, сыграли увлечение отца, его преклонение перед школой художников-передвижников, репродукции, которые он собирал. Сам я стал коллекционировать открытки по изобразительному искусству. Я их покупал, где только мог, раскладывал по временам, художникам, направлениям, открывал для себя новые и новые имена. У меня этих открыток накопилось тысяч пять. Я также собирал книги о мастерах живописи, их жизни и творчестве. Так я "становился рядом" - рядом с ремеслом, которому намеревался служить. Когда в Алма-Атинском художественном училище мы изучали историю изобразительного искусства, у меня с преподавателем сложились особые отношения - благодаря всем этим ранее полученным знаниям.

В училище занялся графикой. Это было прекрасное время. Я думаю, можно понять счастье увлеченного человека, каждый день по несколько часов рисующего натуру, пишущего маслом, размышляющего над композицией, наблюдающего, как рядом работают товарищи.

А еще - выставки, театры, книги, общение. Однажды я увидел слайды работ Павла Николаевича Филонова с выставки в Новосибирском Академгородке. Устроители выставки пострадали за ее организацию. Прекрасная и драматическая судьба Филонова принадлежит истории русского искусства, а в те времена он был запрещен, считался опасным, он позволял идущим за ним художникам раскрепощаться, расти, реализовываться.

Не творческого ничего не бывает. Жизнь - это творчество. Мыслить поэтически, воспринимать поэзию - естественное состояние художника. В мире поэзии есть творцы, которые очень сильно на меня повлияли. У нас в стране в 1967 году вышла небольшая книжка француза Жака Превра в переводе Михаила Кудинова. Часто случай в искусстве значит больше, чем закономерность. До сих пор меня потрясают стихи Превра "Как нарисовать птицу?", "Я пошел на базар, где птиц продают", в которых поразительным образом уместился целый мир. Я не удержался и стал рисовать. Так родился один из циклов моих работ...

Последние два года в училище под началом художника Виталия Абрамовича Векслера мы пытались почувствовать, что такое книга. Вообще оформление книги, ее дизайн, иллюстрирование - потрясающе интересный жанр, открывающий бесконечные возможности для художника. Мне очень нравилось работать с книгой, удалось даже оформить в конце учебные сборники двух алма-атинских авторов. У меня до сих пор особое отношение к книге как к предмету творчества. Но это разговор особый...

* * *

- Окончив училище, я вернулся в Павлодар. Можно сказать, я прошел первые два этапа становления, теперь надо было "быть как все", а еще содержать семью...

Много всякого происходило в последующие годы, но я хочу рассказать об отрезке моей жизни, связанном с художественным проектированием. В художественно-производственных мастерских я брался за пластику, резьбу по дереву, чеканку по металлу, монументальные работы. Большинство этих работ существуют и сейчас: это светильники в интерьере для одного из профтехучилищ, резьба по дереву ("Человек летящий") в агентстве Аэрофлота, деревянные резные панно в профилакториях нефтеперерабатывающего и химического заводов. А еще были мозаичные панно в ДСК, панно для детсада "Буратино", композиция в технике макраме.

Так я приобрел новый творческий опыт, и это хорошо: художник - как дерево: просто обязан расти в разные стороны.

Оформительским работам я обязан удивительному событию в моей жизни. Мои работы увидел на выставке Виктор Иванович Крылов - большой художник, прекрасный организатор, член правления Союза художников Казахстана - и решил направить меня на курсы художественного проектирования при Союзе художников СССР в Москве.

* * *

- Праздником для меня всегда были и остаются "сенежские семинары" (они проходили в доме отдыха художников на озере Сенеж). Я ездил на них в течение пяти лет - каждый год на два месяца, возвращаясь домой другим человеком. На эти семинары собирались любопытнейшие люди - философы, художники, проектировщики-оформители, архитекторы. Это был такой культурный котел, повариться в котором мне было совершенно необходимо.

Поразительно эффективной была методика этих семинаров: прежде всего нас освобождали от стереотипов, от наслоений всей прежней жизни, давали мощный заряд разнообразной информации. Руководил семинаром Марк Александрович Коник - человек удивительный, лидер формальный и неформальный. Нам читали лекции философы Георгий Петрович Щедровицкий, Вячеслав Глазычев, Олег Генисаретский, Карл Кантор.

Психология творчества, философия и социология дизайна, новости в современном искусстве, архитектуре, литературе... И просто всякая творческая игра - все это там было. Но мы не только общались. Каждый раз мы брались за осуществление конкретного художественного проекта: например, культурного центра для Москвы и Минска, исторического мемориального центра Магнитогорска к 50-летию Магнитки, разработали дизайн одного из заводов Баку (я проектировал дизайн проходной и зоны отдыха - они были опубликованы в журналах). Мы проектировали дизайн города на воде, салон одного из туполевских самолетов и многое другое. Хотел бы подчеркнуть, что это не прожекты, а оригинальные проекты, кое-какие из которых оказались реализованными. Но не у нас, а за границей - в Японии, во Франции. Я готовил себя для осуществления инициативного проекта в нашем городе - набережной Иртыша, оформления центра города, улицы Кутузова. По моему замыслу набережная должна была стать местом общения человека с природой - водой и ветром, светом и цветом, запахами растений. Каждая улица, выходящая к набережной, должна была иметь свою особую встречу с Иртышом. Тем более у нас - на "Гусином перелете". Но проект этот до сих пор существует только в воображении. Время его и многих других, к сожалению, еще не пришло. Очень жаль, конечно, но меня успокаивает то, что блестящие сенежские проекты остаются достоянием культуры - хотя бы на слайдах, в журналах; они влияют на реальное проектирование так, например, как литература на обычную жизнь.

Я немало поколесил по свету и, можно сказать, утолил жажду путешествий. При этом мне одинаково дороги как мои поездки в просвещенную Европу (разумеется, нашу, отечественную), так и на мудрый тысячелетний Восток... Хива, Бухара, Самарканд... Дважды я был в экспедиции археологов на раскопках древнейшего Отрара, в древнем Фарабе, откуда, говорят, пешком ушел в Багдад великий Мухаммад аль-Фараби.

Чайковский как-то заметил, что в нем есть некий механизм, который пишет музыку, и он подчиняет себе всю жизнь самого композитора. Нечто подобное происходит и с художниками. Хочется видеть, чувствовать, знать, понимать, оценивать. Я как будто в ответе за все, что вижу: вся эта сложная гамма чувств рождает образы, которые я пытаюсь перенести на чистый лист... Я много думал о Павлодаре. Как жители города влияют на его развитие и как он сам на них влияет? Нет одинаковых городов, у каждого свой характер. Павлодар, в сущности, зарождался и очень долгое время существовал как большая деревня, в которой люди жили дворами, хозяйством, выездами... Захолустье, затхлый мещанский быт, застой мысли... Что могла родить эта далеко не плодородная духовная нива? И вдруг - Павел Васильев, который сам превращает все это провинциальное затишье в предмет высокого искусства! Как, почему, откуда? Я этого не знаю. Поэзия вообще необъяснима - в ней всегда есть великая тайна.

Чем значительнее поэт - тем шире диапазон восприятия его творчества. Поэзия Павла Васильева - огромное явление. Я старался понять его как можно глубже, пытался выразить свое отношение к его образу. Я занимался изучением истории нашего края, казачества, традиций и быта кочевников. "История как таковая не существует -

есть лишь то, что мы о ней знаем..." Мне очень дорога эта мысль философа Щедровицкого. Мы всегда воссоздаем историю для себя и для других заново.

Я много размышлял обо всем этом, когда работал над "павловасильевским" циклом. Пока в нем 16 графических листов. Не все они меня полностью устраивают, что-то я хотел бы изменить, дополнить. Мне иногда говорят, что, хорошо бы, мол, проиллюстрировать этим циклом сборник поэта. Но это не иллюстрации к книге поэзии. Это скорее импровизация, навеянная стихами Васильева, моими собственными представлениями о природе и истории этого края, о людях, здесь некогда живших... Нужен альбом...

- Чем я живу сейчас? У меня такой период, когда я говорю себе: дай мне Бог сделать то, что я должен сделать. Есть такая обязанность, хотя я и не знаю, перед кем.

* * *

Из полуокна его мастерской видны ноги спешащих по своим делам прохожих. Это потому, что мастерская в подвале. "Я чувствую себя внутри Павлодара", - шутит по этому поводу Виктор Федорович.

Гремят неподалеку трамваи, потряхивая подвал и напоминая о бренности бытия. В этом подвале побывали за последние годы многие приезжавшие к нам зарубежные знаменитости: французские фотомастера, австрийские музыканты, немецкие и американские деловые люди, канадец арабского происхождения. Почти все увозят на память его картины. Эти картины странствуют по свету сами, прекрасно обходясь без автора, - они есть в Израиле, во Франции, в ФРГ, да и мало ли где еще? Впрочем, сам Виктор Федорович считает такую "культурную экспансию" делом скорее благим: пусть себе путешествуют и несут всюду его дух и дух его предков.

Я думаю о том, как было бы хорошо, если бы по миру со своими картинами поездил и сам автор, тем более что многие из зарубежных гостей, побывавших здесь, готовы ему в этом содействовать. Но нет денег, мешают всевозможные бюрократические процедуры...

Он продолжает делать свое дело. Его подвал-мастерская давно перестал быть лишь местом его работы, сюда постоянно идут люди.

- Мастерская художника, по моему мнению, должна быть его клубом, - говорит Виктор Федорович, - куда приходят поговорить, рассказать, посмотреть... Это постоянная выставка художника. В мастерской есть стена, где расписались пианисты Аркадий Севидов, Гульдана Жолымбетова... Сюда может прийти каждый, я готов встретить в мастерской всех...

"Звезда Прииртышья", июль 1995 года.

Что было потом...

Потом Виктор Поликарпов все же завершил - к 60-летию - одну из очень важных жизненных программ - "павловасильевскую серию" из 24 графических листов. Он работал над ней больше двадцати лет и, наконец, смог ее представить в полном объеме павлодарцам на персональной выставке, которая состоялась в конце 1998 года. На той выставке были и другие работы, но рисунки, навеянные поэзией Павла Николаевича, всегда будут занимать особое место в творчестве Поликарпова.

Судьбы поэта и художника, как оказалось, связаны и вовсе поразительным образом. Павел Васильев погиб в 1937 году, а в следующем родился Виктор Поликарпов. Теперь, по прошествии лет, мне кажется, что это не просто совпадение. Поэта и художника роднят вековые традиции евразийства - для них обоих естественно ощущать себя сыновьями древней великой степи и - одновременно - всего мира.

Вышел в свет альбом графических листов В. Поликарпова.

К его персональной выставке был приурочен юбилейный вечер, на котором Виктор Федорович демонстрировал и другие свои таланты: играл на скрипке (а смог бы и на альте!), пел шуточную песню про комара, читал стихи Павла Васильева, поделился жемчужинами из своей коллекции пословиц и поговорок на казахском языке... А мне вспоминалась его фраза о том, что настоящий художник - как дерево: должен расти в разные стороны.

Вот уже не один год, на исходе лета, мы отправляемся с ним на рыбалку. Удиль зяя - на хлебную корочку. Мы приезжаем утром в село под Павлодаром, спускаемся через сумрачный - еще с росой - приречный лес к протоке. Переправляемся на крохотной надувной лодке (а бывает - вплавь или вброд) на противоположную сторону и попадаем в другой мир. Мы идем по скошенному пойменному лугу с заново зеленеющей отавой, мимо аккуратных стожков сена, которые сметали на своих покосах местные жители, мимо крохотного озера в низине с неподвижной темной водой... Мы любимся нежно-голубыми с белым отливом цветками цветущего подорожника (вы хотя бы раз в жизни видели, как цветет подорожник?)... Мы заворачиваем к калине - как к его давней знакомой, а от нее уже рукой подать до заветного поликарповского "язевого" места, где с нашей стороны реки почти трехметровый яр и "крутяки" на воде (примета из примет!), на противоположной - пологая песчаная отмель. Дикие некошенные травы у берега скрывают нас с головой, мы продираемся сквозь них, ощущая себя первопроходцами. И вот она - излучина реки, как бок большой и сильной рыбы - с чешуей-рябью из солнечных бликов...

- Ну, здравствуй, дядя Иртыш, - говорит Поликарпов и снимает кепку.

Я стою в стороне и молчу. Я чувствую - не надо им мешать.

Поликарпов из той породы людей, о ком, наверное, почти никто не сможет сказать: я его хорошо знаю. Я тоже не могу этого сказать. Потому что он и правда растет во все стороны. И он все время - другой. Как-то зимой я неожиданно получил от него письмо. Думаю, Виктор Викторович не обидится на меня, если я процитирую его. Потому что оно, на мой взгляд, лучше любых других слов объясняет, где истоки творчества и что есть душа художника...

"...Я знаю, Вам, как и мне, интересны мельчайшие детали происходящего действия, законченное в бесконечном, сегодняшний цвет утра в четверг или в понедельник под звуки любующейся собой степи, неслышного хлопка раскинувшихся облаков, относимых ветром, пахнущим корнями полыни. Жара. Нам можно на минуту стать опять ленивыми, остановиться, расстегнуть ворот и, наклонившись, милостиво позволить муравьям бежать дальше, тащить свою песчинку, суетливо выполнять вечный заказ Прекрасной Заказчицы.

...Слава Богу, можно почувствовать себя великим, помыслить о своей бесконечной значительности, о том, что мы с Вами причастны к созданию этой травы, нежно-желтого аромата болотной ряски, чавканья щекочущей глины, потому что мы были всегда.

Укусим-ка себя, чтобы очнуться, вкрадчиво недоступным пауком! Ну, пусть себе жужжит. Красив, гад!

Поленимся еще, иначе пропустим запах зарывшегося в бурые листья валуя в прохладной тени, окруженного мелкими нарождающимися планетами радости. Выроем пальцами черную землю, там белая крыша груздя. Мы всегда любим этот нежный, почти яблочный аромат гриба.

Это вечно наше.

Не умываем рук, а просто опустим ладони в мелкую зыбешку, пусть поклюют беззащитные, но доверчивые мальки.

Потрудитесь еще полениться! Взгляните на недоступно-близкие ягоды шиповника, придумавшие вместе с Вами простой способ защиты: возьми, но уколись; поспешай не спеша; радуйся, пока кружит коршун, благословляй защитную усталость, люби всех богов, которых можешь помыслить...

Грешный, как горсть земли, наивный и скрывающийся, как червь под пальцами, я с радостью иду за Вами вдохнуть зимой морозный воздух сквозь зубы, поскрипеть, провалиться с восторгом, почти по поясу, добираясь до куста по сухому зернистому снегу, чтобы заглянуть в подснежную вселенную, где все мудро, как и везде в Космосе.

Прекрасная Природа, едва взглянув на нас, продолжает мечтательно фантазировать или, чуть прикрывшись, опять просияет лицом от выпроставшегося из-за туч солнца.

Прикроем глаза, поприветствуем благо...

Я любил раньше, нашедши скалу, сидеть, слившись с ней, ощущая воздушные потоки, возносящиеся рядом с ней к небу, и испытывая своей равнинной душой смену совершенно необычных состояний, счастье свободных ассоциаций, разглядывая мир, как лицо любимого человека..."

После этого письма мне стал роднее и ближе мир художника Виктора Поликарпова. Он и пишет так же талантливо, как и рисует, потому что у его таланта один источник - Душа.

"Новый казах" Нурсагат Баймулдинов

История его жизни

Родился Нурсагат в китайском городе Чугучаке. Этот город теперь знаком многим казахстанцам, особенно тем, кто ездит в Китай за товарами для торговли. А отец Нурсагата оказался там в трагические для казахов времена: насаждаемая повсеместно коллективизация, так называемая политика "оседания" коренного населения (то есть принуждения казахов к оседлому образу жизни) привели к тому, что люди стали вымирать не только семьями, но и целыми аулами. В поисках лучшей доли казахи откочевали туда, где могли жить, сообразуясь со своими традициями и обычаями. При этом большинство из них, конечно же, рассчитывало вернуться в родные места, ведь границы с Китаем как таковой в ту пору просто не существовало. Однако советская власть на их бывшей родине крепла, набирала силу, установила границы, и вскоре вышло так, что десятки, сотни тысяч людей жили уже "за кордоном".

Нурсагат, впрочем, говорит, что они, "китайские казахи", на самом деле оставались советскими гражданами, жили своеобразными колониями, отношения которых с местными властями помогало регулировать советское консульство. Кроме казахов, тут жило много уйгур, дунган и русских. Так, поселок, в котором обосновались родители Нурсагата, состоял примерно поровну из русских и казахов, был даже один немец. Жили очень дружно, уважали обычаи друг друга - например, Пасху отмечали все вместе, ходили друг к другу в гости, чем могли, помогали соседям.

Обучение в школах было и на русском, и на казахском языках - по советским учебникам, с той лишь разницей, что в казахских школах использовался арабский шрифт.

В целом о той жизни у Нурсагата сохранились хорошие, теплые воспоминания: семья их тогда отнюдь не бедствовала. Сам он недолго поучился в русском классе, потом перешел в казахский. Учился хорошо, говорит, что хорошо, с охотой училось большинство школьников.

Отец Нурсагата никогда не скрывал своего желания возвратиться на родину, на землю предков. И как только такая возможность представилась (в 1955 году по инициативе Н.С. Хрущева "железный занавес" был приоткрыт), семья

Баймулдиновых, оставив в Китае дом, скот, взяв лишь нехитрые свои пожитки, отправилась в дальний путь. Сначала ехали на автомашине, потом по железной дороге, вкруговую, через Барнаул, - до Павлодара.

Местом их жительства был определен совхоз "Бескарагайский" Лебяжинского района. Отец стал в хозяйстве разнорабочим, Нурсагат пошел в школу, в седьмой класс. Но вскоре случилась беда: отец сильно простудился, слег, а потом его не стало. Лишившись единственного кормильца, семья вынуждена была перебраться к родственникам, в совхоз "Ермаковский". Отныне главные заботы о матери, младших братьях и сестре легли на плечи Нурсагата. Школу ему пришлось оставить, пошел в совхоз рабочим. Делал все, что поручали: был сакманщиком на окоте, скирдовал сено, возил его на быках, стриг овец, строил овчарни...

Потом, как у многих, была армия, служба в элитных войсках противовоздушной обороны. Служил отменно, об армии всегда вспоминает добрым словом, получил здесь специальность электрика. Вернувшись домой, думал обосноваться в городе, устроился на алюминиевый завод. Но мать в Павлодаре жить не захотела, пришлось вернуться в "Ермаковский". Этому хозяйству, а также совхозу "Целинный" (теперь он больше известен как ассоциация крестьянских хозяйств "Курколь") отданы почти тридцать лет его жизни.

Нигде никакой работы Нурсагат не чурался - везде оставил добрый след. В "Жалтырском", что в соседнем Майском районе, стоит построенный его семейной бригадой овцекомплекс. В "Курколе" (был тут управляющим отделением, председателем рабочего комитета и сельского совета) до сих пор вспоминают, как он благоустроивал улицы, тянул водопровод (и теперь еще работает!) Здесь же одним из первых в области внедрял торжественные обряды регистрации брака, рождения - даже республиканский семинар на базе его сельсовета проводили.

В "Ермаковском" реконструировал животноводческие помещения, четыре года руководил одним из самых крупных в области овцеводческих отделений (15300 овец насчитывало стадо), показатели по получению приплода были по годам такими: 96, 105, 106 и 108 ягнят от каждой сотни овцематок (всего их насчитывалось свыше пяти тысяч). Любой опытный овцевод по достоинству оценит эти цифры. А еще Нурсагат построил для животноводов своего отделения первую на селе сауну - по собственному проекту, с современной отделкой, комнатой отдыха... И сюда, в отделение, к нему тоже ездили учиться - умению работать, налаживать быт людей.

Словом, во все времена был Нурсагат не последним человеком в районе. Но при всем при том человеком, скажем прямо, неудобным - с обостренным чувством справедливости, человеком прямым и достаточно резким. Может, потому и вынужден был время от времени менять работу и даже место жительства. Имея шестерых детей, жил более чем скромно. А неприятности "на службе" наживал везде, где работал, - такой уж у него характер... Были попытки "наказать" Нурсагата, в том числе и доносами, одним из которых занималась не только область, но и Алма-Ата... Разбирательство тянулось больше года и подтвердило безупречную репутацию Нурсагата.

Перечисляю все это лишь для того, чтобы подчеркнуть: имея к пятидесяти годам такой послужной список, Баймулдинов в жизни повидал всякое, всему знает цену. В том числе и себе самому, и своим возможностям тоже. Может быть, он просто устал от всех тех глупостей, которые творились в сельской экономике под видом государственной политики... Может быть, поверил в возможность перемен... Как бы там ни было, решился, разменяв шестой десяток, взяться за создание собственного дела.

История его дела

"Дело" у Нурсагата не такое уж маленькое. Хозяйство, единоличным владельцем которого он является, насчитывает полторы тысячи голов крупного рогатого скота, полтора десятка лошадей, отару овец в шестьсот с лишним голов.

Размещен весь скот в новом ауле, который несколько лет Нурсагат строит в степи, в полутора десятках километров от бывшего совхоза имени Канаша Камзина. Уже в первые годы здесь выросли два капитальных коровника, три добротных двухквартирных дома, капитальная овчарня, два капитальных загона для скота, зерносклад. Знающие люди, скажите, где еще в последнее время строили коровники, кошары, склады? Частные особняки - да, но чтобы животноводческие помещения, да еще своими силами, это случай, скорее всего, исключительный.

Еще в хозяйстве Нурсагата есть техника: три "Кировца", восемь "Казахстанцев" и девять "колесников", семь комбайнов, 14 разных автомобилей; и земельные угодья: четыре с половиной тысячи гектаров пашни, тысяча гектаров пойменного луга, пастбища... Есть еще рынок в Аксу - три крытых ангара, торговые ряды из бетонных плит на открытом воздухе; тут же магазин, платная автостоянка. Строятся другие объекты: отапливаемый рынок, гостиница.

Не уверен, что назвал все, но сказанного вполне достаточно как минимум для двух выводов: чтобы за несколько лет так развернуться, надо либо иметь могущественную поддержку сильных мира сего и не менее мощную финансовую подпитку, либо обладать, скажем так, нерядовыми способностями по части организации и ведения дел, которыми занимается "новый казах" Нурсагат Баймулдинов.

Сразу скажу, что никакой "лохматой руки" наверху, то есть влиятельных родственников и друзей во властных структурах, у Нурсагата не было и нет. Ничто из того, что он сегодня имеет, не упало к нему с неба - это плод собственного труда, предприимчивости, риска, реализованного опыта всей его предыдущей жизни... В том числе и не заемного, собственного опыта строителя, животновода, технолога, руководителя-управленца.

Его хозяйство начиналось в 1991 году с кредита в 300 тысяч, тогда еще советских, рублей, кредит был выдан на общих основаниях под нажитое за 30 лет имущество - личные "Жигули" и премиальный бортовой УАЗ (премия управляющему отделением за лучший по области результат на окоте овец). Побоявшись, что вернуть все деньги не сможет, Нурсагат взял только 140 тысяч, купил на них 140 телок и полузаброшенное животноводческое помещение. Земля ему полагалась бесплатно. Купленных телок нанятые им люди до ноября пасли, а сам он с помощниками

латал дыры в дышащем на ладан коровнике. Корм зимой брали - где придется, солому возили из Качирского района... Все же перезимовали, а с марта телок снова выгнали на пастбища.

Часть их потом Нурсагат выгодно продал, рассчитался за кредит (160 тысяч, напомним, так и не стал брать - невыгодно), но на то, чтобы развивать производство, денег все равно не хватало. И тогда он решил их заработать на оптовой торговле с Китаем.

Эта история заслуживает отдельного описания, тут же заметим лишь, что в ней были как светлые, так и темные эпизоды. Часть сделок удалась, в результате смог заработать неплохие деньги. А потом случилась грязная история с арестом партии металла (купленной и оформленной Нурсагатом по всем правилам) и мытарствами по его возврату. Арестовывать "товар" приехала группа автоматчиков, никаких объяснений милиционеры не слушали, металл увезли. У другого бы, наверное, руки опустились, а Нурсагат добился справедливости (обращался всюду - вплоть до генерального прокурора и Президента) - его имущество вернули, за исключением, правда, десяти тонн.

Осенью 1994 года его вызвало районное начальство и предложило выкупить одно лежащее на боку крестьянское хозяйство. Нурсагат, может быть, и отказался бы, поскольку это не входило в его планы, но когда узнал, в каком бедственном положении оказались люди, доверившиеся прежнему руководителю, когда увидел чесоточный скот, доведенный до крайней степени истощения, просто не смог сказать "нет"... Новый "довесок" к хозяйству обошелся ему в один миллион 200 тысяч тенге. Снова пришлось засучивать рукава. Скот начали лечить, усиленно кормить, и уже через неделю коров было не узнать - спасли все стадо...

Зять Нурсагата Женис Баймагамбетов, мастер на все руки, взялся за восстановление доведенной до ручки разукомплектованной техники. В результате весной посеяли, а осенью собрали приличный урожай, лучший в округе, - по семь центнеров с гектара. Отлично провели сенокос, притом ни одной копны не оставили на лугах зимовать. 500 тонн вывезли в аул, а 900 тонн развезли по дворам сельчанам. Тут отличился водитель "К-700" Александр Батурин с сыном.

Можно долго отдельно рассказывать о том, как строились - почти все делали сами, без заезжих строителей. Опять выручил опыт Нурсагата - строительные конструкции будущих коровников и кошар собирали на земле, а потом устанавливали с помощью подъемного крана - блок к блоку.

Вместе с Нурсагатом я был в его ауле, говорил с животноводами, что здесь работают, - управляющим Жабам Ергалиевым (специально перебрался сюда к Нурсагату из Семипалатинской области), табунщиком Манатом Аушаиховым (знаком с Нурсагатом давно, еще по "Курколю"), чабаном Ерболом Ахановым... Мы вместе смотрели скот, объекты. Все в образцовом порядке, скот в отличном состоянии, об исходе зимовки можно не беспокоиться, говорили мне животноводы. И люди довольны: есть жилье, баня, завозят нужные продукты. За последний год тут созданы две новые семьи. Уезжать никто не собирается, у людей свой скот - лошади, коровы, овцы; люди спокойны за свое будущее.

Всего в хозяйстве у Нурсагата работают 22 животновода, восемь механизаторов, 12 человек обслуживают его рыночный комплекс. Личного водителя у него нет, за рулем всегда сам. Довольно долго и бухгалтера не было - потом пришлось взять: объемы производства, торговли растут, надо отчитываться перед налоговой и другими службами. Уже упоминавшийся Женис Баймагамбетов у Нурсагата и за главного инженера, и за главного агронома, и за зав. МТМ. В животноводстве старший - Жабай Ергалиев. И хотя скот в порядке, регулярно обследуется ветспециалистами, Нурсагат намерен пригласить ветеринара на постоянную работу.

Вот и вся его "контора", ее самой, кстати, то есть здания как такового, у них до сих пор нет, как, впрочем, и телефона. Сам Нурсагат живет с семьей в своем доме - там, где работал управляющим, - на первом отделении АО "Аксу". Правда, строит новый дом в Павлодаре, под крышей которого думает собрать большую часть своей многочисленной семьи: детей с невестками и зятьями, внуками. Дом будет большой - места всем хватит.

О чем болит его душа

Нурсагат пришел ко мне сам. Сразу предупредил: реклама ему не нужна. Пришел, "потому что наболело".

О чем же тревожится удачливый фермер, руководитель одного из самых крупных крестьянских хозяйств, далеко не бедный человек Нурсагат Баймулдинов? Да все о том же, чем всю жизнь занимался и продолжает заниматься, - о селе, его нынешнем бедственном состоянии, его будущем.

Сам он решительный сторонник реформирования сельскохозяйственного производства, разгосударствления и приватизации бывших совхозов. Вот его аргументы.

- Любому здравомыслящему человеку яснее ясного, что прежняя совхозно-колхозная система была порочной, затратной, отчуждала человека от его дела. Многие беды сегодняшнего села - не только от проблем, связанных с диспаритетом цен, нехваткой государственных средств на поддержку аграрного сектора, но и от того, что первые шаги по реформированию совхозов-колхозов были робкими, непоследовательными, декоративными. Давайте скажем себе правду: в большинстве случаев с преобразованием совхозов в так называемые коллективные сельскохозяйственные предприятия произошла лишь смена вывески. Большинство этих КСП влчат жалкое существование, снижают производство, все больше увязают в трясине долгов, из которых им уже не выбраться...

Я понимаю простых людей: им, привыкшим жить и работать сообща, трудно привыкнуть к мысли, что надо теперь думать самому, рассчитывать лишь на себя, самому о себе заботиться. Но ведь руководители-то КСП, которые сегодня не боятся ни бога, ни черта, ни прокурора (а райкома партии уже нет, партбилет не отнимут), прекрасно

ведают, что творят - знают, что проматывают последнее, что у людей есть, - совместно нажитое имущество: технику, скот и все остальное.

Вы посмотрите, что творится в бывших совхозах, ставших КСП, да и акционерными обществами тоже - скота почти не осталось, техника разворована, распродана или на последнем издыхании, долги за электроэнергию - миллионные...

Надо же людям, которые остались в этих коллективных хозяйствах и акционерных обществах, объяснить, в каком они положении находятся, - сказать им правду... Надо отдать людям то, что они зарабатывали десятилетия - в виде их имущественных паев. Другое дело, что во многих хозяйствах уже и делить нечего.

Я против того, чтобы тянуть за уши тех, кого вытаскивать бессмысленно: никакие кредиты, никакие дотации им не помогут. Уж если есть у государства деньги - лучше их отдать тем же пенсионерам, учителям, врачам...

- Вы ратуете за фермерство, свободное крестьянство. Но ведь нельзя враз изменить психологию людей, да и не все способны, как вы, организовать свое дело, - говорю ему я.

- Вы еще скажите: народ у нас темный - раздай ему имущество да землю - враз все промотает. Но ведь у нас масса толковых, умных, предприимчивых людей. Возьмите тот же "Курколь". Ведь совхоз там был самый что ни на есть лежачий - кого только туда ни посылали, чтобы вытащить его из отстающих... И реформировали-то его от безысходности - не знали уже, что делать. Что же вышло: промотали люди то, что получили? Да нет - наоборот: и скот цел, и полевые работы проводятся, и школа работает, и магазины, и долгов, как ни странно, нет. А главное - люди задышали по-другому - свободнее, увереннее. Они не боятся за завтрашний день.

- Но ведь таких примеров не так уж много...

- В том числе потому, что очень робко, несмело идем на развитие фермерства, увеличение крестьянских хозяйств. Аким нашего района Куат Есимханов раньше других в области взялся пробивать дороги в этом направлении, а сколько ему пришлось пережить! Не хотели менять привычный спокойный уклад жизни директора, в чем только его не обвиняли! Это ведь уже потом сам Президент, побывав в Курколе, поддержал нас.

- Мешает делу и косность мышления, стойкое недоверие людей к тем, кто становится богаче, - продолжает Нурсагат. - Но не только это. Люди ведь видели, как подчас создавались "крестьянские" хозяйства, как делилось имущество и земли, кому доставалось все лучшее... И как потом все это бездарно использовалось, а зачастую и разворовывалось. Это тоже порождало у потенциальных хозяев сомнения, неуверенность в успехе будущего предприятия.

- Нурсагат, но вам-то самому на этот счет вроде грех жаловаться?

- А я и не жалею. Хотя никакой особой помощи я ни у кого не просил, ниоткуда не ждал. За первый кредит рассчитался, а больше не брал, потому что проценты - грабительские. Деньги зарабатывал сам, на торговле... Я вообще давно бы миллионером стал, если бы занимался только торговлей - у меня теперь хорошие деловые связи и в Китае, и здесь. Но у меня душа к этому не лежит, я хочу развивать производство, помочь людям получить работу... Если у меня и есть претензии к властям, то они касаются непродуманной кредитной политики. Разве бы я стал мотаться раз за разом в Китай с тем же металлом, чтобы взять там товар и продавать его здесь, если бы тут мог получить кредит под нормальный процент?

- Но ведь сегодня на всех уровнях - от правительственного до районного - говорят о поддержке частного сектора на селе...

- Я вам лучше пример приведу. Собрали как-то нас, руководителей крестьянских хозяйств, и говорят: готовьте заявки на льготные кредиты, обоснуйте размеры, представьте гарантии возврата... Ну, я обрадовался - заказал 20 миллионов тенге...

- Столько-то зачем?

- Затем, что невыгодно сегодня продавать пшеницу, мясо, молоко... Я вот сдал на элеватор 100 тонн пшеницы, а получил муки - 35 тонн, правда, высшего сорта. Говорят, все остальное ушло в отходы и за помол... Ну, разве не грабеж? С мясокомбинатом дела не имею - себе дорожке станет. Молоко тоже сам продаю. А если бы мельница своя была, макаронный и кондитерский цех, колбасный, маслодельный цех? Строиться, опять же, надо - мастерскую для техники, помещения для скота... Что же, получил кредит, спросите? Нет, ни тины... Еще раз говорю: я не жалею. Не приучен - как-нибудь сам выкручусь, торговать опять буду. Мне за идею обидно. Хорошее ведь дело - фермерство, крестьянство. А его порочат, не только не помогая тем, кто хочет начать свое дело, но зачастую и мешая им. Я даже больше скажу: так подрывается сама идея реформирования села. Разве не дискредитируют ее многие нынешние руководители хозяйств своим бездарным руководством, корыстью, нечестностью? То же самое зачастую происходит с фермерством, когда людям вставляют палки в колеса, а потом говорят: видите, дело у них не идет, фермер страну не накормит... А я считал и считаю: у нас талантливых, работающих людей - тьма. Вы им помогите на первых порах, а потом - не мешайте и увидите, что они горы свернут!

* * *

Так думает "новый казах" Нурсагат Баймулдинов. А он такой человек - что думает, то и говорит. И он верит в лучшее будущее Казахстана.

Я все допытывался: ощущает ли он себя богатым человеком. И у меня было такое чувство, что он не понимал сути вопроса. После разных уточняющих вопросов я усвоил, что к деньгам у него отношение философское: сегодня могут

быть, а завтра нет, они нужны ему главным образом для реализации каких-то хозяйственных проектов. Он знает цену деньгам, но он не жаден, скорее, щедр. Помогает продуктами и деньгами, дает бесплатно сено пенсионерам, поддерживает местную школу.

А еще он совсем не пьет спиртного. И очень много работает.

"Звезда Прииртышья", 1995 год.

Что было потом...

Нурсагат достроил дом в Павлодаре и позвал меня в гости. Отличный получился дом - просторный, теплый, в два этажа, с надворными постройками, баней и даже... небольшим бассейном. Что ж, наверное, это правильно - человек, собирающийся на этой земле долго жить и работать, и должен строить дом, в котором всей семье хватит места.

Но говорили мы опять о работе. Я интересовался тем, как идут дела в его хозяйстве. Вот его рассказ.

- Прошлый, 1997 год был у меня "полосатым" - и хорошим, и плохим. К плюсам я бы отнес то, что сохранили поголовье скота. Это при том, что значительная часть его была реализована. А сохранили за счет приплода - маточное поголовье у нас дает его исправно, что говорит о достаточно высоком потенциале животных. Например, есть овцы, которые котятся три раза в два года; есть "экземпляры" в отарах, которые дают до 50 и более килограммов чистого мяса.

Наше животноводство - самая устойчивая, всегда рентабельная отрасль. Причины - на поверхности: хороший уход и минимальные затраты. Лошади пасутся круглый год, овцы - большую часть года, крупный рогатый скот - тоже. Реализуем продукцию сами, стараемся не продешевить. Вот и все секреты. Поэтому когда я слышу сегодня разговоры о том, что животноводство, мол, невыгодно, убыточно, то, конечно, не верю в это. Чем же еще заниматься в Казахстане степняку, если не скотом? Другой вопрос - как это делается...

По традиции хорошо поработали наши механизаторы на сенокосе. Степь, правда, не порадовала, а на пойме накосили и сразу вывезли две тысячи тонн сена. Уже в пору заготовки развозили его по дворам - работникам нашего хозяйства, пенсионерам, всем жителям бывшего совхоза Камзина - кто заказывал. Рассчитывается - кто чем может: скотом, молоком, шерстью... Денег-то почти ни у кого нет. В долг тоже даем, а если видим, что нечем человеку платить - везем и бесплатно.

Не одну сотню тонн кормов сэкономили осенью. Погода стояла теплая, скот пасли долго, только иногда подкармливали сеном. Так что имеем солидный его запас на зиму и почти тысячу тонн - на продажу. Но о продаже чуть позже.

Подвело нас в прошлом году зерновое поле. Сеяли мы в последние годы по две тысячи гектаров, получали два года подряд один из лучших результатов в районе - по семь-восемь центнеров с гектара, имели от этого прибыль. В прошлом году также решили засеять две тысячи: 1200 гектаров пшеницей, 400 - ячменем, 400 - просом. Все культуры наши, проверенные. Правда, пришлось взять кредит в Народном банке - восемь миллионов тенге - да своих пару миллионов добавили. Надо было купить семена, горюче-смазочные материалы на посевную, сенокос, уборку, еще пришлось в пожарном порядке приобрести один К-700 - так сложились обстоятельства.

Конечно же, рисковали, когда брали кредит. Условия его были тяжелы: срок десять месяцев под 35 процентов годовых (потом ставку снизили до 26 процентов). Но мы эти условия вынуждены были принять - другой возможности найти денег все равно не было. Рассчитывали все же, что не менее шести-семи центнеров на круг соберем, а это больше тысячи тонн, и если даже пшеницу мукой продадим, оправдаем затраты и с кредитом рассчитаемся.

Но жизнь, увы, распорядилась иначе. Пшеница почти полностью сгорела, просо тоже не уродилось. Была надежда на ячмень, но он попал под град... Так что собрали чуть больше, чем сеяли.

Неурожай стал для всего хозяйства чувствительным ударом, ведь затраты мы понесли в полеводстве на общую сумму около десяти миллионов тенге. Теперь надо возвращать. И банк, и я не хотим выставлять на торги имущество, мы оба предпочли бы расчет "живыми" деньгами, которых у хозяйства просто нет. Буду продавать скот, сохраняя маточное поголовье. Есть возможность реализовать не менее тысячи тонн сена, но нет платежеспособного покупателя. Договорились с одним из хозяйств, которому сено надо позарез, что оно отдаст взамен технику. Продать здесь я ее не могу, мой представитель провел переговоры на Алтае, где согласны рассчитаться за нее (технику) продукцией - рыбой, подсолнечным и сливочным маслом, мукой. Продадим - получим деньги для банка. Вот такая многоходовая - почти как в шахматах - комбинация. Но лишь в том случае, если удастся нормально преодолеть все таможенные процедуры по обе стороны границы. А может получиться так, что опять этот многоступенчатый бартер обернется для хозяйства убытком.

Я это к тому все подробно рассказываю, чтобы стало понятно: краткосрочный кредит, да еще под такой процент, не только не выгоден крестьянину, но подчас губителен для него. Это хорошо, что я, в крайнем случае, могу имуществом рассчитаться, а многие ведь в такой ситуации просто разоряются.

Сельское хозяйство - отрасль, которая должна кредитоваться под невысокий процент (не более 12-15 процентов годовых), минимум на три года, а лучше на 5-10 лет. Это обусловлено спецификой самой отрасли: чтобы вырастить кондиционного бычка на мясо, надо два - два с половиной года. Это же затраты, а отдача только в самом конце, после продажи.

То же и с полеводством. У нас ведь зона риска в земледелии - год на год не приходится. А скажем, в среднем за 5-6 лет прибыль должна быть - на такой срок и надо кредитовать, чтобы крестьянин мог спокойно, поэтапно рассчитаться не только за семена, горюче-смазочные материалы, но и за технику, у которой срок окупаемости гораздо больший. Трактора, комбайны, автомобили вообще должны продаваться в рассрочку лет на семь - десять.

Моему хозяйству, например, нужно на пять - десять лет сорок миллионов тенге, или пятьсот тысяч долларов кредита максимум под 12-15 процентов годовых. Такой кредит я и просил в Народном банке, но получил, как уже говорил, краткосрочный - только восемь миллионов, на десять месяцев под вдвое больший процент. Поскольку этого мне было явно недостаточно, я вступил в контакт с частной инвестиционной компанией (MUTLEY LLC), которую рекомендовала крестьянам областная администрация. Была проведена огромная предварительная работа, составлен подробнейший бизнес-план с детальным описанием имущества моего крестьянского хозяйства, его возможностей, проектов создания перерабатывающих производств, схемы реализации продукта и возврата кредита. Всего было составлено 19 видов документов. За эту аналитическую работу пришлось выложить не одну сотню тысяч тенге.

Я был уверен: игра стоит свеч. Мне обещали желанные 500 тысяч долларов - для налаживания переработки продукции. А именно: запуска мини-мельницы, хлебопекарни, колбасного и макаронных цехов и цеха по переработке молока. Цель очевидна: переработка продукции позволит увеличить рентабельность хозяйства, возрастет прибыль, это даст возможность в течение пяти лет погасить кредит...

И вот получаю очередное сообщение от фирмы: в ближайшее время вам будет открыт кредит в банке, а еще через несколько дней деньги поступят на ваш счет. Сказать, что я был рад - это ничего не сказать. Я был счастлив, сбылась моя заветная мечта... А еще через некоторое время приходит письменное уведомление о том, что компания обанкротилась... То ли она попала в какую-то скандальную историю, то ли и не собиралась нас финансировать, но факт остается фактом - кредита мы так и не получили.

С тех пор желающих кредитовать мое хозяйство на нормальных взаимовыгодных условиях не находится. Насколько мне известно, в таком же положении другие крестьянские хозяйства.

Как нам быть дальше?

Президент в своем Послании к народу объявил сельское хозяйство одним из важнейших государственных приоритетов. И это правильно: если не принять кардинальных мер, проблемы села из отраслевых могут стать политическими. Президент сказал, что на удешевление кредитов для села предлагается направить два миллиарда тенге. Но ведь целевые кредиты для крестьянских и фермерских хозяйств направлялись по областям и раньше - и наши отечественные, и зарубежные. Поверьте, я знаю руководителей всех более-менее крепких крестьянских хозяйств в области, и мне известно, что никто из них этих кредитов в глаза и не видел. Но кто-то же их, наверное, получил? Боюсь, как бы нечто подобное не получилось и на этот раз.

Хотел поговорить на эту тему с новым акимом области, поделиться своими тревогами о незавидной нынешней доле крестьянских хозяйств, об их перспективах. Но дальше отдела жалоб и заявлений меня не пустили. Между тем я-то шел не жаловаться. Я бы давно уже мог продать часть имущества своего хозяйства, выгодно разместить полученные деньги и жить припеваючи. Но я не могу и не хочу так жить. Ведь за мной люди, которые в меня поверили, пенсионеры и другие односельчане, которые рассчитывают на мою помощь. Что с ними будет? Что будет со многими другими моими земляками, оставшимися без работы и средств к существованию?

Я мог бы дать им работу, стабильный заработок, уверенность в завтрашнем дне. Я чувствую в себе силы продолжать начатое дело, развивать его. Я уверен, что это нужно людям и нашему государству.

Я бы сказал акиму: кредит прошу не Христа ради, а под залог имущества, стоимость которого вдвое-втрое превышает запрашиваемую сумму. Я бы сказал, что я не один такой, что нас в области не так уж и мало - тех, кто хочет и может работать на этой земле, зарабатывая на жизнь себе и помогая это делать другим.

Еще бы я сказал, как тяжело бывает нам оставаться один на один со своими бедами, когда у нас крадут скот и технику, варварски рвут линии передач, а нам неоткуда ждать помощи...

Я бы сказал: мы - надежда и опора Казахстана, будущее - за нами и такими, как мы!

* * *

Вскоре после этого нашего разговора с Нурсагатом мне довелось побывать в Синцзян-Уйгурском автономном районе Китая, в том числе и на его родине в Чугучаке. Мы проехали по этому району, где сегодня проживают сотни тысяч наших соотечественников-казахов, без малого тысячу километров. Впечатлений было много, одно из самых сильных - ощущаемые буквально во всем приметы обновления. Стремительно развивается центр СУАР город Урумчи, как грибы после дождя растут здесь новые суперсовременные здания, создаются новые высокотехнологичные производства... Чугучак по сравнению с Урумчи - провинция, но и этот город меняется на глазах. Именно отсюда идут потоки дешевых китайских товаров к нам в Казахстан. А мы отправляем соседям, подчас за бесценок, самое дорогое - металл, в том числе цветной, другое ценнейшее сырье. Нурсагат, одним из первых в области проторивший тропку в Чугучак, хотел бы изменить это соотношение. Он считает, что нам давно пора учиться у китайцев не только торговать, но и производить. Он показывает пример другим - как это надо делать. Такие, как он, нужны Казахстану - они действительно его опора и надежда. Поможем им - поможем стране.

очарование жизнью

В наше бурное время, отмеченное столь многими потрясениями, нескончаемыми политическими баталиями и всеобщей раздражительностью, стал как-то утрачиваться интерес к личности, к человеку вообще. Такое ощущение: мы словно забыли о том, что любая человеческая жизнь по-своему неповторима и почти всегда - самоценна. Я лишний раз убедился в этом после встречи с Михаилом Петровичем Пудичем.

Большая часть его жизни связана с Павлодаром: в здешних краях родился, прожил в общей сложности около сорока лет. Его многие знают: Михаил Петрович все время работал на одном месте - преподавал в молочном техникуме, впоследствии реорганизованном в политехникум. Оттуда же больше десяти лет назад ушел на пенсию.

Однажды знакомый чуть ли не силой затащил меня в скромную двухкомнатную квартиру Пудичей. И уже та недолгая, немножко сумбурная встреча отложилась в памяти: удивил ритм жизни "простого советского пенсионера", его увлечения, своеобразная жизненная философия. Весь он как будто излучал энергию жизнелюбия... Захотелось снова встретиться. Проговорили часа три - не хватило. Попросил еще об одной встрече...

Так родились эти заметки.

"Гарем" пенсионера Пудича

Увлечений у Пудича - великое множество. Одно из любимейших - живопись. Когда-то, еще в школе, записался в кружок, всерьез увлекся, перечитал гору специальной литературы... Может быть, увлеченность и переросла бы во что-то большее, но началась война, и у большинства вчерашних мальчишек появилась профессия - одна на всех - Родину защищать... Но ни война, ни другие жизненные невзгоды не смогли погасить его страсть к краскам и кисти. И сегодня "главная" комната у Пудичей почти сплошь в картинах Михаила Петровича. Условно говоря, их содержание разделяется на три "ветви": это репродукции известных художников, пейзажные зарисовки на местные темы и, если можно так выразиться, фантазии самого автора. Знающие люди уверяют, что картины М.П. Пудича вполне совершенны и могут составлять конкуренцию работам профессиональных художников.

Меня, впрочем, заинтриговала другая деталь его творчества: некоторое, скажем так, пристрастие Михаила Петровича к изображению обнаженной женской натуры. Роскошные женские тела присутствуют на доброй половине полотен: гарем да и только...

- Тут все очень просто, - объясняет автор. - Чтобы изобразить человека точно, художник должен представить его обнаженным, а если это к тому же женщина... Не случайно все начинающие художники обязательно пишут обнаженную натуру...

Михаил Петрович прервался, вздохнул:

- Но это так, теория... А вообще... ведь красиво, глаз радуется - разве не так?

Я согласился - радуется, и спросил, как относится к его творческому кредо жена, Любовь Григорьевна.

- Сначала ворчала... Когда я писал жанровую сценку "На закрытом женском пляже", упрекала: что, мол, ничего лучшего придумать не мог? Я ее успокаивал: вот еще эту купальщицу нарисую - и все, больше не буду... Теперь привыкла, соглашается - красиво. Она мой главный критик и первый помощник - когда рисую, смотрит, делает замечания, я прислушиваюсь...

Когда Михаил Петрович пишет, он, по его собственным словам, забывает обо всем - о неприятностях, житейских заботах, о еде... Ему доставляет радость сам процесс создания картины. А работа подчас занимает не один месяц. Сначала рождается замысел, потом набрасываются карандашом этюды, а завершающая стадия, "доводка", как правило, приходится на зиму - в другое время года у него другие заботы.

...Сам Михаил Петрович относится к своим картинам без претензий: никогда не выставлял, не продавал их, иногда дарит родным и друзьям... Он довольствуется тем, что это увлечение разнообразит его жизнь, помогает ощутить все ее краски, рад, что рисуют теперь и дочь с сыном. А по-настоящему способна оценить это его творчество внучка Рита, всегда отвечающая на вопрос о том, кто ее дед, так: "Мой дед - великий и знаменитый художник!"

"Я не боялся, что меня убьют..."

Однажды мне довелось побывать на вечере фронтовиков, которые вспоминали, как они узнали о начале войны. Один из них, старый павлодарец, рассказывал: в то воскресенье многие горожане отдыхали на пляже. Прямо здесь, у репродуктора, слушали и то правительственное сообщение. И сразу же целыми группами стали направляться в военкомат - он находился неподалеку. Некоторые так и шли - в трусах, а одевались только у ворот военкомата...

"Понимаете, мы очень спешили тогда, - пояснил другой фронтовик, - мы боялись опоздать на войну, боялись, что она без нас кончится..."

Похожее чувство испытывал и Михаил Петрович. Но ему в ту пору было только шестнадцать. Сказали: доучивайся. Призвали в январе 1943-го, едва исполнилось восемнадцать. Попал в школу младших авиационных специалистов (так называемая 66-я ШМАС), которая дислоцировалась на станции Толмачево, под Новосибирском. Из вчерашних десятиклассников здесь готовили воздушных стрелков-радистов.

Время было суровое, и порядки ему под стать: жесточайший режим, железная дисциплина, изматывающая муштра. Одной строевой подготовки - ежедневно шесть часов. А кормили плохо... Впрочем, Михаил все эти тяготы переносил лучше других: был хорошо развит физически - крутил "солнце" на турнике, баловался гириями-двухпудовками, бегал кроссы. У некоторых парней дело до слез доходило, а он терпел - еще и природный юмор выручал... Более того, и

теперь считает, что полученная тогда закалка выручала потом в жизни - физическая нагрузка стала постоянной потребностью, помогала держать форму.

...Через восемь месяцев был экзамен: все сдал на отлично, в том числе владение "морзянкой". Принимал до 90 знаков в минуту при норме 60... А в армии был способен принять до 150 знаков - знающие люди в состоянии оценить этот уровень профессионализма.

Потом была первая летная часть, потом учебно-тренировочный авиаполк - УТАП и, наконец, включение их, нескольких наиболее подготовленных курсантов, в экипажи двухмоторных бомбардировщиков ПЕ-2. И только после того, как экипаж в составе командира - пилота Пастухова, штурмана Педоренко и воздушного стрелка-радиста Пудича, как выражались в УТАПе, "слетался", он в мае 1944 года был отправлен в боевой полк, размещавшийся на крупном Боровском аэродроме под Смоленском.

Скоро довелось узнать и что такое вражеские истребители, и что такое зенитный огонь. Немцы, как неожиданно открыл для себя Михаил, и технику имели не хуже нашей, и воевать умели. И тот последний год войны, что выпал на его долю, был в воздухе на редкость жестоким и кровавым: и в Белоруссии, и в Польше, и в Восточной Пруссии... Завершающий период войны стал, пожалуй, самым трудным: экипажи вылетали бомбить цели с тяжелым сердцем - знали, что кто-то опять не вернется. Запертая в Курляндии последняя группировка немцев упорно не хотела сдаваться, на относительно узком участке фронта было сконцентрировано много вражеской техники, в том числе зенитной артиллерии. Зенитный огонь был настолько плотным, что за вылет полк терял над целями до 5-6 самолетов, а иные неизвестно как возвращавшиеся машины, напоминали решето...

Михаил Петрович в составе своего экипажа совершил 65 боевых вылетов, примерно 50 из них сопровождалось воздушными боями, и практически все были под зенитным огнем... Существует расхожее представление о военных летчиках, как о некоей привилегированной касте фронтовиков. Честно признаться, так думал и я - до встречи с М. П. Пудичем... После боевого вылета, а легких среди них практически не бывало, экипажи возвращались, по его словам, совершенно измочаленными: не хотелось ни пить, ни есть, ни говорить... Лежали пластом - приходили в себя... Бывало, в трудном полете и жалкая мыслишка закрадывалась: уж лучше бы в пехоту попал. Там хоть и погибать - так и на земле...

"Я не боялся, что меня убьют, - скажет мне Михаил Петрович спустя 45 лет, - другого боялся - тяжелого ранения, не хотел становиться калекой..."

А погибнуть почти наверняка Михаил Петрович мог за тот единственный год войны, что выпал на его долю, раз восемь - десять. Мне он рассказал только четыре случая. Их экипаж готовился к первому боевому вылету. Штурман вдруг вспомнил, что забыл свой карандаш, которым очень дорожил, и послал за ним стрелка, уже занявшего место в самолете... Пока Михаил бежал, их машину буквально "развалил" другой самолет, врезавшись в него на большой скорости. Нелепая случайность, но удар пришелся как раз на то место, которое занимал обычно стрелок Пудич, убежавший за штурманским карандашом...

В другой раз командир в последнее мгновение выдернул своего стрелка из экипажа чужого самолета, который из-за неопытности пилота разбился, едва успев взлететь...

Как-то, идя через лес, Михаил чуть ли не нос к носу столкнулся с двумя немцами, и один из них метров с десяти выпустил в него автоматную очередь. Промахнулся...

Уже после войны, в Литве, М. П. Пудич попал в руки "лесных братьев". Отвели в лес, поставили у сосны: "Беги!" А ноги не слушаются... "Беги!" - и автоматная очередь поверх головы - только кора сверху посыпалась... Пришлось бежать, а они больше почему-то не стреляли... Говорят, питали слабость к летчикам....

А еще падал со своим ПЕ-2, получив тяжелые ушибы, а потом и инвалидность... Но в госпиталь не пошел - отлеживался так, боясь потерять свой экипаж и свой полк...

Михаил прослужил в общей сложности восемь лет, стал флагманским стрелком-радистом, летал в экипаже комполка. Потом комиссовали - дала о себе знать тяжелая травма, полученная при падении самолета.

Можно многое было бы еще рассказать о его фронтовой жизни. Но Михаил Петрович это уже сделал сам - в документальной повести "Воздушные рабочие войны". О том, как создавалась эта книга, и о других его литературных и прочих занятиях разговор особый.

Без поблажек!

За свою первую книгу Михаил Петрович взялся довольно поздно - за несколько лет до пенсии. Еще с фронтовых лет сохранились кое-какие записи: о наиболее памятных боевых вылетах, о том, кто кого потрепал в них - "мы" или "они" (и такое нередко бывало)... Память цепко хранила события, имена, даты... Захотелось рассказать о том трудном времени, ставшем историей, о боевых товарищах - живых и павших... Стал собирать материалы, рассылал письма, ездил на встречи... На все это ушло года три. Потом засел писать - урывками, по вечерам в будни, по субботам и воскресеньям. Года два писал. Рукопись получилась увесистая, теперь надо было печатать... Купил машинку, установил себе норму - 15 страниц в день. Сначала норму одолевал с трудом, много ли двумя пальцами натюкаешь? Потом наловчился - за 15 минут страницу выдавал...

Готовая рукопись заняла 450 машинописных страниц. Михаил Петрович посчитал свою задачу исчерпанной, и рукопись несколько лет пролежала у него без движения. Потом решил послать в книжное издательство в Барнаул (он призывался из Славгорода, где оканчивал десятилетку). Получил благожелательный ответ, но с отказом: к сожалению, работа не соответствует профилю издательства, к тому же не хватает бумаги...

В конце концов рукопись оказалась в Москве, в издательстве Министерства обороны. Там сразу согласились издать ее "фронттовую" часть, и она вышла под уже упоминавшимся заголовком вместе с двумя повестями других авторов в книге "Высоты огневой юности". Павлодару досталось из 30-тысячного тиража 36 экземпляров. У автора теперь остался единственный экземпляр.

Любопытна история создания другой повести. Однажды приятель пригласил Михаила Петровича провести несколько дней в их компании на охоте. Те полторы недели настолько запали в душу, что он решил описать и людей, и жестокие нравы, царящие на этом древнем промысле. Фамилии, разумеется, изменены, но герои узнаваемы. Один из главных, когда М. П. Пудич дал ему прочесть рукопись, поразился: тридцать лет охочусь, а так точно всю эту "кухню" не описал бы... Повесть "Браконьеры" увидела свет в республиканском журнале "Нива", издающемся в Астане. В этом же журнале опубликована другая его повесть, имеющая документальную основу, - "Покровские были", в которой Михаил Петрович ярко и увлекательно рассказывает о судьбе своих предков - переселенцев, двинувшихся век назад осваивать новые земли в Сибири и Казахстане. "На выходе" еще одна журнальная публикация "Я был курсантом" - о ее содержании говорит само название. Давно написана повесть "Алтайские будни" - о том времени, когда Михаил Петрович после окончания Омского сельхозинститута преподавал в одном из сельских профтехучилищ на Алтае. Написаны десятки рассказов, часть из которых публиковалась в областной газете "Звезда Прииртышья".

По роду своей деятельности мне часто приходится иметь дело с авторами, и я знаю, как много представителей графоманствующего племени жаждут неперемногого обнародования своих литературных творений, чаще всего не имеющих на это права. Михаил Петрович, к счастью, не таков. Он почти уверен, что еще многое из сделанного им может быть опубликовано, но изначально никогда не ставит перед собой такой задачи. Ему доставляет удовольствие сам процесс писания - как работа для души, как способ познания мира... И в этом случае ему равно интересны и его знакомые - браконьеры, и совершенно чужие люди, давшие объявление в газету о том, что они меняют трехкомнатную квартиру на две меньшие в разных концах города. Он попытался представить, что произошло в этой семье - получился рассказ...

А еще он пишет стихи, которые никогда не публикует. И пишет их не за столом, а чаще всего зимой, на лыжных прогулках по Иртышу. И даже прихватывает с собой бумагу и карандаш.

А еще он играет на мандолине и много ездит на велосипеде - даже теперь, в свои 68 лет. По его глубокому убеждению, праздность - главный из человеческих пороков, и поэтому у него никогда не бывает свободного времени. Раньше все оно отдавалось преподавательской работе и многочисленным общественным нагрузкам, теперь летом - дачным заботам, а зимой - творчеству. Он все любит делать сам, и это ему удается: будь то нехитрая мебель, сотворенная его руками, застекленная лоджия или отремонтированная сантехника... Он даже постричь может себя сам (правда, только наголо), что иногда и делает.

Жизнь его нередко испытывала - и он, случалось, гнулся, но не сломался. Получив в молодости группу инвалидности, он почти всю жизнь это от всех скрывал, считая, что надо жить, не давая себе поблажки. Он привык жить, довольствуясь малым, рассчитывая силы и надеясь больше на себя...

Еще на фронте его потрясло несоответствие того, что он много раз слышал и чему привык верить, с тем, что он видел вокруг. К сожалению, в дальнейшем подобное часто сопровождало его в жизни: слышал одно, а видел другое... Но ему непостижимым, поразительным образом удалось сохранить цельность своей натуры. Может быть, потому, что, не будучи в силах противостоять тем или иным обстоятельствам жизни, он тем не менее никогда не примирялся с ними, говоря себе самому: ничего, рано или поздно это изменится, и все станет на свои места... Может, именно отсюда это его глубокое, удивительное жизнелюбие, его очарование этой пусть несовершенной, зато такой многоцветной жизнью.

...Вот и теперь, тяжело переживая происходящее вокруг, Михаил Петрович убеждал меня: да - трудно, да - плохо, но мы ведь, в сущности, никогда хорошо и не жили... Надо понять, что, не переболев, - не выздороветь. А выздоровеем обязательно.

Видимо, считая, что окончательно меня не убедил, Михаил Петрович сагитировал еще и личным примером:

- Я тут на днях занемог - прямо расклеился. Жена настаивает: полежи с часок. А я на велосипед - да на Иртыш, да по степи! Вернулся почти здоровым. Нет, главное - не расслабляться, не давать себе поблажки...

Журнал "Нива", 1995 год.

Ручка Довлатова, или Сколько жизней прожил Григорий Осипян?

"Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые", - сказал поэт.

Как соотносить эти красивые строки с реальной жизнью человека, вошедшего в мир в начале нынешнего сумасшедшего века и сохранившего рассудок и память? На памяти Григория Левановича Осипяна первая мировая война, революция, гражданская война, создание СССР, коллективизация и индустриализация, вторая мировая война, культ личности и его развенчание, целина, период развернутого строительства коммунизма, застой, революционная перестройка, развал СССР, парад суверенитетов. Начало форсированного строительства капитализма в первой стране победившего социализма. Так что уж чего-чего, а "минут роковых" в его долгой жизни хватало. Наверное,

даже любого из перечисленных катаклизмов вполне достаточно для одной человеческой судьбы. А от стольких сразу да на одного можно попросту сойти с ума.

Но с Григорием Левановичем этого, к счастью, не произошло. Более того - он обладает прекрасной, цепкой памятью, сохраняя поразительный интерес к жизни. И большинство его воспоминаний - добрые, светлые. Наверное, есть в них что-то и от блаженства.

Кадет, гимназист, переплетчик

Осипяны жили в Москве, на Арбате. Сегодня, спустя 80 лет, Григорий Леванович помнит адрес: Теплый переулок, 20, квартира 58... Это потому, что детей так учили: знайте, где живете. Они были не бедные люди: зарплаты отца, подполковника третьего Гренадерского Перновского полка имени Фридриха Вильгельма IV, вполне хватало для содержания жены и троих детей. За четырехкомнатную квартиру платили 40 рублей в месяц (большие по тем временам деньги). Подполковнику полагался денщик. Кроме всего прочего, его обязанностью было возить младших Осипянов в детский сад и забирать обратно. Сохранилась фотография, на которой вся семья вместе с денщиком. Даже по этому факту можно судить о том, какой была атмосфера в доме. "Наш отец был демократ, - не без гордости уточнял Григорий Леванович (у него это слово звучало как "дэмократ"). - Денщик всегда обедал вместе с нами".

Дорога в жизни для самого Григория была проторена отцом. Только военная служба - ни о каких других занятиях и речи быть не могло. Десяти лет от роду он был отдан (тогда говорили: определен) в Тифлисский кадетский корпус, чем страшно гордился. Жили воспитанники в стенах своего военного заведения, в случае необходимости им полагалась увольнительная.

Однажды Григория пришел навестить отец. Сына обрядили в парадную форму и, лишь убедившись, что выглядит он как и подобает кадету, отпустили в вестибюль. Здесь Григорий застал такую картину: его отец обнимался с их огромным, всегда величественно-предупредительным швейцаром. Оказывается, они узнали друг друга: отец оканчивал именно этот кадетский корпус, и уже в ту пору этот человек служил здесь швейцаром. После этого случая швейцар был гостем в их доме...

Григория ожидало блестящее будущее: военная карьера сулила высокое положение в обществе, материальное благополучие. Но все это одним махом перечеркнула война. А ее объявлению предшествовали следующие трагические совпадения. Случилось так, что мать Григория поехала в Петербург повидаться с сестрой и братом. Брат решил отправить ее с приятной компанией за границу, в Карлсбад, который тогда принадлежал Германии. Всего на несколько дней - отдохнуть, развлечься. В Карлсбад из Петербурга в ту пору ездили, как у нас в санаторий или на выходные в Баянаул. Но сразу после объявления войны отдыхающие россияне были интернированы (т.е. задержаны). Отец с детьми не мог находиться - как офицер он должен был немедленно отправиться со своим полком в действующую армию. И тогда он решается отправить троих детей к родственникам в Тбилиси. Сделано это было так: на Курском вокзале он попросил случайного попутчика присмотреть за ними.

Григорий хорошо запомнил эту поездку и дядю Рубена, который всех троих несколько суток кормил-поил, а затем доставил их к родственникам. Так еще вчера благополучная семья оказалась разорванной на три части: отец на войне, мать за границей, дети у родственников. Мать попала к детям спустя примерно полгода. Они успели от нее отвыкнуть и звали первое время тетей.

Отец воевал, писал письма, высылал Георгию яркие, красивые открытки, всякий раз адресуя их "кадету, ЕВБ Григорию Осипяну". Несколько из них сохранились, и Григорий Леванович пояснил, показывая мне их, что ЕВБ означает "его высокоблагородие".

Однажды к ним домой пришли какие-то две женщины, принесли матери деньги, что-то говорили... Она заплакала, и дети поняли, что отца у них больше нет. Для семьи это была тяжелейшая, невосполнимая утрата. Ведь он не только содержал дом, семью ("Наша мать никогда не работала, оставаясь женой своего мужа, матерью его детей..."), но и занимался воспитанием детей.

Примерно в ту же пору Григорий заболел брюшным тифом, долго пролежал, отстал в учебе, занятия в кадетском корпусе пришлось оставить. Потом его перевели в городскую гимназию, но вскоре ушел и оттуда: за учение полагалось платить, а денег не было.

Потом и вовсе пришли другие времена: грянула революция, а за ней гражданская война, и все в жизни смешалось... Можно сказать, Григорию еще повезло: почти все его сокурсники по кадетскому корпусу сгинули в мутных водах революции как социально чуждые элементы, одного он даже прятал в своем доме... Имущество Осипянов в московской квартире (на многие тысячи рублей) было то ли национализировано, то ли разграблено... О прежней отцовской пенсии, позволявшей вполне безбедно существовать, пришлось забыть. Надо было просто выживать - не только самому, но и содержать мать, братьев.

Так вчерашний кадет и гимназист стал учеником у частного-переплетчика, а когда НЭП прикрыли, перешел переплетчиком в брошюровочный цех. Проработал здесь восемь лет, параллельно учился на рабфаке, получил диплом о среднем образовании. Дважды пытался поступить в политехнический институт, но не проходил по конкурсу. Думал уже: ну что ж, останусь переплетчиком... И вдруг удача - его берут в числе нескольких из тех, кто не прошел по конкурсу. Но учиться надо очно, а стипендия - 26 рублей - раз в пять меньше, чем зарплата у переплетчика. Учиться хотел страстно, но на что жить? Стал наниматься репетитором в обеспеченные семьи - подтягивал их отпрысков по арифметике, геометрии. А еще прят шерсть - по рублю за килограмм, ремонтировал плафоны. Но самый большой гонорар получил все же за репетиторство. Отец одного из его воспитанников, состоятельный по тем временам человек по фамилии Левин вручил ему конверт со словами: "Это за то, что вы

сделали с нашим Бумой - мы его просто не узнаем". В конверте было двести рублей. Теперь им с матерью не грозила голодная смерть - по меньшей мере, на несколько месяцев...

Железнодорожник

В 1934 году Осипян окончил институт по курсу "Станции и узлы". Выбор профессии был не случайным. Его дядя - Григорий Артемьевич (брат матери) еще в прошлом веке окончил Институт путей сообщения в Петербурге и, будучи одним из преуспевающих выпускников, в скором времени получил назначение главным инженером на Круго-Байкальскую железную дорогу. Вместе с ним туда отправилась и красавица-жена, дочь богатого купца Анна Бигляровна. Этот ее поступок получил большую огласку в столице - в Иркутск ее провожали, как декабристку.

Супруги пробыли в Сибири пять лет и вернулись обратно героями. Их всюду приглашали, расспрашивали, их дружбы искали. Дядя возглавил важную проектную контору, тетя вела большой дом; уже в то время у них были и квартирный телефон, и автомобиль.

Судьба этих родственников Осипяна также сложилась трагично: дядя вскоре после революции, лишившись любимого дела и всего нажитого, умер в поезде, наказав перед смертью случайному попутчику сообщить о его судьбе жене... Тот разыскал ее через несколько лет, рассказал, тетка отказывалась верить... И тогда он достал часы ее мужа, которые тот завещал ей передать...

Словом, у этой семьи своя, полная драматизма, история, и мы касаемся здесь ее лишь постольку, поскольку она имеет отношение к судьбе самого Григория Левановича, благоговейно относившегося не только к отцу-офицеру, но и к дяде-железнодорожнику (он звал его дядя Гига) и его жене, с которой всю жизнь не терял связи.

Сам Осипян проработал на железной дороге больше пятидесяти лет. И почти все они отданы Казахстану, а точнее, - почти поровну - Акмоле и Павлодару. С его участием перед войной ударными темпами, за 11 месяцев, был построен 806-километровый участок железной дороги Акмолинск-Карталы, он два месяца провел на одном из труднейших участков этой трассы, так называемом 514-м километре, где была глубокая выемка на местности и требовался особый контроль за технологией прокладки железнодорожного полотна. Он был в Есиле, где сошлись идущие навстречу друг другу железнодорожные ветки и где забивали последний, символический золотой костыль.

За участие в строительстве вторых путей между Акмолой и Карагандой ему было присвоено звание почетного железнодорожника. Все, кто работает в отрасли, знают, что это значит для настоящего железнодорожника.

А еще он строил школу в Атбасаре - трехэтажную, на 720 мест. Как водится, вызвали, сказали: делай что хочешь, но к такому-то сроку объект должен быть сдан. И Осипян нашел способ ускорить темпы строительства: он организовал здесь бесплатное питание. Время было голодное, жили по хлебным карточкам, и народ на стройку повалил валом. В том числе женщины, старики. Почти никому Осипян не отказывал. Чтобы занять всех, организовал вторую, ночную смену, работали при прожекторах. Школу сдали досрочно, но, оказалось, превысили смету - как раз за счет бесплатной кормежки. Осипяна вызвали в горком, дело могло кончиться плохо... Но как-то удалось отбиться... А школа до сих пор стоит, и всякий раз, когда Григорию Левановичу доводилось проезжать Атбасар и он видел ее из окна вагона, на душе становилось теплее.

В Павлодаре Осипян был неожиданно назначен техническим инспектором строительства автомобильного моста через Иртыш. Пришлось заново обложиться книгами и учиться, учиться... Быстро стал здесь своим, с его мнением считались. Однажды его принципиальная позиция помогла спасти от тюрьмы профессионала-мостостроителя, которого хотели сделать козлом отпущения за трагический случай на производстве.

Немало сделано Григорием Левановичем для строительства и развития Павлодарского отделения железной дороги, где он также занимал не последние должности, а перед выходом на пенсию несколько лет был руководителем пассажирских перевозок. При нем павлодарцы и экибастузцы получили отличные железнодорожные вокзалы.

А еще железная дорога подарила Григорию Левановичу очень дорогую (может быть, главную в жизни) встречу... Это произошло на станции Валуйки Юго-Восточной железной дороги, в Курской области, куда в самом начале своей карьеры по разнарядке был направлен свежеепеченный инженер-железнодорожник. В одном из кабинетов, где сидели служащие станции, он обратил внимание на девушку. Она, как оказалось, на него тоже. "Какой черный, страшный..." - было ее первое впечатление. "Красивая, - подумал он, - как бы с ней познакомиться..."

Видно, судьбе было угодно свести их здесь - его, тридцатилетнего парня, которому уже столько пришлось пережить, и ее, чья жизнь до сих пор была полной скорее благополучия и романтики, нежели несчастья. Она была "иностранка": родилась в Австралии, куда отец отправился из России в поисках лучшей доли. Жилось им в далеком Ипсвиче неплохо, достаточно безбедно, хотя отец был всего лишь хорошим плотником-ремонтником. Затем перебрались поближе к России, в Харбин. А потом - и на родину: патриоты были, хотели лично участвовать в строительстве новой жизни...

Так Зинаида оказалась в Валуйках, где и встретила своего Григория. Познакомились они в 1935-м, а в 1936-м поженились. Потом в их жизни будет случаться всякое. Арестуют ее отца: как же - жил в Австралии, в Китае - шпион как минимум... Дочь так и не узнает, как погиб отец, где похоронен. То были тяжелейшие годы и для Осипяна. Подумайте сами, что творилось в душе у человека - сына офицера царской армии, мужа "иностранки", у которой к тому же отец - враг народа... "Я боялся своей тени", - признается он мне. Но они это пережили. Пережили трагическую смерть своей первой дочери, второй его тиф, когда шансов на выживание почти не оставалось.

Они прожили вместе 59 лет, торжественно отметив эту дату. А спустя полгода Зинаиды Петровны не стало. И теперь Григорий Леванович живет один в своей старой квартире. Ближе жены у него человека не было. И все здесь ему (и не только ему) напоминает о ней: вещи, к которым она прикасалась, фотографии. Говоря о жене, которую он обычно именует Петровной, Григорий Леванович чаще всего не скрывает слез. На многих вещах в доме - его памятные записки о том, когда к ним (радиоприемнику, зеркалу...) в последний раз прикасались ее руки. Трогательное свидетельство его благодарной памяти о ней, его скорби...

Что остается человеку, разменявшему десятый десяток лет, пережившему всех своих сверстников и столько перенесшему, потерявшему столько близких, включая самого дорогого человека... Что ему остается, что его связывает с жизнью, которая так часто была к нему немилосердна?..

Вторая жизнь

Все, кто хорошо знает Осипяна, могут подтвердить, что это правда: всю свою сознательную жизнь он жил двойной жизнью. И в этом нет ничего плохого, наоборот, - это прекрасно. Именно вторая жизнь Осипяна многие годы (а сейчас тем более) служит ему опорой, помогает преодолевать свинцовые мерзости бытия, спасает от несчастий, делает оптимистом.

Вторая жизнь - это неистребимая тяга Осипяна к культуре, искусству, ко всему прекрасному. Он страстный книголюб и собирает книги столько, сколько себя помнит. В его домашней коллекции прекрасная библиотека художественной литературы, многочисленные отечественные и зарубежные издания по истории, архитектуре, живописи, скульптуре, прикладному искусству, библиографии. А еще многочисленные путеводители, справочники, газетные вырезки. Все это он собирал десятки лет, отрывая деньги от своего семейного бюджета, который, конечно же, никогда не был богатым.

И все это - не богатство скупца, а, если так можно выразиться, постоянно действующий капитал (который, впрочем, не принес хозяину больших дивидендов). Многие годы Осипян был добровольным лектором. О чем он только не рассказывал слушателям! Например, об истории создания и особенностях знаменитого памятника Петру Первому работы Фальконе. Или об истории денег... Свою уникальную коллекцию бумажных денег, имевших хождение в первые годы советской власти в советских республиках и областях, он подарил областному историко-краеведческому музею.

"Звезде Прииртышья" он подарил очень редкое издание - список произведений, запрещенных цензурой в XVIII-XIX веках. Список занимает целых два тома - это к вопросу о том, что запретительство у нас существовало отнюдь не только в советское время.

Немало дорогих для него книг Осипян раздал знакомым. Думаю, ему не всегда просто с ними расставаться. Но у него есть "железное" обоснование того, что он делает: "Я не дарю эти книги и тем более не отдаю просто так - я их трудоустраиваю... Я верю, что они еще поработают..."

Этому перешагнувшему порог девяностолетия человеку до всего есть дело. Вот он мне рассказывает, как эвакуировали во время Великой Отечественной картины из Третьяковской галереи: "Вы знаете, некоторые полотна просто нельзя было транспортировать, и тогда их замуровали в стенах... А потом долго не могли найти - участников захоронения не осталось..."

"А вы знаете, сколько было продано за рубеж при советской власти уникальных, бесценных произведений искусства? Это ведь настоящая трагедия... Я скорблю, что наши потомки уже не увидят их..."

В следующий раз он с пристрастием спрашивает меня о судьбе знаменитой "Данаи", на которую в музее маньяк плеснул соляную кислоту. Я принес ему вырезку из "Известий" о том, что картина отреставрирована. Он вроде обрадовался, а потом опять пригорюнился: "Не верю, что ее восстановили в первоизданном виде - это было невозможно. Молодцы, что взялись, но все равно - это теперь другая картина..."

Он помнит прежний Храм Спасителя и то, как его начинали разбирать - эта операция предшествовала взрыву. Он с интересом следит за сооружением нового.

Он делится со мной впечатлением от только что прочитанной "Казахстанской правды": "Вы знаете, нашего президента Назарбаева наградили орденом Православной Церкви, а я даже не знал, что у Православной Церкви есть свои ордена..."

Его интерес к жизни поразителен и начисто лишен мещанства и обывательщины. Он с трудом передвигается (последствия перелома и не совсем удачного лечения) и почти совсем не слышит, но так же, как в далекой юности, открыт всему лучшему, что есть в окружающей его действительности. Она сегодня большую часть года ограничена стенами его небогатой и не слишком просторной квартиры, но, наверное, немного в нашем городе найдется людей, которые бы жили столь богатой внутренней, духовной жизнью. С ним его давние добрые друзья - книги, с которыми ему и теперь не так одиноко.

Кто-то считает долгожительство наказанием жизнью. Григорий Леванович как-то сказал мне: "Знаете, наверное, мне просто выпала доля пожить свой век за всех моих близких..."

Ручка Довлатова

С Осипяном никогда не бывает скучно. Он любит преподносить сюрпризы. Один из них меня просто потряс.

- Хочу вам сделать подарок, - сказал он однажды.

Я пытался было протестовать.

- Это дело решенное, - заявил Григорий Леванович и протянул мне шариковую ручку желтого цвета - потолще обычной.

То была ручка, присланная Осипянам в посылке вместе с другими подарками Сергеем Довлатовым из Нью-Йорка. Как и некоторые из тех, кто читает эти строки, я сразу засомневался: почему, с какой стати Довлатов слал бы в Павлодар посылки? Какое отношение он имеет к Осипяну?

Довольный произведенным эффектом, Григорий Леванович достал из ящика письменного стола одну из многочисленных папок. Там был уникальный журнал, изданный друзьями писателя уже после его кончины и ему одному посвященный, письма и открытки из Нью-Йорка, что-то еще... Секрет оказался прост: мать Сергея - Нора Довлатова - двоюродная сестра Осипяна, они, особенно в молодости, были очень дружны, все время переписывались, даже когда Довлатовы перебрались на постоянное место жительства в Америку.

Переезд этот был вынужденным. Сергей на родине много писал, но его самобытные, безусловно талантливые, полные своеобразного юмора и самоиронии рассказы и повести практически не печатались. Ни в его родном Ленинграде, ни в Таллинне, где он прожил несколько лет и где была "зарезана" уже подготовленная к печати книга его рассказов. Фактически Довлатова грубо подталкивали к выезду из страны. Он держался до последнего... Но уехали жена с дочерью, отец... Так он оказался в Нью-Йорке, где его вскоре начали печатать... К сожалению, Сергей Довлатов рано ушел из жизни...

Я помню первый его сборник, который появился в Павлодаре. Это была совсем тоненькая книжка, состоявшая из "фирменных" довлатовских миниатюр - "Соло на ундервуде" и небольшой, поразительно трогательной за душу, повести "Заповедник". Мы с друзьями буквально рвали из рук в руки эту книжку.

Так что нетрудно понять то волнение, с которым я принимал столь дорогой подарок.

Теперь известно, что Довлатов любил посылать посылки из Америки - сам покупал понравившиеся вещи, паковал их дома для отправки родным и друзьям.

Григорий Леванович рассказывал, что, получив извещение, они с Зинаидой Петровной долго ходили по главпочтамту из кабинета в кабинет, заполняли и подписывали бесконечные бумаги, пока, наконец, в подвальном помещении, в обстановке секретности, им не вручили саму посылку... Кстати сказать, к той самой авторучке Довлатовым были прикуплены два запасных стержня... Все, казалось бы, предусмотрел. Но он был очень непрактичным человеком - запасные стержни к ручке совершенно не подходили... Зато в них прекрасно сохранилась паста (лет пятнадцать прошло), и они отлично писали. Один из стержней я переуступил поэту Ольге Григорьевой, которая была едва ли не первой в Павлодаре, кому Осипян открыл свои родственные связи с Довлатовым. Теперь она гордится тем, что несколько ее стихов написаны стержнем, который когда-то держал в своих руках Сергей Довлатов.

К тому времени у меня уже был большой сборник писателя, выпущенный в Алма-Ате. Я подарил его Григорию Левановичу и, как оказалось, тоже весьма кстати. Один из разделов этой книги назывался "Наши" и был посвящен близким родственникам Довлатова. Так, например, немало полных симпатии строк написано о тетке Сергея - Маре. "Да знаю я ее как облупленную, - смеется Осипян, - это моя двоюродная сестра... Я ее всегда навещал в Ленинграде, она дослужилась до главного редактора издательства... А хорошую книгу у нее, бывало, как снега зимой не выпросишь...".

Потом Григорий Леванович дает мне почитать письмо от дочери Сергея - Кати. Она пишет о своей бабушке, рядом с которой прошла большая жизнь самого Осипяна, о том, как глубоко та переживает смерть сына... О том, что ее брат Коля "безумно похож на отца: жесты, походка и даже юмор...". Именует себя "полуармянской родственницей" Осипяна, выражает надежду на то, что им еще удастся увидеться и... извиняется за ошибки - родной язык для нее уже английский...

Григорий Леванович говорит, что Нора Довлатова, мать Сергея, сильно сдала в последнее время, и надолго умолкает.

Что было потом

Какие все же поразительные сюжеты закручивает порой жизнь! Меньше чем через год я окажусь в Нью-Йорке и на знаменитой Брайтон-бич буду стоять у книжного лотка на открытом воздухе и листать трехтомник Сергея Довлатова. По иронии судьбы он издан в Санкт-Петербурге - том самом городе, где каких-то два с небольшим десятка лет назад писателя божьей милостью не хотели знать... В трехтомнике есть строки о дочери, которую Довлатов очень любил и которая тоже не признавала его как литератора... Теперь дочь, помимо всего прочего, занимается бизнесом, связанным с изданием отцовских книг...

Разве такое возможно придумать?

Когда я пришел к Осипяну с "отчетом" о своей американской поездке, он сказал мне с укоризной:

- Что же вы не предупредили, что едете? Я бы дал адрес - зашли бы к нашим или просто позвонили... Им было бы приятно...

Я виновато развел руками: не догадался...

Я только что вернулся из командировки, когда мне позвонили и сказали, что скончался Григорий Леванович Осипян. Мне повезло - я успел с ним проститься.

Виктор,
брат Павла

Павлодарское Прииртышье подарило миру немало известных людей - звезд первой величины. Среди них поэт Павел Васильев, чье имя павлодарцы помнят и чтят. Именно в нашем городе действует единственный, уникальный в своем роде дом-музей Павла Васильева. Ежегодно проходят в Павлодаре Васильевские чтения. И каждый год, в декабре, на них по традиции приезжает Виктор Николаевич Васильев, младший брат Павла. Его жизнь и судьба заслуживают того, чтобы рассказать о них особо.

"Я помню детство вольное, степное..."

Это строки из стихов Виктора Николаевича, посвященных Павлодару, который неплохо запечатлелся в его детской памяти. Родился Виктор в 1919 году (почти на десять лет позднее Павла), из Павлодара в Омск семья уехала в 1927 году. Он помнит маленький пыльный городок в степи, табуны диких лошадей, отары овец...

Нередкими гостями в доме Васильевых были окрестные казахи (тогда их называли киргизами). В таких случаях во дворе, под навесом, стелили кошму, ставили самовар... Отец с гостями садились, скрестив ноги, вокруг низкого дастархана, пили чай с баурсаками.

Оба деда (и по отцовской, и по материнской линии) и родители говорили по-казахски... Дед по отцу, Корнила Ильич, всю жизнь был пильщиком - вручную разделявал вдоль деловую древесину (бревна). Много позже Виктор представит его в стихах так:

*Дед Корнила был дед здоровый -
Рост саженный и бычий глаз.
Он на игрищах гнул подковы,
Четверть водки хлестал за раз.*

Отец по матери, Матвей Васильевич Ржанников, занимался мелкой торговлей.

Мать, Глафира Матвеевна, была женщиной по тем временам весьма образованной, окончила гимназию. Она вела домашнее хозяйство, воспитывала четырех сыновей. У Виктора есть проникновенные стихи, посвященные ей, которые так и называются - "Матери". ("Высокий вал прически пышной и синь июньская в глазах...")

Впрочем, главным авторитетом, а следовательно, и воспитателем в семье был все же отец. Он окончил учительскую семинарию в Семипалатинске, преподавал математику (даже учебник написал по методике ее преподавания), был директором школы. Отличался прямым, резким,военравным характером. Виктор написал о нем в стихотворении "Гости": "Николай Корнилыч Васильев - волос витый и голос гром..." Плавать сыновей отец учил весьма своеобразно: шел с ними на Иртыш и бросал в воду. Пока новичок еще барахтался, хладнокровно наблюдал; когда тот начинал тонуть - вытаскивал и после небольшой передышки опять бросал. И так - пока не поплывет. Неудивительно, что Павел уже в девять лет переплывал Иртыш. Да и все остальные братья были отменными пловцами, заядлыми рыбаками, любили путешествовать.

Васильевы часто переезжали: Павел родился в Зайсане, Виктор - в Петропавловске, а когда ему, младшему, было восемь лет, в 1927 году, семья переехала в Омск.

Чуть раньше уехал из дома Павел, отличавшийся дерзким, независимым характером. "Он даже молодой жил у нас будто сам по себе, - сказал Виктор. - Сначала хотел учиться в институте иностранных языков во Владивостоке, потом работал на золотых приисках, где-то плавал, путешествовал".

Дома Павел бывал наездами. Однажды выскочил рано утром из прокуренной комнаты и воскликнул: "Слушайте, только что написал!" Это было стихотворение "Лето", ставшее впоследствии небольшой поэмой, которая теперь хорошо известна.

Конечно же, атмосфера в семье, литературные занятия Павла наложили свой отпечаток и на формирование личности Виктора, которого связывали с братом достаточно ровные отношения. "С Борькой и Левкой я дрался, - говорил он мне о других своих братьях, - а с Павлом - никогда". Уже в шестнадцать лет Виктор написал первую поэму "Джурбай" - о воине-сподвижнике Амангельды Иманове, отослал ее в столичный журнал (кажется, "Красный воин"). Ответ, правда, пришел неутешительный.

Отец был недоволен: "Мало мне одного поэта - и этот туда же..." Впрочем, стихи писали и два других брата - Борис и Лев, печатались в местных омских газетах. Или пример брата оказался заразительным, или время было такое...

Из Москвы Павел приезжал домой все реже. Виктор окончил школу, поступил на учительские курсы с правом заочного обучения. Четырехгодичный курс прошел за два года, сдав экзамен экстерном. Вся жизнь впереди - только жить...

Но над семьей уже нависла зловещая тень 1937 года... Из Москвы приходили невеселые известия о брате, о его "нехорошем" поведении... Сам основоположник пролетарской литературы Максим Горький посвятил Павлу и его вольнодумным друзьям критическую статью, где заявил о том, что от их ресторанных забав и хулиганства до

фашизма расстояние короче воробьиного носа. После чего и родилось известное четверостишие, имевшее в ту пору хождение в столичных кругах:

*Закрывай, Маруся, шторы,
Прикажи на стол накрыть -
Алексей Максимыч Горький
Приказали дома пить.*

Все же есть свидетельства о том, что А. М. Горький пожалел о столь суровой оценке в адрес Павла (хотя его ресторанных выходок несколько при этом не оправдывал), пытался кое-что предпринять в противовес ранее сказанному, защитить талантливого поэта. Но машина, не знавшая простоев и пощады, была уже запущена... Знакомая Васильевых, работавшая в библиотеке Верховного Совета, написала в Омск родителям, что Павла арестовали, когда он выходил из парикмахерской. Отец высказался, как всегда, резко: "Довыступался..." Мать была в ужасе.

Следствие по делу Павла оказалось недолгим. Когда его вторая жена, Елена Вялова, в очередной раз принесла в тюрьму передачу, ей ответили, что Васильев убыл в дальний этап. На самом деле это означало, что его нет в живых.

С 1937 года и началась для Васильевых череда несчастий. Сначала уволили с работы, а в 1940 году арестовали отца - читал стихи своего сына, не боясь говорил, что тот очень талантлив. В том же году скончался от туберкулеза в возрасте 24 лет брат Павла и Виктора - Борис. В 1941 году к Васильевым пришел оборванный, изможденный человек и сообщил, что их отец, Николай Корнилович, умер в Юргинских лагерях, под Новосибирском. Вскоре после этого семью Васильевых из Омска выслали в Шербакульский район: мать, жену Виктора, Нину Николаевну, с маленьким сыном. Второй его брат, Лев, к этому времени уже погиб на фронте. Мать ездила по деревням, брала заказы на шитье, рассчитывались с ней продуктами - тем и жили. Умерла она в апреле 1943 года, ненадолго пережив мужа и убитого на войне сына.

Так за шесть с небольшим лет из всего некогда могучего васильевского рода остался один Виктор.

"Я помню ночи Сталинграда..."

После окончания учительских курсов Виктор стал преподавать в старших классах - сначала в Называевской сельской школе, а потом и в Омске - новую историю, основы Конституции. И хотя, как у учителя с высшим образованием, у него была бронь, в июне 1942 года Виктор был призван в армию. Несколько месяцев учился в полковой школе под Москвой, а в октябре в чине старшего сержанта был отправлен под Сталинград, где попал в страшную мясорубку. Зенитные батареи прибыли эшелонам на станцию назначения и, едва высадившись, с ходу вступили в бой. По немецким "тиграм" били из 85-миллиметровых зенитных орудий прямой наводкой, чуть не в упор. 19 ноября под хутором Девяткиным наши прорвали фронт...

Виктор был командиром дальномерного отделения зенитной артиллерии 227-го отдельного дивизиона резерва Главного командования. Дальномерщики у артиллеристов-зенитчиков - привилегированная каста, но судьба его и вовсе могла быть иной: ведь как специалиста с высшим образованием Виктора должны были направить в военное училище, в крайнем случае - на офицерские курсы... Но как мог брат врага народа быть офицером?

...Когда покончили с Паулюсом, их дивизион - через Старобельск-Купинку - перебросили под Харьков. Зенитчики прикрывали от воздушных налетов наши передовые части. Немецкие самолеты "Юнкерсы", "Хейнкели" шли тучами... Пикирующие "Ю-387" (зенитчики называли их "лаптями") разворачивались со стороны солнца и падали к земле в пике. Дальномерщики выдавали зенитчикам данные для стрельбы. Дальномер приближает цель в 24 раза, и Виктору не раз приходилось видеть, притом отчетливо, сосредоточенные лица немецких пилотов в кабинах самолетов.

Случалось и самолеты сбивать. Правда, стреляли обычно три батареи, и какая именно, а тем более какое орудие отличились, определить было затруднительно... Но, судя по всему, Виктор и тут был не из последних: уже к лету 1943 года имел медаль "За боевые заслуги", орден Красной Звезды.

Тем самым летом дивизион стоял в районе узловой станции Сватово, под Харьковом. В небе появился немецкий "Фокке-Вульф-189", корректировщик и разведчик. Они часто кружили над нашими частями. Батареи открыли огонь, самолет улетел, выбросив напоследок кипу листовок. Подбирать их было строжайше запрещено, но все же кое-кто подбирал, обычно на курево. Взял и Виктор одну, посмотрел. На одной стороне были изображены Сталин, Рузвельт, Черчилль, стоящие у карты Германии в виде маленькой медвежьей шкуры, а подпись гласила что-то вроде: вот, мол, делят шкуру убитого медведя. А на второй стороне генерал-лейтенант Власов жмет руку нашему летчику-перебежчику. Дивизион был сибирский, большинство парней - из медвежьих углов, даже читать толком не умели... А он, все знали, грамотный, даже стихи печатал во фронтовой газете "Вперед, на врага!"

"Ну, и что там фрицы пишут? - спросили знакомые парни-сибиряки. Он сказал. Кто-то, видно, донес. Той же ночью его подняли: "Старший сержант Васильев?" - "Так точно!" - "Вы арестованы!". Сразу сорвали погоны, награды.

Арестовывал Виктора Николаевича "Смерш", в вину ему поставили не только листовку, припомнили брата - врага народа, подводили под расстрельную 58-ю статью. Он ничего не признавал, и тогда следователь говорил ему: "А ты знаешь, Васильев, я бывший боксер..." Двое автоматчиков держали Виктора под руки, а следователь бил в живот, грудь. Бил профессионально, пока кровь изо рта не шла...

Суд военного трибунала проходил под открытым небом. За столом, покрытым красным кумачом, уселись несколько человек. Судили тоже сразу нескольких. Оправдательных приговоров не было. Приговоренных к смертной казни отводили недалеко в овраг и тут же расстреливали. Виктору Николаевичу, можно сказать, повезло: ему дали "всего" десять лет. Плюс пять лет поражения в правах - была в ту пору такая формулировка.

Меньше года воевал старший сержант Васильев. Стихов о войне у него немного. И почти все они - грустные. Вот одно четверостишие:

*Я помню ночи Сталинграда
И обреченность рот штрафных,
Но я-то все ж остался жив,
"Червонец получив в награду..."*

"Был я зеком стопроцентным..."

Весь свой десятилетний срок Виктор Николаевич отбыл, как говорят, от звонка до звонка. Достался ему один из лагерей на Северном Урале - "Усольлаг", что неподалеку от Соликамска. Как политическому, Васильеву полагался исключительно "ТТ" - тяжелый труд. Таковым здесь был лесоповал. Зимой лютовал мороз, снег под деревьями был по пояс, а то и по грудь; сначала утапывали его, а потом пилили дерево двуручной пилой. Летом не давал житья гнус - тайга есть тайга. Норма - четыре кубометра на брата, по ней и паек.

На лесоповале редко кто выдерживал больше трех-четырёх месяцев. Бывшие интеллигенты, те вообще мерли как мухи. Двадцатичетырёхлетний Виктор с первого захода выдержал год. И лишь потом его вывезли на подсанках в зону (сам идти не мог) и определили в специализированный десятый барак - барак смерти. Зеки в нем умирали каждый день, иногда сразу по несколько человек.

Васильеву поставили четвертую группу инвалидности. При ней полагалось в сутки 400 граммов хлеба, а к нему утром миска баланды (из турнепса или нечищенной картошки - был специальный приказ по ГУЛАГу: готовить зекам только из нечищенной картошки, правда, мытой), в обед - каша, вечером - жиденький суп. Поправиться на таких харчах было трудно, но зато не надо было и работать.

Какое-то время Виктор Николаевич находился между жизнью и смертью и, скорее всего, умер бы, но ему опять "повезло"... Их, полудоходяг, отобрали человек сто и послали по этапу в ОП - оздоровительный пункт - в Соликамск. Там они работали в ремонтных мастерских и могли почти досыта есть хлеб и кашу. Хлеб Виктор брал даже с собой, прятал в тумбочку, а ночами вставал и ел. За два месяца он поправился на 20 килограммов. Потом его вернули на зону и опять определили на "ТТ", то есть все на тот же лесоповал.

И так - до 1947 года. Однажды, уже весной, в апреле, их ввели с работы из зоны оцепления в жилую зону. Прозвучала команда: "Бригада, садись отдыхать!" Виктор сел прямо на землю и от усталости заснул. И заработал крупозное воспаление легких. Положили в лагерную больничку, которой заведовал бывший ветеринар-бандеровец Осадчий и из которой мало кто выходил своими ногами. Спасла Васильева здешняя медсестра из вольнонаемных, Дуся: в больничке кормили раз в день, обеда не полагалось вовсе, а она таскала зеку еду из дома.

Именно 1947 год был для Виктора Николаевича самым тяжелым за весь его десятилетний срок: он буквально доходил, как говаривали лагерники - некогда плотный, жилистый мужик весил всего 47 килограммов. Всерьез подумывал о том, чтобы отрубить себе все пальцы на руке (а там - будь что будет) и даже повеситься... Все же характер, воля к жизни оказались сильнее.

Что было потом? Все то же. Оздоровление в Соликамских реммастерских, а после, в марте 1948-го, снова "ТТ", лесоповал. Казалось, к этим нечеловеческим условиям никогда нельзя привыкнуть. А он смог, приспособился, из доходяги стал лагерником-трудягой и даже заматерел, пройдя не только лесоповал, но и все эти бараки усиленного режима, штрафные изоляторы, в том числе изолятор Кровавый Сим, который был хуже любой зоны и любой тюрьмы.

Об этой страшной полосе его жизни им написаны стихи "Мне ломали руки на допросах", "Была баба среди тайги" ("Колоски"), "Довод", "Газеты пишут". Пересказывать стихи - неблагодарное занятие. Те, кто их слышал в исполнении автора, не раз испытали то, что называют "мороз по коже". О лагерной жизни - выпущенная им в Омске книга прозы "Образцовая зона", 15 тысяч экземпляров которой разошлись почти мгновенно.

Но была в его зековской жизни совершенно особая пора, когда Виктора Николаевича, уже к концу срока, вдруг назначили заведовать лесобиржей. Удивительным здесь было, во-первых, то, что эту должность доверили политическому (ведь это, конечно, еще не воля, но и уже не совсем зона). А во-вторых, то, что лесобиржа была сплошь женская: здесь женщины-зечки валили лес и сплавляли его по реке. А он за восемь лет отсижки почти забыл, как они выглядят - женщины.

- Когда меня представили на лесобирже в новом качестве, я произнес речь, - рассказывает Виктор Николаевич, - про то, как нужен лес великим стройкам страны, про дисциплину, порядок - а зечки-уголовницы (их сразу видно: губы и брови химическим карандашом накрашены, вид у всех вызывающий) кричат мне: "Хватит про работу - про любовь давай!"

Впрочем, и об этой "романтической" поре своего срока, где также всего было вдоволь - светлого и печального, комического и трагического, Виктор Николаевич хорошо рассказал в своей небольшой талантливой повести "На Вильве-реке". Правда, широкому читателю она мало известна, потому что опубликована в Омском альманахе "Иртыш", вышедшем совсем небольшим тиражом.

Летом 1953 года кончился его десятилетний срок, и бывший зек вместе с земляком, вором-карманником Толиком Косым, отправился сначала под конвоем в Соликамск, где была пересылка, а уже оттуда на поезде домой, в Омск.

По приговору Васильеву, как политическому, полагался "101-й километр". Но ему помогли выправить документы с правом проживания в самом Омске.

По пути вполне мог схлопотать еще один срок, уже по уголовному делу. Их с Толиком попутчицей в поезде оказалась выпускница техникума, ехавшая по распределению в Свердловск. Она была хороша собой, Виктор всю дорогу читал ей стихи, она их обоим подкармливала домашней снедью. И вдруг у нее пропали золотые часики - подарок матери. Виктор вывел земляка-карманника в коридор: "Ты взял?" Тот обиделся: "Ты что, братан, век воли не видать!" Спасла вчерашних зеков, на которых, конечно же, пало подозрение, попутчица. Она твердо сказала пришедшим милиционерам: "Нет, они не брали, это точно". И только когда расстались с девушкой в Свердловске, Толик признался, что часы увел он. "Убью, как собаку!" - схватил его за грудки Васильев. Тот божился, что все произошло помимо его собственной воли: мол, не мог устоять, рефлекс сработал, как только увидел золотые "бока" (так на блатном жаргоне именуют часы).

Таковы были нравы в уголовном мире, и единственное, что мог сделать Виктор - постарался как можно быстрее избавиться от бывшего сокамерника.

Васильев отбывал весь срок без права переписки, не получая вестей из дома сам и ничего не сообщая о себе. Поэтому он не знал, что с женой и с сыном. Сына оставил, когда тому не было и трех лет, теперь должно было быть 13. У своего дома встретил девочку: "Ты Нину Николаевну знаешь?" - "Учительницу? Да". - "А сына ее, Валерку?" - "Да тут он, во дворе голубей гоняет"... Пришел сын, сели на лавочку. "Ты здесь живешь?" - поинтересовался отец. "Да, - ответил сын, - и помолчав, спросил: - А ты мой отец?"

Побежали за женой. Увидев мужа, она упала в обморок: ей еще в 1943 году официально сообщили, что муж погиб в 1943 году под Сталинградом, даже пособие, как жене погибшего, выплачивали...

Надо было снова начинать жить, а жизнь никак не налаживалась. В паспорте, который выдали Васильеву, был штампик с вроде безобидной цифрой 59. Это означало, что владелец документа политически неблагонадежный, и ему автоматически закрывался путь на любую приличную работу. Завкадрами предприятий, куда приходил Виктор, шарахались от него, как от прокаженного.

За неимением лучшего, устроился в речной порт грузчиком. Силенка еще была: таскал в трюм стокилограммовые мешки с сахаром, а с крахмалом - и по 120. Кем только в те годы он не работал - разнорабочим, швейцаром, фотоагентом, слесарем-ремонтником. Чего греха таить - и бомжем довелось пожить, когда со второй женой рассорился...

В 1960 году вызвали в КГБ. Встретили на удивление вежливо, увидел на столе у офицера свое "дело". Объявили о полной реабилитации... А награды, кстати, так и не вернули...

В 1962 году в одной из местных газет опубликовали первый рассказ "Последняя встреча" - о Павле Васильеве. Писал сперва прозу, а потом и стихи. Но почти не печатали. Лишь через 12 лет Западно-Сибирское книжное издательство выпустит его первую книгу "Детство Павла Васильева". Продержали рукопись там около трех лет и гонорар автору заплатили по минимальной ставке - как за техническую литературу.

А он все писал, посылал свои рукописи в журналы "Новый мир", "Юность", "Огонек", издательства. Отзывы отовсюду шли благожелательные, но не печатали. В 1983 году снова вызвали в КГБ. Беседовавший с ним высокий чин сказал: "Рассказы ваши хороши... Но писать об этом не надо". После чего с Васильева взяли обязательство не выступать против советской власти (чего он, впрочем, никогда не делал) и велели принести все им написанное. И он принес 27 тетрадей...

Потом его рассказы увидят свет и в "Москве", и в "Молодой гвардии", даже в журнале "Трезвость и культура", в местных альманахах. В 1991 году Омское книжное издательство выпустит 15-тысячным тиражом небольшую книжку его повестей и рассказов. Его примут в союз писателей России. Но все это будет потом...

"Он был и есть поэт

из самых лучших..."

Сам Виктор Николаевич оценивает свои литературные способности более чем скромно. А вот брат Павел, убежден он, отмечен особым даром. Как заявил Виктор Николаевич в одном из своих стихов:

*Он был и есть поэт из самых лучших
Поэзии разбойный атаман.*

Виктор Николаевич считает, что еще не весь Павел Васильев пришел к читателю, что он еще не встал в полный рост: его мало издают, а потому мало знают. И сам Васильев-младший старается в меру своих сил восполнить этот пробел.

Павлодарцам он стал хорошо известен и даже близок во многом благодаря директору дома-музея Павла Васильева Лидии Григорьевне Бунеевой. Сама она - искренняя и преданная поклонница Павла Васильева, собирательница его творческого наследия. И с Виктором Николаевичем ее связывает многолетняя дружба, они стали по-настоящему близкими людьми. Именно благодаря Л.Г. Бунеевой ни одни Васильевские чтения в Павлодаре не обходятся без участия Виктора Николаевича.

Мы тоже не один год знакомы с Виктором Николаевичем. И в декабре 1996 года я решил записать его на диктофон - некоторые из эпизодов жизни, стихи, его собственные и брата, воспоминания Виктора Николаевича о Павле. Я расшифровал эту запись и хочу часть ее привести здесь - без приглаживания и правки, как она звучала из уст самого В. Н. Васильева. Допускаю, что кто-то может обнаружить в этой записи какие-то неточности, некоторые несовпадения с "каноническим" образом Павла и его "официальной" биографией, другие "шероховатости". Но воспоминания эти ценны сами по себе уже тем, что брат говорит о брате. Говорит любя, но не приукрашивая.

- Павла я хорошо помню. Он был человек очень обаятельный. Женщины им просто очаровывались всегда. Как семьянин, теперь думаю, он никуда не годился - жить только одной своей семьей он, наверное, никогда бы не смог...

Это был какой-то орел... Или магнит, что ли, который притягивал к себе. Женщины его особенно любили, и он любил женщин.

Но нрав у него был половинчатый - сказывались гены отца и матери. Он, если его оскорбляли, приходил в ярость неописуемую и мог убить человека...

Но и отходил быстро - это уже материно... Мне кажется, он вообще никого в мире не боялся, кроме отца. А отца все же побаивался. Отец наш был семь пудов весом и ростом под два метра, и он пощады никому не давал. Это был умный, правильный человек, но очень и очень строгий... Павел, когда к нам приезжал, уже будучи известным поэтом, отцу старался не перечить и был при нем смирный. А отец обычно говорил так: "Ты поэт, а мне на это наплевать: я тебя породил, я тебя и убью". Как Тарас Бульба.

Павел приезжал к нам редко. В 1929 году уехал в Москву, а отцу сказал: "Я поехал завоевывать Москву". Так и сказал. И правда: уже где-то в возрасте 21-22 года его знали во всей России. У него даже такая шутка была. Когда его спрашивали: кого вы считаете лучшим поэтом в Союзе? - отвечал: "Это три поэта: Васильев, Васильев Павел и Васильев Павел Николаевич".

Ну, хулиганил, конечно... Хотя надо отделять его поэзию от хулиганства... Ведь и Пушкин хулиганил по-своему... И в XIX веке литераторы тоже... Я в 1974 году был у Елены (Е. Вялова-Васильева - вторая жена поэта - Ю.П.), видел материалы, где говорится прямо: в присутствии Павла Васильева считать себя в безопасности нельзя... Такой он был... Мать его страшно любила, а отец переживал...

Я случай помню. Он приехал к нам в 1933 году. Мне было 14 лет, а брату Борьке - 17. Пошли мы рыбачить - Павел любил рыбачить. А рано пошли... Часов в восемь утра приходит парочка. Начали раздеваться. Павел говорит: "Видите, мы рыбачим". Мужик ему сказал: "Иртыш твой, что ли?" - и полез купаться, а женщина за ним. Павел разъярился и стал их топить. Хорошо, что мы вдвоем с братом были - оттащили, а то бы утопил обоих.

Поэту Сергею Васильеву он как-то раз яичницу на голову надел.

В другой раз в ресторане Дома литераторов спрашивает у профессора (я его фамилию забыл): "Ты лекции за деньги читаешь?" - "Читаю". - "Сколько берешь за час?" - "100 рублей". Вытаскивает кошелек, дает ему 200 рублей... Читай, говорит, два часа... Схватил его за пуговицу и крутит... Вот он ему и читал... Безобразие, конечно...

У него был друг-лошадник, поэт Николай Титов. Я был знаком с ним, он застрелился в 57-м году в Алма-Ате. Они учинили драку в "Метрополе". Павла милиция схватила, тащит его к выходу, а он все голову назад поворачивает и кричит Титову: "Колька, ты добей там кактусы, а то я не все разбил!"

В 1934 году за хулиганство его посадили в Бутырку. Он написал оттуда письмо Горькому. Тот ему отвечает: мол, вы надежда нашей поэзии, но вы так хулиганите... А от хулиганства до фашизма расстояние короче воробьиного носа... Но милостиво написал... Павла выпустили, раз Горький вступился... Потом он ходил по Москве - такой же бесшабашный, веселый... Не знал, что ему грозило... Сочинил и читал друзьям четверостишие:

*Выпил бы я горького,
Да боюсь я Горького -
Горького Максима...
Ах, невыносимо!*

Он был по природе хохмач, весельчак. Экспромты на ходу сочинял. Однажды прямо при дедушке сочинил - дед был по материнской линии, Матвей Васильевич Ржанников.

*Когда не знал я счета лет
И не носил подштанников,
Стегал меня веревкой дед -
Матвей Васильич Ржанников.*

Поэту Сергею Островому он написал акrostих за семь минут. Кто еще это сделает?

Он вообще писал где попало, где придется. Ему ничего не надо было выдумывать - стихи у него, наверное, где-то внутри все время сидели...

Профессор Выходцев, известный ленинградский критик, говорит в своей книге о Павле, что он, по существу, писал даже не полных десять, а только семь лет: то путешествовал, то сидел...

В поэзии Павел стоял как бы в стороне, особняком. Расул Гамзатов сказал, что Павел Васильев - это отдельный аул, отдельная сакля.

Его сравнить ни с кем нельзя и спутать нельзя. Читая его, сразу видишь - это другой поэт. Много поэтов можно спутать, не узнать, а его - нет. У него особая статья и особая поступь.

Ну вот, к примеру:

*В степях немятый снег дымится,
Но мне в метелях не пропасть.
Одену руку в рукавицу,
Горячую, как волчья пасть.*

*Плечистую одену шубу
И помяну любовь свою.
И чарку поцелуем в губы
С размаху насмерть загублю!*

Ну, кто так скажет? Никто. У него был свой способ письма, свои метафоры, выражения, присущие только ему - Павлу Васильеву.

Он был так же велик, как Есенин или Маяковский... Маяковский - тоже великий поэт, хотя некоторые его хают. Но великое уничтожить нельзя...

Сейчас Павел вошел в хрестоматию. В литературном институте профессор Сорокин читает курс по Павлу Васильеву... А где те, кто десятки лет мелькали на страницах журналов, газет? Нет их, нету...

Он такое заворачивал, что уму непостижимо... Вот:

*Четвероногие, как вымя,
Торчком, по-псиному разинув рты,
С глазами кровавыми,
В горячечном, горчичном дыме
Стояли поздние цветы".*

А его "осетры, тяжелые, как бивни". Образ, и еще какой! Нет, он был поэт!

А как он читал свои стихи! Я помню... Он так читал, что люди привставали со своих мест...

* * *

Есть известный портрет Павла Васильева 1932 года: рубашка с открытым расшитым воротом, кудрявая голова, прямой, дерзкий взгляд. В свои немолодые годы Виктор Николаевич кажется мне удивительно похожим на своего тогдашнего брата. Особенно когда читает его стихи. Одна рука в кармане, вторая на отлете впереди; сидяя шевелюра до сих пор не утратила своей пышности. И сам он - сухой, осанистый - как будто распрямляется... Кто поверит, что за спиной у него десять страшных лагерных лет и что ему - восемьдесят. И всякий раз зал замирает, когда он своим хриплым, но не потерявшим упругости голосом читает собственные стихи - "Деда Корнилу", "Дуську Моргунову" или "Тройку" Павла.

Какой расточительно щедрой была природа по отношению к братьям Васильевым! Ничего для них не пожалела, всем наградила, да еще с избытком: и здоровьем, и удалей, и талантом, и статью. Как круто была замешана васильевская порода, как благодатно и буйно цвела на вольных просторах Казахстана и Сибири, черпая живительные соки из этой неброской земли, которой всегда хватало на всех; пила воду из просторного Иртыша - "князя рыб и птиц", дышала - не могла насытиться этим с горчинкой воздухом, настоенным на степных богатых травах... Им бы жить и жить... Они бы еще столько успели...

...Виктор Васильев читает со сцены Павла Васильева. Пожалуй, никто не прочтает Павла лучше, никто не сможет так "выдать" неповторимые васильевские образы. Наверное, еще и потому, что Виктор Николаевич едва ли не последний, кто слышал, как читает свои стихи сам Павел.

А память у Виктора Николаевича, слава Богу, до сих пор отменная...

Журнал "Простор", 1997 год.

Что было потом...

Во время очередного приезда в Павлодар в декабре 1998 года Виктор Николаевич по давно установившейся традиции пришел в дом-музей Павла Васильева. Хотел бы написать - в свой дом, тот самый, где он жил когда-то вместе с родителями и братьями... Но это будет неправдой. Лет десять назад дом отстроен заново, потому что прежний, васильевский, простояв не меньше века, сильно обветшал...

И вот теперь здесь Виктор Николаевич, обычно в узком кругу, встречается с теми, кто бескорыстно помогает этому дому - членами литературного объединения имени Павла Васильева, поклонниками его поэзии. Виктор Николаевич рассказывает о брате, о собственной жизни, читает стихи... Обычно устраивается и небольшое застолье... Было оно и на этот раз. И вдруг, в самый его разгар, после нескольких тостов, одна юная особа, невесть как попавшая за стол, восторженно воскликнула:

- Виктор Николаевич, вы так прекрасно смотрите в свои восемьдесят, в вас столько энергии, наверное, у вас есть секрет долголетия!

- Ну, конечно, - сказал он, - пока некоторые мои ровесники сидели по кабинетам, наживали радикулиты и геморрой, я, наоборот, вел очень активную жизнь... Десять лучших лет своей жизни я провел в тайге, все время был на свежем воздухе, занимался физическими упражнениями...

За столом стихли разговоры - никто не знал, как теперь разрядить обстановку... Виктор Николаевич почувствовал это и продолжил рассказ:

- И потом я тоже старался вести активный образ жизни. Одно время бомжевал, когда после отсидки нигде не брали на работу. Устроился фотоагентом. Два моих компаньона-начальника работали на стационаре, а я был свободным художником - вольнослушающим: фотографировал везде, где придется - на вокзалах, у цирка, на пляжах, словом, на бойких местах... Признаюсь теперь - бывало, и загуливал. Компаньонам это не нравилось: "Нехорошо живешь, Виктор, неправильно, - говорили они мне. - Ну, посмотри, как ты выглядишь и как мы...". А выглядели они, надо сказать, замечательно: упитанные, розовощекие - просто излучали здоровье. "С утра полез кефир, - говорили они, - а ты что пьешь?" - "Сегодня пока ничего, - говорю, - не пил, но выпью пива, если рубль дадите взаимы..." - "Ты так долго не протянешь!" - предупреждали компаньоны-начальники, но рубль чаще всего давали - все же они были неплохие ребята...

Виктор Николаевич сделал паузу, вздохнул.

- Да... Так бывает... Я их обоих схоронил: одного лет двадцать, а другого лет десять назад...

Еще пауза. И его призыв:

- Давайте выпьем за наше здоровье!

Первым опрокинул в рот рюмку водки и, не закусывая, затянулся крепчайшей "Примой".

...Еще в тот приезд Виктор Николаевич прочитал нам с С. П. Шевченко свое новое стихотворение. Называется оно "В сумасшедшем доме". Я привожу его полностью.

*В доме сумасшедшем хорошо -
Шумные веселые палаты.
Секс в почете и игра в очко,
Юмор и серьезные дебаты.
Вот один кричит, что он король,
А другой, что он блатной, в натуре,
И еще один рисует ноль
На задрипанной задорновской купюре.
Здесь есть воры, алкаши и, кроме,
Кандидаты разных там наук.
Главный сумасшедший в этом доме
Власть не хочет выпускать из рук.
Тут и левые, и даже демократы
Судят о свободах и правах.
Губят Русь веселые ребята
С огоньком безумия в глазах.*

- Понес стихи в демократические газеты Омска, - со смехом рассказывал Виктор Николаевич, - говорят: отличные стихи, берем, вы только упоминание о демократах опустите... Пошел в коммунистическую газету. Прекрасно, говорят, вся наша политическая жизнь - один к одному. Но... "левых" надо убрать или заменить...

Переделять стихи Виктор Николаевич отказался. Стихи лежат, ждут своего часа, как и многие другие рукописи, которые могли бы составить не один увесистый том. Виктор Николаевич ничего не переделявал в угоду политической конъюнктуре ни при прежней власти, ни при теперешней. Потому что его самого нельзя ни приручить, ни переделать.

Сопровождение материала

Сын японского шпиона

Почему одним людям удается в жизни почти все, а другим не удается почти ничего? Что нужно для того, чтобы твоя жизнь состоялась и потом не было, по определению известного литературного героя, "мучительно больно за бесцельно прожитые годы"?

Точных рецептов, конечно, нет, хотя при желании можно вывести некие общие закономерности, которые способствуют достижению высокой цели. В этом ряду прежде всего наверняка должны быть и благополучная семья, и нормальное детство, и возможность учиться - все то, что позволяет каждому уже в начале жизни ощущать себя нормальным человеком среди других людей, ни в чем не ущемленным по сравнению с ними. И, наоборот, травмы, нанесенные в детстве, особенно психические, нередко имеют самые тяжкие последствия, а иногда - ломают человеку всю жизнь.

Плохо, когда сын растет без отца. А каково ему в стране, где "от тайги до британских морей Красная Армия всех сильней", если его отец - враг народа, японский шпион? Мальчишке всего десять лет, он знает, что его отец - сильный, очень добрый, самый лучший... Как хорошо им вечерами читалось при свете керосиновой лампы... Чтение вслух при всей семье было чем-то вроде праздника. Отец столько знал и столько умел, с ним было так хорошо и так спокойно... И вот - враг, шпион... Как можно было поверить? И как не поверить: суд, приговор - десять лет без права переписки.

Сын не поверил. И несколько лет спустя, чуть повзрослев, вступил в переписку с... Берией. С тем самым, Лаврентием Павловичем. Писал не единожды. Через какое-то время после очередного письма мать вызывали для бесед в "органы". Приходила испуганная, заплаканная: "Христом Богом прошу тебя, не пиши больше..."

Страшные были времена. И странные. Когда сын врага народа заболел тяжелой формой костного туберкулеза, ему дали направление на лечение в один из специализированных детских санаториев на берегу Черного моря. И опять все было правильно: первое в мире государство рабочих и крестьян карало врагов народа, но - сын за отца не отвечает, сказал сам Сталин, - и сына японского шпиона лечили за счет того же государства.

Почти три года провел он в этом санатории: все время в гипсе - полный покой и полная неподвижность. Даже для взрослого человека - это труднопереносимые муки, а каково ребенку, для которого бегать так же естественно, как птице летать? Когда выписали, учиться ходить пришлось заново, на костылях. Врачи особо наказали: никаких лыж, коньков, никакого велосипеда...

Он мог погибнуть дважды в те годы. Во-первых, если бы еще на год задержался в санатории (а врачи на этом настаивали), а во-вторых, если бы прислушался к их наставлениям по части покоя. Дело в том, что вскоре после того, как мать забрала его домой, началась война, Крым захватили немцы, и весь персонал вместе с больными детьми был уничтожен. И еще в том, что, как впоследствии оказалось, их всех неправильно лечили: в движении, и только в движении (с помощью специальных гимнастических упражнений) было единственное спасение страдающих тяжелым недугом мальчишек, покой и неподвижность вели их к верной инвалидности и гибели.

Его спасла обыкновенная обида - вызвало самолюбие... С год он терпел предписанный режим. А однажды... Друзья-приятели играли в футбол, он стоял на краю поля, как обычно, опершись на костыли. Мяч подкатился прямо к ногам, он не удержался - пнул, но неловко и сам упал. Кто-то засмеялся... А он, взбешенный и обиженный до глубины души, доскакав домой, тут же изрубил на мелкие куски и костыли, и тугор - специальный корсет, который разрешалось снимать только на ночь.

Потом началась война. На скромную материную зарплату было не прожить. Лет с пятнадцати впрягся в мужскую работу - пахал землю, косил сено, скирдовал... О болезнях некогда было думать, сначала еще прихрамывал, а затем окреп, заматерел: по скошенной стерне ходил босиком - и хоть бы что...

В войну всем хватило лиха. Сыну врага народа было еще тяжелее: еще не вступив в самостоятельную жизнь, еще не успев в ней ничего сделать, уже был виноват перед обществом. Виноват без какой бы то ни было вины. Ему нельзя было быть комсомольцем. Значит, ты в стороне от стольких интересных, кипучих дел, которых так требует, так жаждет твоя энергичная натура...

Ему много чего было нельзя... Ему ничего не давалось, как многим другим, просто так. Может, потому он так рано и повзрослел, усвоив для себя простую и жестокую правду: ему не на кого рассчитывать, неоткуда ждать помощи, скорее, наоборот - надо быть готовым к тому, что многое будет против него. Что иногда надо жить и действовать не только благодаря чему-то, но и несмотря ни на что и даже вопреки чему-то. Вряд ли он сформулировал свою жизненную позицию именно так в те молодые годы. Но то, что уже тогда, столько пережив, интуитивно определил для себя примерно такую систему координат, это точно. В противном случае его жизнь сложилась бы совсем иначе. Если бы сложилась вообще...

Учитель

Учителем он стал не сразу. В победном сорок пятом окончил вечернюю школу рабочей молодежи, получил аттестат и рванул за своей первой любовью в Киев. Поступил в институт киноинженеров, попал в нехорошую компанию, куролесил... Как побитая собака, бежал домой, так и не объяснившись в любви со своей симпатией. До Петропавловска добирался девять суток - голодный, оборванный, без единой копейки - на крышах вагонов.

В сорок шестом поехал учительствовать в глухое дальнее село. А уже через год его (двадцатилетнего!) назначают директором школы-семилетки, все в той же глухомани. Мать чуть не силой повела новоиспеченного директора на барахолку, чтобы купить пусть не новый, но мало-мальски приличный костюм. А сын заметил старушку, продававшую солидные книги, с тисненым золотым обрезом. Уехал без костюма, зато с 80 томами дореволюционной энциклопедии Брокгауза и Эфрона. Время не только глухое и бескнижное, но и голодное... Книги стали его спасением, его университетами в деревенской глуши: сперва просто глотал, потом перечитывал, штудировал, конспектировал... Выписывал новые - откуда только можно было.

Подбрасывала жизненного материала и деревня, с ее бытом, нравами, неповторимыми характерами. Чего стоил один председатель сельсовета в неизменном сталинском кителе и обязательных галифе. С народом на собраниях он изъяснялся витиевато-изысканно. Например, так: "Из сидящей здесь массы вытекло мнение..." Или вот еще: "Как будем голосовать: персонально или за каждого в отдельности?" Все это тоже впитывалось, откладывалось в тайниках памяти.

Экзамены в Омском педагогическом институте сдал за год, экстерном, почти без напряжения. Его заметили. Уже в 23 года - инспектор школ облоно. Карьера - головокружительная: по возрасту мальчишка, а под его началом фактически все школы области... Но голова не кружится, ведь жизнь только начинается, еще столько предстоит сделать. Через год, в 24, начинает читать лекции в Петропавловском пединституте. Довелось поучить кагебешника, в свое время проработавшего мать за строптивного сына, вступившего в переписку с Берией. Студент-заочник, человек уже в годах, узнавал старого знакомого на лекциях, опускал глаза. В первые мгновенья была некая мстительная радость, но желания мстить не возникало.

Стал проректором института. Уже была семья, двое сыновей. Жизнь складывалась вполне спокойная, размеренная. И тут, в 34 года, он делает то, что потом не раз будет делать - все круто меняет. Многие из тех, кто хорошо его знал, называли этот шаг безрассудным. В 1960 году в Петропавловске открывается студия телевидения, и он уходит туда главным редактором. Зачем? Наверно, стало скучно, захотелось новых ощущений - есть люди, которые плохо переносят размеренное течение бытия.

Журналист

В октябре 1997 года Сергею Павловичу Шевченко исполнилось 70 лет. Ровно половина (даже чуть больше) жизни отдана журналистике: радио и телевидению, газете, книгам и фильмам.

В Павлодаре он с 1965 года. Был среди тех, кто стоял у истоков создания студии телевидения в нашем городе. В то время здесь не оказалось ни одного человека, знакомого со спецификой нового дела. На должности с экзотично звучащими тогда названиями - телеоператор, режиссер, ассистент, диктор - пробовали всех желающих. Те, кого брали, готовы были работать сутками бесплатно. День, когда вышла в эфир первая телепередача, стал настоящим праздником и для работников телевидения, и для горожан. Это было настоящее чудо: местное телевидение пришло в Павлодар раньше московского. Дикторов, тележурналистов узнавали на улицах, они были популярны, как кинозвезды.

Павлодарская телестудия стала одной из лучших в Казахстане. Здесь первыми среди областных телестудий начали использовать передвижную телевизионную станцию, видеозапись, цветное изображение. И во всем этом, как принято говорить, есть прямая заслуга С. П. Шевченко. Многие мэтры павлодарской тележурналистики называют его своим учителем и до сих пор дружат с ним. И сам он считает ту пору прекраснейшей полосой своей жизни.

А потом, когда все на телевидении было налажено и работало как часы, в его судьбе вновь происходит крутой поворот.

На этот раз он ушел в областную газету "Звезда Прииртышья". То были не лучшие для нее времена: прежний редактор оставил газету не по своей воле, и нового здесь встречали без особого энтузиазма. Скорее, с некоторым скепсисом. Мы, газетчики, считали себя, если можно так выразиться, первыми среди равных, относясь к тем же телевизионщикам с некоторой долей превосходства. Вряд ли у нас были на то основания, но, наверное, не погрешу против истины, если скажу, что то же самое думали про себя и про нас, газетчиков, тележурналисты - разумеется, с точностью до наоборот... И вот нам присылают чужака... Ну, руководил телевидением, ну книжки пишет, но что он смыслит в газетном деле? А он и не скрывал, что не знает технологии производства газеты, не боялся в этом признаваться, первое время во всем полагался на своего верного зама Петра Арсентьевича Побережникова.

Время было по-партийному строгое, как после шутили остряки - расцвет застоя; газета, само собой, находилась в жестких партийных рамках, но все мы как-то очень быстро почувствовали, что в редакции стало полегче дышать. Не переоценивая сделанного в те годы, могу сказать, что именно тогда в "Звезде Прииртышья" вновь утвердилась атмосфера открытости, известного свободомыслия, журналистского товарищества.

В то время у нас был очень сильный творческий состав: много писали Юрий Ковхаев, Владимир Воронов, Петр Побережников, Павел Лефлер, Павел Оноприенко, уже утвердились в редакции Виктор Семерьянов, Геннадий Бабин, Людмила Гришина, заявляла о себе молодая журналистская поросль. И каждый со своим норовом... Шевченко как-то очень органично влился в нашу контору (так мы любовно-иронично именовали редакцию), быстро стал своим. Он был доступен, открыт, дружелюбен. Мог, не читая, подписать аналитический материал размером с газетную страницу, а на недоуменный взгляд автора пояснить: "Ну, ты же профессор в этом деле, что же я тебя перепроверять буду?"

Как-то так повелось издавна, что редактор газеты вроде не считается журналистом. Он, конечно, шеф, должен где-то представлять, давать задания (иногда - нагоняи), читать и подписывать материалы... Но писать самому ему как бы необязательно. Ведь хорошо это вообще мало у кого получается, а плохо писать вроде неудобно - все же редактор. Шевченко писал. Нечасто, но заметно. Некоторые наши газетные авторитеты кривились: это, мол, не журналистика, а какие-то проповеди, литературщина. А он продолжал делать то, что считал нужным, и стал лауреатом премии Союза журналистов СССР. А эти премии просто так не давались - тем более редакторам газет из глубокой провинции.

Редакторская ноша никогда не была легкой - это нервная, изматывающая должность. А он умудрялся, делая газету, писать статьи и очерки для журналов, сценарии для фильмов, книги. Каждая полоса его жизни так или иначе отразилась в его книгах. Первую он написал в больнице: его деятельная натура бунтовала против размеренного больничного быта. Это была повесть "Пушки грохотали далеко" - о мальчишеском военном детстве. Он рискнул прийти с ней к самому Ивану Шухову - земляку, с которым познакомился и отчасти подружился несколько лет назад. Шухов уже тогда был почти канонизированным классиком и редактором "Простора", имевшего всесоюзную известность. "Ишь чего захотел - сразу в "Простор", - проворчал Иван Петрович. Вызвал одного из сотрудников и в присутствии наглеца-автора дал тому наказ постороже посмотреть повесть. Тот же вместо ожидаемой уничижительной критики написал... рекомендацию в одно из алма-атинских издательств с предложением напечатать книгу. Рецензентом был Иван Щеголихин - ныне известный казахстанский писатель, парламентарий.

В издательстве сделали все, чтобы навеки отбить у начинающего литератора охоту браться за ручку. Беспардонно вмешивались в текст, уродовали его, выбросили лучшую главу - о том, как повесилась девочка, у которой украли в войну хлебные карточки на всю ее семью. "Советские пионерки не вешаются", - поучал молодого автора редактор. И страдал: "Не хочешь пожертвовать главой - в таком случае вылетит из плана вместе с ней вся твоя книжка".

Так его "учили" жить. А он все равно писал: вышли повесть в "Просторе" "Сегодня вы увидите", навеянная его телевизионными буднями; отдельной книжкой - роман "Наследство", где частично прочитывалось институтское и военное прошлое. Начались большие дела в Экибастузе, и он с головой ушел в работу: архивы, поездки, встречи с людьми. Работал как одержимый. Его документальная книга "Экибастуз" выдержала два массовых издания. Конечно, сейчас он многое бы в ней написал иначе, но пока что никто другой ничего лучше, значительнее об этом городе, его бурном взлете не написал.

Перестройку Шевченко встретил с радостью, принял ее всем сердцем, жадно впитывал в себя новости, радовался переменам (откуда ему, да и всем нам, было знать, куда нас заведут ее архитекторы...), снова взялся за книжку, писал урывками, до изнеможения. Небывалый случай: первая ее часть вышла в "Просторе", когда вторая еще была в работе... Потом книга выйдет отдельным изданием под заголовком "Да вершится!", получит массу искренних доброжелательных откликов. Ему писали письма об этой книжке даже совсем незнакомые люди.

В биографических очерках людей такого ранга, как С.П. Шевченко, обычно принято называть и высокие правительственные награды, коих они в свое время были удостоены. Я лишен возможности использовать этот испытанный прием выпячивания достоинств своего героя. Ни одного ордена Шевченко не получил. Знаков трудовой доблести немало: "Отличник народного просвещения", "Отличник телевидения и радио СССР", Лауреат премии Союза журналистов, бесчисленные почетные грамоты. Даже знак "Шахтерская слава" - за пропаганду ЭТЭКа - есть. А в разрядки на ордена не попал.

В чем причина? При своей неординарности человек этот нередко не вписывался в ряды номенклатуры. С ним считались, но до конца "своим" не признавали.

А было и такое.

В разгар перестройки в редакцию "Звезды Прииртышья" пришла разрядка - представить кандидатуру на присвоение звания "Заслуженный работник культуры Казахстана".

Собрался "ареопаг" - редактор, заместители, секретарь партбюро, председатель месткома.

Решение было единодушным: учитывая заслуги редактора, предстоящее его 60-летие, звание ему и присвоить. Не согласился с таким решением только один человек, сам редактор, посчитав, что это с его стороны будет нескромным.

Почетное звание присвоили другому работнику редакции.

Пенсионер

Каково человеку на пенсии, особенно ушедшему с престижной, высокой должности, знает лишь тот, кто уже проделал сей путь. Не надо быть ясновидцем, чтобы предположить: не очень хорошо, неуютно, одиноко. И в самом деле: еще вчера был нужен всем, а теперь не нужен никому. То не хватало дня, а теперь весь день нечем себя занять...

Шевченко счастливо избежал участи большинства стареющих - вечно брюзжащих, всем недовольных, жалующихся. У него на все это нет времени. Как и раньше, он каждый вечер составляет список неотложных дел на завтра, вечером следующего дня вычеркивает выполненные пункты, добавляет новые. Иногда сердится на себя: "Да что это я, в самом деле, с этим дурацким списком, кто меня гонит?" Потом, поразмыслив, приходит к выводу, что привычки менять поздно, и снова берется за карандаш.

Чем же так занят на заслуженном отдыхе пенсионер бывшего союзного значения С. П. Шевченко? Тем же, чем и раньше. Пишет статьи и очерки, недавно стал лауреатом премии областной организации Союза журналистов за материалы, опубликованные в "Звезде Прииртышья". Кроме того, он один из самых активных соборов республиканской газеты "Сельская новь", где состоит на штатной работе. Два года еженедельно вел занятия в придуманной и организованной им школе-студии для литературно одаренной молодежи. Два года вел на областной студии прекрасную авторскую телепередачу "Зеленая лампа" - о вечных ценностях нашей жизни...

А еще написал пять книг. В их числе уже знакомые павлодарскому читателю "Зимние каникулы" и "Завод и время". Завершена работа над рукописью документальной книги "Тлеген-су - Желанная вода" - об истории создания канала Иртыш - Караганда и людях, здесь работающих. К 70-летию юбилею вышел сборник рассказов и очерков "Уходя, оглянуться" - своего рода творческий отчет писателя перед своими земляками. В семьдесят лет пошел работать научным сотрудником в дом-музей Павла Васильева и... написал книгу о нем, основанную на малоизвестных архивах и других материалах..

Итого за спиной десяток книг, полтора десятка сценариев, по которым сняты документальные фильмы, не одна сотня статей, очерков и других материалов в газетах и журналах. А еще десятки людей, которым он помог найти свое место в жизни, обрести себя в журналистике и не только в ней.

В жизни ему всего было отмерено полной мерой - и счастья, и несчастья. Порой судьба обходилась с ним очень круто, но он выстоял. Один из лучших его рассказов называется "Сопrotивление материала". Это трагическая история о доброте и мужестве, о силе человеческого духа. И хотя всякое сравнение хромает, я бы рискнул соотнести вполне состоявшуюся жизнь Сергея Павловича с этим научным термином. Стойко переносить удары судьбы, в любых обстоятельствах оставаться самим собой, по-мужски делать свое дело - ведь это тоже "сопротивление материала".

* * *

Перечитал написанное. Вроде все так, правильно. Но какой-то герой у меня получился... однозначный. Все работал, писал... А ведь он, как бы это поточнее выразиться, любит жизнь и в других ее проявлениях. Он человек увлекающийся и где-то даже с авантюрной жилкой. Любитель компаний - и чисто мужских, и смешанных. Не трезвенник, женщинам ручки целует... Заядлый дачник и винодел... И по части силы воли есть слабинка - никак курить не бросит, хотя сколько раз обещал...

О нем еще много чего можно рассказать. Но, с другой стороны, есть законы жанра - все же я писал биографический очерк и должен был представить героя в том, что было для него в жизни главным. Об остальном как-нибудь потом, в следующий раз.

"Звезда Прииртышья", октябрь 1997 года.

Что было потом

К своему 70-летнему юбилею С. П. Шевченко выпустил книгу "Уходя, оглянуться" - сборник рассказов и очерков. Особенно хороши в ней, на мой взгляд, новеллы о близких - художественно насыщены, по-человечески проникновенны. В этой книге, кстати, опубликован упомянутый прежде рассказ "Сопrotивление материала".

Павлодарский поэт Виктор Семерьянов откликнулся на выход сборника доброжелательно-ироничным четверостишьем:

*Уходить, это, блин, не вернуться,
И пришлось пессимизм охладить:
Зря назвал: "Уходя, оглянуться" -
Оглянулся - зачем уходить?*

И он не ушел. Опять удивил. Начал работать в Доме-музее Павла Васильева. Как оказалось - не без умысла: буквально за год родилась новая книга - "Будет вам помилованье, люди..." Это совершенно новый жанр для Шевченко - книга литературоведческая... Напомнил о себе, оказался востребованным опыт преподавания литературы в пединституте, что же касается творческой формы автора, то в ней он, похоже, остается всегда...

Во всяком случае, в аннотации к этой книге, вышедшей в Астане, говорится: "В книге Сергея Шевченко есть редкое сочетание - скрупулезный, тщательно выписанный документ эпохи переплетается с тонкими и глубокими наблюдениями и раздумьями над художественной стихией поэтического дарования Павла Васильева".

Кстати говоря, редкий случай - столичное издательство само нашло автора, заинтересовавшись главой из новой книги, напечатанной в "Казахстанской правде". Вторым изданием книга "Будет вам помилованье, люди..." выходит в Павлодаре к 90-летию со дня рождения Павла Васильева. Кроме того, к этой дате будет выпущен сборник избранных произведений поэта, составленный С. П. Шевченко. Он же написал предисловие к сборнику. А еще Сергей Павлович одержим идеей организовать необычную экспедицию по местам, так или иначе связанным с творчеством Павла Васильева и упоминаемым в его стихах и поэмах. Здесь должны быть Зайсан и Семипалатинск, Лебяжье и Павлодар, Иртышск и Урлютюб, Черлак и Омск...

Есть у Сергея Павловича еще один замысел. Как всегда, дерзкий. Правда, о нем он пока особо не распространяется. Мне сказал только, что это должна быть еще одна книга - может быть, главная книга его жизни.

Круг забот - простых и вечных...

Нетипичный случай

В редакцию позвонил разгневанный читатель: "Только и слышишь - реформы, реформы! А где результат? Я вот всю жизнь прожил в селе, назовите мне хоть одно место в области, где за последнее время стало не хуже, а лучше!..."

Мне казалось, что я знаю такое место, и, как только представилась возможность, отправился в бывший иртышский совхоз имени Абая, к Николаю Александровичу Миллеру.

Почти две сотни километров до Иртышска, около сотни от райцентра до самого хозяйства... Есть время подумать... И думалось вот о чем. По большому счету, прав был звонивший в редакцию читатель: село в очередной раз переживает одну из самых тяжелых страниц своей истории. Состояние дел во многих бывших совхозах можно охарактеризовать одним словом - разор. Ополовинены или вовсе опустели животноводческие фермы, скудеют хлебные поля, приходят в запустение аулы и деревни. В настроении сельского жителя преобладают растерянность и уныние.

Правда, я знал и другие примеры. Бывший колхоз имени Кирова в Павлодарском районе, бывший колхоз "Победа" в Щербактинском. Конечно, и им сегодня потруднее, чем прежде. Однако люди тут как раньше не бедствовали, так и теперь не бедствуют. Но эти хозяйства все же не поставишь в общий ряд, за ними председатели Виктор Кондратьевич Руди, Владимир Пантелеевич Поляков - каждый фигура, личность, не один десяток лет стоит у руля.

Тут же совсем другой случай. Краина области - до северной столицы ближе, чем до Павлодара, до Омской области рукой подать, совсем рядом - бывшая Кокчетавская. Глубинка, каких поискать. Да и командует здесь Миллер всего три года - разве это срок, чтобы по-настоящему развернуться, да еще в наши-то времена. И тем не менее результаты его хозяйствования очевидны, они на виду. Мне самому помогла суммировать все мои ощущения заведующая здешней библиотекой Татьяна Сенаторова:

- Вы обратите внимание, - сказала она, - у нас в Голубовке почти все улыбаются.

"Приехал жить и работать"

За последние годы с бывшим совхозом имени Абая произошли следующие метаморфозы. Сначала он стал коллективным сельскохозяйственным предприятием, а затем, уже при Миллере, - ТОО, то есть товариществом с ограниченной ответственностью.

Николай Александрович не согласен с тем, что его стаж работы в хозяйстве ограничивается последними тремя годами. До этого он тринадцать лет был здесь главным инженером. Годы работы вместе с тогдашним директором Николаем Терентьевичем Руденко (ныне аким Качирского района) считает далеко не худшими в своей жизни - то была хорошая жизненная и профессиональная школа. Потом несколько лет работал заместителем по производству областной (Иртышской) опытной станции. К тому времени в районе его уже хорошо знали - предлагали возглавить одно из соседних хозяйств, пару престижных предприятий в райцентре. Он решительно отказывался, а когда тот же Н.Т. Руденко, работавший начальником Иртышского департамента сельского хозяйства, завел разговор насчет их бывшего совхоза, у Миллера даже сердце екнуло: это мое.

Хотя радоваться особенно было нечему. Хозяйство к тому времени оказалось изрядно потрепанным: животноводство свели почти на нет, уборку по всем статьям провалили, зимовать как будто вовсе не собирались. Для себя Николай Александрович решение принял сразу, а жене не сказал ничего - и без этого знал, что будет против: кто же захочет менять дом на берегу Иртыша, откуда виден райцентр, на такую даль? Он ждал, что скажут люди. Они (как сговорились) задавали ему один-единственный вопрос: "Зачем приехал?" Тут было как минимум два подтекста. Первый - мол, видишь же, что тут творится, зачем тебе это? И второй - надолго ли к нам, или решишь какие-то свои проблемы - и до свидания?

И в кабинете на встрече со специалистами, и при встрече с односельчанами на ходу, и потом на общем собрании, где решалась его судьба, Миллер отвечал так же односложно, как его спрашивали: "Приехал жить и работать".

Проголосовали за него единогласно. Это произошло 24 сентября 1994 года.

Только после этого он позвонил жене. Она не поверила. Но мосты были уже сожжены.

Утром он пошел на ферму, к началу дойки. И лишь тогда стал понимать, какое получил наследство: на единственный уцелевший гурт дойных коров осталось три доярки, а всего скота насчитывалось меньше тысячи голов.

Потом, конечно, был "разбор полетов" с зоотехником... Трудный, но необходимый разговор состоялся со всеми специалистами. Ни одному из них, кстати, Миллер не предлагал уволиться - он их всех знал и просто заставил нормально работать.

Со временем разработали достаточно простую и эффективную систему оценки работы специалистов. Есть критерии, по которым специальная комиссия по итогам месяца определяет, кто как сработал, включая и самого Миллера. Оценок три: "удовлетворительно", "хорошо", "отлично". Соответственно начисляется и зарплата: за "хорошо" - стопроцентный оклад, за "удовлетворительно" - 30 процентов долой. Сначала большинство были в основном "троечниками", теперь - "хорошисты", до "отличников" пока не дорос никто. "Вот рассчитаемся со старыми долгами, - любит повторять директор, - тогда, может, и "отлично" заслужим".

Хлеб - зов земли

Если говорить о главных нынешних "профессиях" бывшего совхоза имени Абая, то он по-прежнему в первую очередь полевод, хлебороб. Причем со стажем. Селу Голубовка - это центральная усадьба хозяйства - недавно исполнилось 90 лет. Основали его российские и украинские крестьяне-переселенцы в конце прошлого века. Среди них, кстати, были и предки Миллера по материнской линии, заселившие здесь вместе со своими земляками улицу Ростовскую. Была еще Харьковская... Откуда ехали, так и называли. А ехали с наказом обустроить эти края, пахать землю, обучать этому ремеслу местное население, не враждовать, а дружить со степняками.

Потом была целина, при которой хозяйство обрело второе дыхание, а теперь оно одно из самых крупных в области по посевным площадям. Сеют в последние годы не меньше 20-22 тысяч гектаров, в основном пшеницу. Хлеб - фундамент, экономический стержень, без которого не выжить. Хотя дается он большим потом.

Однажды мне довелось побывать здесь во время уборки. Николай Александрович был в прекрасном расположении духа: наконец-то установилась хорошая погода, техника и тока отлажены, люди готовы работать сутками - и есть отчего - на отдельных полях намолоты - по 15-18 центнеров с гектара.

Мы выехали в поле... И всюду, во все стороны, были только одни хлебные поля. Везде, куда хватало взгляда, - хлеб, хлеб, хлеб... Самая земная из всех земных картин - где увидишь еще такое?

Неделю - полторы надо было для завершения уборки. А через пару дней (еще и сентябрь не кончился) выпал снег, местами до 30-40 сантиметров. Эта была самая настоящая трагедия. Хлеб все же убрали, но при этом, конечно, не досчитались сотен тонн отменной, уже выращенной пшеницы. Кого тут винить?

В следующем году - другая беда. Вовремя отсеялись, получили прекрасные всходы. Но затем 56 дней на землю не упало ни капли дождя. Вот что означает на практике зона рискованного земледелия. Тут у кого хочешь руки могут опуститься!

Все же выстояли посева. Спасло их то, что на совесть готовили землю и сеяли отличными семенами. Не зря несколько лет проработал Миллер в опытной станции, он и в "Абае" сразу поставил во главу угла семеноводство и сортообновление. Не побоялся потратить большие деньги на элиту и суперэлиту "Саратовской-29" и "Казахстанской-15". Теперь именно сортовые, высококлассные семена - опора полеводства, его финансовая база.

Собрали в том году круговую по восемь центнеров зерна. Не рекорд, конечно, но не будь хороших семян, не имели бы и этого. А так - рассчитывались зерном за горюче-смазочные материалы и гербициды, отдали, что положено, людям в качестве натуроплаты, заложили три тысячи тонн отборных семян (элита, первая - вторая репродукции) для будущего года. А самое главное - лежали в складах две тысячи тонн элиты и первой репродукции на продажу. Они станут основой для будущего хлеба в десятках других хозяйств.

Хозяйству присвоен статус элитно-семеноводческого. В ближайших планах Миллера - создание собственного сортоиспытательного участка, дальнейшее совершенствование семеноводства.

Предмет его особой гордости - зерновые тока хозяйства, их техническое оснащение. Основа закладывалась еще в те годы, когда они работали здесь с Н. Т. Руденко. Но кое-что удалось прирастить и совсем недавно. Обычно в уборочный пору ток на селе напоминает людской муравейник. Побывав здесь в разгар страды, я просто подивился безлюдью. Между тем все оказалось очень просто: главные работы на току механизированы, и человеку с лопатой тут нечего делать. Сегодня три механизированных тока способны принять, переработать и отгрузить в сутки до полутора тысяч тонн зерна. Надо ли говорить, насколько это важно в наших условиях, когда успех жатвы могут решать считанные дни. К сожалению, почти повсеместно в последние годы мехтока, склады, другая зерноочистительная техника приходят в запустение. Здесь все это работает как часы. Недавно прикупили и смонтировали две мощные зерносушилки. Если зерно идет влажное, они за сутки способны довести до нужных товарных кондиций 200 тонн зерна. Были небольшие проблемы с погрузкой зерна - приобрели два мобильных погрузчика. Начали асфальтировать зерновую площадку на току. Строится еще один склад...

- Иногда приходится слышать: надо ли в такой глубинке, как у нас, выращивать хлеб; мол, экономически нецелесообразно, - делится своими мыслями Николай Александрович. - Аргументы приводят такие: "горючку" приходится везти за 300 километров, уголь за 500 - разве все это окупится? Я так скажу: земля здешняя, если к ней относиться по-людски, способна давать такую отдачу, которая с лихвой покроет все эти расходы. Мы у себя десять раз считали-пересчитывали и пришли к выводу, что даже при 5-6 центнерах с гектара зерновое хозяйство у нас рентабельно. Но и сеять мы должны не меньше 20 тысяч гектаров. Что и делаем. С другой стороны, при нормальной работе даже в засушливый год по 8-10 центнеров с гектара получать обязаны. Так что не надо судьбу гневить - на такой земле только ленивый не прокормится. У нас классные механизаторы зарабатывают за месяц уборки по 45-55 тысяч тенге. Натуроплаты некоторые получают по пять тонн зерна. Тут, если и денег не получать, не пропадешь с голоду. Хотя и считать надо. Одно дело - продавать рядовое товарное зерно, другое - семена. Мы уже в этом году должны окупить прежние затраты на элиту и суперэлиту. Дальше будет прибыль. Мельницу итальянскую смонтировали и свое население обеспечили прекрасной мукой, и на продажу останется. Пекарню запустили. Да что там говорить: сеять у нас хлеб - это зов самой земли.

Как Миллер стал "провокатором"

Вряд ли найдешь в области хозяйство (бывший совхоз-колхоз), которое бы в последние годы прирастило поголовье скота, объемы продукции животноводческой отрасли. А здесь за минувшие годы рост поголовья трехкратный. Вот лишь некоторые цифры.

Когда Миллер принимал коллективное сельскохозяйственное предприятие имени Абая, на его фермах насчитывалось немногим более тысячи голов рогатого скота. Сейчас - около трех тысяч. Коров к его приходу почти совсем извели - даже полноценного гурта не набиралось, три доярки оставались. Сейчас дойное стадо насчитывает 500 голов да 300 нетелей, обслуживают их 32 доярки. На сотню коров получали 23 теленка, нынче - 87. Надоили за год молока в расчете на корову по 2,5 тысячи килограммов. Не рекорд, но подниматься-то пришлось с 500 килограммов.

Лошадей в хозяйстве не было. Теперь уже 300 голов, и это только начало. Свиной почти не было. Теперь завели свиноферму. Недавно сделали очередное ценное приобретение - доставили с переживающего период полураспада свинокомплекса "Дружба", что под Калкманом, 50 племенных свиноматок. То есть и эта отрасль ставится на солидную, профессиональную основу. Да и во дворах едва ли не у каждого, кроме прочего скота, свиньи - у иных по пять-десять голов.

Так что взлет не взлет, но второе рождение животноводства налицо. Что дало основание одному из коллег-руководителей назвать Миллера... провокаторм. Сказано это, конечно, было сгоряча, но посудите сами: у большинства хозяйств в области эта отрасль в загоне, а тут мертвой хваткой вцепились в убыточное животноводство и с каждым годом добавляют оборотов. Словом, выбиваются из общего ряда...

У Миллера есть что сказать на этот счет. Аргументы его - от жизни, они просты, а потому убедительны. Да, животноводство сегодня по уровню рентабельности никак не может тягаться с полеводством. Более того - оно почти у всех убыточно. Было таким до нынешнего года и здесь. Нынче должны сработать "по нулям". То есть прогресс заметен. Прежде всего потому, что нарастили поголовье, повысили продуктивность, капитально занялись переработкой продукции.

Молоко раньше возили частью на маслозавод в Иртышск, частью на его филиал в самой Голубовке. В Иртышск возить невыгодно - почти сто километров, а принимают дешево, вовремя не рассчитываются. И на филиал невыгодно - деньги не платят, рассчитываются маслом на грабительских условиях. Поэтому филиал маслозавода прикупили и масло делают сами. Это конечный продукт, им торговать выгоднее. И обрат остается - есть чем телят, поросят выпаживать. Стало быть, и себестоимость говядины, свинины снизится. Теперь еще оборудование для сыродельного цеха приобрели. К двум сортам масла добавится четыре сорта сыра - и самим хватит, и на продажу останется.

То же и с мясом. Торговать говядиной по восемьдесят тенге за килограмм - значит работать себе в убыток. Поставили колбасный цех. Килограмм колбасы - втрое дороже. Сначала сами наелись (прежде-то в большинстве семей ее делили от случая к случаю, а теперь в магазине в любое время), потом и продавать стали. Готовят и копчености.

Так, шаг за шагом, приспосабливались к реалиям жизни, возвращаясь к здравому смыслу, и поднимали отрасль.

- Животноводство никак не может быть у нас лишним, - убежден Николай Александрович. - Земли хватает, полеводство развито, соломы в любой год - сотни тонн, есть зерноотходы... Куда это все девать? И потом, полеводство - это сезонная работа и для мужчин, а чем занять женщин да и тех же мужиков зимой? А если вдруг неурожай? Мы 500 голов скота продадим и выстоим. А что делать тем, у кого его нет, - по миру идти? Так что как ни крути, а без скота нам не жить.

Могли бы иметь его и больше - не хватает помещений. А поскольку строить сегодня - удовольствие дорогое, ставят по методу алтайцев риги - легкосборные базы из леса-кругляка, крытые горбылем и соломой. Первые две обошлись раз в десять дешевле, чем прежние бетонные коробки, а скот в них чувствует себя прекрасно.

...Так что никакой Миллер не провокатор, а просто хозяин.

Солнце всходит и заходит

Обычный рабочий день директора - 12 часов. В страдную пору (посевная, уборка) - больше. Зимой пару раз в неделю заглядывает на фермы, к началу утренней дойки. Потом в контору - бумаги, специалисты, посетители. Это до обеда. После обеда - по другим производственным участкам - мастерская, перерабатывающие цехи, ток... Домой попадает затемно... Пару раз в неделю приходится выезжать - в Иртышск, Павлодар. В отпуск удается сходить не каждый год.

1600 человек в двух селах хозяйства. "3200 глаз", - уточнил Миллер. Люди видят, как работает директор, и признают за ним право спрашивать с них. Да и не надо теперь никого уговаривать - поняли: кто как работает, тот так и живет. Сказать, что голубовцы забогатели, будет преувеличением, зато правдой будет то, что они сегодня не бедствуют.

Ветеран хозяйства Иван Васильевич Гречанов уверял меня, что народу в кожаных куртках у них в Голубовке никак не меньше, чем в райцентре, и что цветные телевизоры у голубовцев - не такая уж редкость. А если серьезно, то получше других ощущают себя здесь люди по двум главным позициям - устойчивому заработку и крепкому, основательному подворью со всякой живностью. Правда, заработок - это не всегда деньги. В прошлом году денежный эквивалент составил у каждого 63 процента зарплаты, нынче - поменьше. Но через систему взаиморасчетов можно все, что надо, взять в местном магазине - продукты, товары первой необходимости, одежду. Притом по божеским ценам. Ну, а уж если свадьба, юбилей или, наоборот, печальное событие, то деньги выдаются по первой просьбе.

За последние годы из Голубовки уехало около десятка семей, а принято в два с половиной раза больше. Да еще полсотни заявлений о приеме на столе у директора. Но берут, конечно, не всех. Не хватает жилья. Построили пока два многоквартирных жилых дома, да еще восемь квартир разместили в переоборудованных под жилье зданиях интерната, фельдшерского пункта. В селе нет ни одного брошенного дома, а обложенный кирпичом камышитовый домишко целинных времен стоит здесь сто тысяч тенге. Почти как в Павлодаре.

Заасфальтировали нынче две улицы. Желаящие благоустроить дворы - асфальт свой, по символическим ценам. В порядке средняя школа, в этом году она пополнилась семьей учителями. Триста с лишним учеников получают бесплатные обеды. Работают детский сад, почта. Не дали "оптимизировать" библиотеку, среди читателей которой добрая половина взрослых и большинство ребятни.

Не хотел бы, чтобы у читателей сложилось впечатление, будто в ТОО имени Абая уже наступила райская жизнь. Есть пока у хозяйства долги и других проблем хватает. Но люди все же стали жить лучше. И это важнее всего.

Если вдуматься, ничего особенного Миллер и его помощники не делают и никаких секретов у них нет. Да и не может быть особых секретов у людей, живущих от земли. Все так же всходит и заходит для них солнце. Все та же у них земля, которую надо обихаживать, и тот же скот... Все это было, есть и будет - нескончаемый круг крестьянских забот, простых и вечных. А удача приходит к тем, кто больше и лучше работает - вот и все рецепты.

О Послании Президента

Послание Президента лежит у Миллера на столе, не раз прочитано. Николай Александрович размышляет, я записываю.

- Первое и самое главное, что я вынес из Послания - Президент всерьез озабочен нынешним положением села. А положение его критическое, и, если не произойдет перелома, продовольственный вопрос из сельскохозяйственного вполне может стать политическим. Я думаю, осознание этого есть, потому-то село и названо в Послании одним из приоритетов.

- Второй важный вывод: селянину самому надо определиться. Никто больше не будет за него решать его судьбу - ни Бог, ни царь и не герой. Государство, образно говоря, устанавливает правила игры, все остальное человек должен решать сам - хозяйствовать самостоятельно, объединяться с соседом или идти со своим имущественным и земельным паем к более умелому хозяину, стать у него наемным работником. Все это, подчеркиваю, должен решать

сам человек, но и отвечать за свои действия сам. Государство, аким района, руководитель хозяйства ничьими няньками не будут - у них свои задачи.

- Собственно, у нас, в Голубовке, это уже поняли - и механизаторы, и животноводы. Никого не надо агитировать в уборку, каждому ясно, что он закладывает фундамент своего собственного благополучия. И вот когда такой перелом произойдет в большинстве голов, - чтобы лучше жить, надо больше и лучше работать, а еще думать, думать и думать, - тогда начнутся сдвиги в экономике.

- Но все же Послание требует конкретизации - реальных указов, законов, решений, - продолжает Николай Александрович. - Так, в нем предусмотрены льготные кредиты для особо нуждающихся, а также для крестьянских и фермерских хозяйств. Споры нет - их надо поддерживать. Но ведь погоду сегодня делают не они, а мы - крупные хозяйства, сохранившие потенциал. Мы оказались как бы между концами ножиц. Кредиты и нам необходимы как хлеб, как воздух. Вот наше хозяйство вроде не из бедствующих, но мы пока лишь сводим концы с концами. А ведь нужны вливания средств - уже пять лет не обновляем технику, машинно-тракторный парк катастрофически ветшает; "спрямляем" технологию в земледелии, а это тоже чревато потерями - в наших условиях нельзя без минеральных удобрений, гербицидов. Наконец, и строить надо. Никто не говорит о том, что кредиты должны быть беспроцентными, а тем более безвозвратными, как раньше. Но и не грабительскими, обязательно долгосрочными. И тогда мы будем получать не по 7-8 центнеров с гектара, а вдвое больше - даст отдачу технология, плюс с новой техникой не будем терять по два центнера урожая на гектаре. Повысим качество продукции, разовьем переработку. Все это - реально. Притом я не милостыню прошу, а готов заложить свое имущество, урожай, скот. Не идут пока банки навстречу. Вот тут и нужна мудрая государственная подпитка - законодательная, распорядительная...

- О земле. С ней надо определиться. Если уж вы ее передали мне, она должна быть за мной вечно. Она должна быть в частной собственности у крестьянина, объектом купли-продажи.

- Основные пути, по которым пойдет дальше сельское хозяйство, в общем, определились. Те предприятия, что сохранились, как наше, должны подняться даже при небольшой поддержке кредитами и более разумной налоговой политике. Те, что распались на крестьянские хозяйства (в размере бывших отделений), тоже не пропадут. У них есть возможность получать хорошие урожаи за счет лучшей работы на меньших по объему площадях. Получал же здесь мой отец урожай в 30 центнеров с гектара. Если так работать, можно сеять меньше, а валовой сбор иметь тот же.

- При желании и умении скотоводство и коневодство в наших условиях тоже не пустое занятие. Даже тот, кто хозяйствует один, своей семьей, не пропадет, если будет держать тех же коров, бычков, лошадей.

- Очень важно усвоить и такую вещь: у бедного хозяина не может быть богатых работников. И наоборот: если в хозяйстве люди богатеют, значит, и само оно не хилое. Это вещи взаимосвязанные и взаимозависимые - человек только тогда станет заинтересованно работать, когда почувствует, что это ему выгодно.

О Родине и патриотизме

В нашем повествовании никак не обойти еще одну тему. Насколько деликатную, настолько злостную. Из Казахстана уезжают. В том числе немцы, прекрасные работники. Карл Яковлевич Блац, Александр Федорович Симон, Яков Федорович Райсих, Иван Федорович Штрайф... Какие имена! Уехал и родной брат Николая Александровича - хороший агроном, один из тех, кто создавал мощное тепличное хозяйство на Павлодарском химическом заводе. Уехал еще и потому, что теплицы эти в конце концов оказались никому не нужными. Труднее, каких поискать, и агроном божьей милостью, он и в Германии прижился, занимается любимым делом - выращивает все те же цветы, ни в чем не нуждается. "Живет там, а душа осталась здесь", - сказал о брате Николай Александрович.

Край, где вырос, а теперь работает Миллер, по-своему особый, были в его истории и трагические страницы. В 1933 году в результате сплошной коллективизации здесь разразился голод. Тяжко было всем, но особенно казахам, оставшимся после бездумного и бесчеловечного принуждения их к оседлому образу жизни (этот процесс именовался политикой "оседания коренного населения") без скота, а следовательно, и без средств к существованию. Они вымирали целыми аулами. Уцелевшие брели в сторону Омской, Новосибирской областей, многие умирали в пути... Эта дорога проходила в здешних местах, ее так и называли - дорога смерти. Шли по ней и разорившиеся потомки российских переселенцев, среди которых были и будущая мать Миллера со своим отцом... Дойти смогли только до соседней Артемовки, выжили чудом...

А в 1941 году в одну из здешних деревень привезли ссыльных немцев, среди которых оказались и Миллеры: дед с бабушкой, будущий отец Николая с братом и четверо их сестер. Был у них свой дом в поселке Дергачи, что в Саратовской области, хороший дом - полная чаша... А оказались без ничего в голой степи, за тридевять земель. Мужчин сразу мобилизовали в трудармию, а мать с четырьмя дочерьми осталась. Как они выжили - уму непостижимо. Когда будущий отец Николая в 1944 году вернулся к семье (списали по состоянию здоровья), застал сестер босыми, одетыми в мешковину на голое тело...

Спасло их то, что еще до войны Александр Миллер успел окончить курсы комбайнеров. Он стал единственным в ту пору комбайнером на пять окрестных сел - Шевченко, Агашорын, Артемовку, Стражу, Жанатан. В 1945 году познакомился с будущей матерью Николая.

Сорок лет, с 1947 по 1986 год, проработал Александр Александрович Миллер бригадиром тракторно-полеводческой бригады. О том, как работал, можно судить по наградам: орденам Ленина, Трудового Красного Знамени, десятику медалей. Лучший результат его бригады - 31,8 центнера зерна с гектара - не превзойден и поныне. Представляли старшего Миллера к званию Героя, но не прошел: показатели соответствовали вполне, а вот образование (три класса!) и национальность (немец) подкачали...

Дети отца видели редко - главным образом зимой. Весну, лето, осень, девять месяцев в году - он проводил в поле; если и забегал домой - они уже спали, а уходил - еще спали. Тем не менее отец был и остается для Николая Александровича главным авторитетом, мерилем всех ценностей.

От отца у него трудолюбие, уважение к делу, верность слову. От матери - жизнелюбие, веселый нрав.

Свою судьбу Миллеры-младшие определяли сами. Отец, кстати, был очень горд, когда узнал, что Николай решил стать механиком, и радовался его поступлению в Щербактинский техникум механизации больше, чем поступлению его брата Александра в Омский сельхозинститут. А уж когда внук, сын Николая, тоже пошел по стопам отца, гордости старого Миллера не было предела...

Очень важной вехой своей жизни считает Николай Александрович службу в армии. Это потому, что служба у него была особая. Благодаря отменному здоровью и приобретенной ранее специальности он попал на флот. Из трех лет службы в общей сложности более половины срока провел в автономном плавании (без всплытия!) на атомной подводной лодке. Сверхсекретная и сверхответственная служба приучала к ответственности, выносливости, взаимовыручке, оттачивала и закаляла характер.

Со службой связан необычный случай в его семейной жизни. Подводникам полагается особый - до 70 суток - отпуск. Николаю его хватило на то, чтобы жениться. В сельсовете их с Тamarой расписали, все чин чинном, а за несколько дней до отбытия он привел ее к себе в дом, родителям сказал: так, мол, и так, молодая жена будет жить с вами, меня дожидаться... И отбыл дослуживать.

Но случилось непредвиденное: буквально в день приезда в часть его перевели на другой корабль, отправлявшийся в восьмимесячную "автономку". В подобных случаях положено предупреждать семью: буду на задании, оттуда писать не смогу. Николай просто не успел. А по линии командования тоже не известили...

Больше полугода лодка находилась в Саргассовом море, у берегов США, как-то Николаю даже удалось поглядеть в перископ на знаменитые Майамские пляжи в неоновых огнях...

И вот вернулись на базу. Почтальон тащит почту: две сумки, одну большую для всех и одну поменьше - лично для Миллера. Писем оказалось несколько десятков. В основном, конечно, от жены, но в том числе и целых три от отца. Поскольку писем ему отец никогда не писал (три класса, какая там грамота!), с них и начал. Конечно же, отец был озабочен молчанием сына, но куда больше - тем положением, в которое он поставил молодую жену и их с матерью - как им вести себя: если не собирался жить с женой, зачем привел ее в дом? Затем Николай взялся за письма юной супруги, а она писала чуть не каждый день. Там сперва все положенные нежности, потом обиды, слезы... Все перечитывать не стал, пошел к замполиту: вы мне разрушили семью, что хотите теперь, то и делайте! Тот быстро подготовил соответствующую бумагу на родину: никакой ваш сын и муж не разгильдяй, а наоборот, можно сказать, герой...

Так что спасли общими усилиями молодую семью. А демобилизовавшись, Николай привез жене подарок - две с половиной сотни шоколадок. Им их в "автономке" выдавали по штуке в день, он шоколад не ест, вот и накопил.

И еще одна деталь, касающаяся службы. Служил он в Северодвинске Архангельской области. Как раз в эту область после раскулачивания сослали из Саратовской области бывшую семью бабушки, матери его отца. Саму бабушку спасло то, что она была уже замужем за Миллером. Миллеры, к счастью, оказались середняками, а ее семья - Биль - была позажиточнее, вот ее и раскулачили. Она получила одно-единственное письмо - из Архангельска. И вот спустя тридцать с лишним лет наедине попросила внука - может, там, на месте, что-нибудь удастся узнать? Николай пришел к замполиту, тот прямо сказал, что лучше этим делом заняться после окончания службы. Николай все же написал в областной архив, но ответа не получил.

Вот какой трагически изломанной оказалась судьба Миллеров-Билей да отчасти самого Николая. И сам он кто? По происхождению числит себя немцем, хотя в его жилах течет и славянская кровь - матери. По воспитанию - скорее русский, вернее, бывший советский человек. Где его родина? В Саратовской области, где покоится прах нескольких поколений его предков? В Германии, где теперь его брат и куда наказывал вернуться отец? Или все же здесь, на Иртышской земле, где он родился и вырос и где он теперь далеко не последний человек? В родной Артемовке у него пятнадцать могил родных ему людей, в том числе и отца с матерью. Правда, самой Артемовки почти нет - тоже умерла. Зато есть Голубовка, где его знает каждая собака и где он знает всех. Где нет ни одного брошенного дома, а новые хоть понемногу строятся. Где сам он три года строил себе дом, наконец выстроил и перевез семью.

Он вполне современный руководитель - волевой, хваткий, если надо - жесткий. И старомодный человек - ему важно знать, что скажут о нем люди. У него есть мечта. Он мечтает о том, чтобы люди в Голубовке когда-нибудь сказали: вот был у нас Миллер, это он сделал, чтобы всем жилось лучше.

* * *

В последнее время много говорится о необходимости воспитания у нас, а особенно у наших детей, чувства казахстанского патриотизма. И это, в общем, правильно: без этого чувства - чувства сопричастности каждого к судьбе своей страны, государства - у нас никогда не будет сильной, процветающей родины.

Это чувство проявляется у людей по-разному. Американцы, например, любят вывешивать у своих жилищ флаг своей страны. Необязательно к праздникам - это вообще у них традиция. У нас многим традициям еще только предстоит родиться.

Два года назад мне довелось с группой казахстанцев побывать в США. Мы ездили по разным городам, и с нами тоже был государственный флаг нашей страны. И когда мы оказались в Вашингтоне, у известного всему миру здания Капитолия, где заседают американские парламентарии, один из наших сограждан, взяв казахстанский флаг, принялся размахивать им на ступенях Капитолия. Он делал это с большим энтузиазмом, будучи уверенным в том, что совершает нечто значительное. Наверное, он казался себе настоящим патриотом... А нам всем было неудобно...

Мне кажется, патриотизм - глубоко личное, интимное чувство, которое сродни любви к близкому человеку. Поэтому мне ближе и дороже тихий, земной патриотизм "абаевца" Николая Миллера из далекой иртышской Голубовки.

"Движение - нормальная форма жизни"

С некоторых пор в нашу повседневную жизнь вошла новая реальность: нас уже не удивить иностранцами. Кто только не побывал за последние годы в Павлодаре! Немцы и французы, американцы и англичане, китайцы, корейцы и японцы... Впрочем, боюсь, список будет очень длинным. Некоторые иностранцы обрели у нас постоянную прописку - возглавляют совместные производства, работают на предприятиях, перешедших в собственность зарубежных компаний.

Один из них - Пол Родзянко, вице-президент "Аксес Индастриз". Его родители из России, сам он родился в Америке, гражданин Соединенных Штатов, а теперь немалую часть жизни проводит в Казахстане, в частности, в Экибастузе, где представляемая им фирма владеет крупнейшим в мире угольным разрезом "Богатырь".

Так уж вышло, что мы с Полом оказались в составе областной делегации, которая побывала в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. В ходе поездки, целью которой было обсуждение проекта транспортировки электроэнергии с Экибастузской ГРЭС-1 в эту страну, мы общались, обменивались мнениями, случилось - спорили. Мне удалось кое о чем расспросить Пола. Это было отнюдь не праздное любопытство - мне хотелось понять, что за люди приходят к нам, ведь они сегодня делают погоду в казахстанской экономике.

Наверное, прежде всего надо сказать о том, что в моем восприятии теперь существуют два Пола. Один, что называется, свойский рубаха-парень - вот он весь перед вами: простой, открытый, веселый, душа нараспашку. С таким хорошо быть в компании за одним столом, в дороге за непринужденной беседой - обо всем на свете. Таким Пола видели большинство из нас во время той поездки. Но есть и другой Пол - тот, с кем я проехал в одной машине от Семипалатинска до Павлодара, пытаюсь "раскрутить" его на откровенный разговор. Этот Пол был сдержан, скорее скрытен, чем откровенен, не слишком разговорчив.

Что ж, тут, пожалуй, нечему удивляться: досуг досугом, а работа работой... Хотя у меня сложилось впечатление, что и досуг, непринужденное общение - неотъемлемая, очень важная часть его работы. Работы человека, которому, как он сам выразился, одних фактов и цифр чаще всего недостаточно - ему нужны еще причинно-следственные связи, скрытые пружины тех или иных процессов. Человека, который больше любит учиться, чем учить.

Пол Родзянко - потомок знаменитой российской фамилии. Его прадед по отцовской линии был родным братом председателя предреволюционной российской Государственной думы - Михаила Владимировича Родзянко. Правда, этого своего знаменитого предка Полу увидеть не довелось - прадед умер за два с лишним десятилетия до его рождения. Осталась книга мемуаров "Крушение империи", которую Пол подарил нашему Президенту Нурсултану Назарбаеву при их личной встрече. Теперь эта книга есть и у нас в редакции.

Дед Пола по отцовской линии по поручению последнего российского царя Николая Второго был направлен в декабре 1916 года в длительную командировку в Англию - для решения вопросов, связанных с военными поставками. Время смутное - война, поездка - не на один год, и дед попросил царского согласия взять с собой семью. Ему это было дозволено - так Родзянки оказались в Англии. В августе 1918 года деду Пола придется отправиться со специальной английской миссией по возможному вызволению царя в Екатеринбург, куда они пришли через Сибирь вместе с белыми войсками. На месте миссия оказалась через несколько недель после гибели российского императора, ей удалось отыскать лишь любимого спаниеля царской семьи, который по возвращении был передан матери Николая Второго Марии Федоровне.

Будущая мать Пола до 1916 года вместе с братом училась в Швейцарии.

Родители Пола потом жили в Швейцарии, Франции, Англии, а в 1945 году оказались в США, куда был переведен военным атташе его будущий отец - офицер английских военно-воздушных сил.

Пол родился в Америке, став полноправным гражданином США. Русскому языку его обучала бабушка. Уже в детстве он читал книги на русском языке и, насколько я мог усвоить из наших бесед, весьма прилично знает русскую литературу.

Я спрашивал у Пола: имело ли в США значение то обстоятельство, что он потомок столь известной фамилии. Он однозначно сказал - нет: никому в Америке не было до этого никакого дела. Он сказал такую фразу: там вообще свободнее быть анонимом. В редких случаях фамилией Родзянко интересовались люди, занимающиеся русской историей, или те, кто, если можно так выразиться, "коллекционировал" экзотические знакомства.

Так что Пол рос, создавая себя сам и рассчитывая лишь на свои силы. Окончил Принстонский университет, исторический факультет. Параллельно получил степень магистра в институте Вермонта, где изучал русский язык и литературу. Изучал еще дипломатию, а также все, что связано с Россией, к которой он всегда питал особый интерес и где хотел поработать.

Когда я попытался уточнить, каков все же основной род деятельности Пола, он коротко заявил: "Главным образом я финансист". Помолчал и добавил: "Но мне цифр недостаточно, мне надо видеть, знать и понимать экономические, политические и технологические процессы".

Пол работал в крупнейшей американской компании "Дженерал Электрик", основанной еще Томасом Эдисоном. Это огромная финансово-индустриальная группа, работающая во всем мире, со штаб-квартирой в Нью-Йорке. И бизнес у нее соответствующий, связанный с развитием инфраструктуры, разрушением границ (не в буквальном, разумеется, смысле), созданием новых глобальных технологических систем и систем отношений между странами мира. Но, помимо этого, она производит и товары народного потребления. Здесь Пол проработал 10 лет. Затем руководил двумя частными энергетическими компаниями. Потом его через фирму, которая специализируется на поиске перспективных деловых людей, "нашла" "Аксес Индастриз". Работу в Казахстане Полу предложил президент этой корпорации Лен Блаватник. Они не были знакомы, но то, что предлагал Блаватник, и то, как он говорил, заинтересовало Родзянко.

Пол уже более двух лет живет на два дома. Один у него в США, в Нью-Йорке. В нем жена и двое детей - дочь девяти лет и семилетний сын. А другой дом - в Экибастузе (Пол шутит, что есть еще третий - самолеты и автомобили). И хотя основная часть его работы - в Нью-Йорке, в Экибастузе он старается бывать как можно чаще. Не реже раза в месяц ему приходится летать на другую сторону земного шара. Тому, кто хоть раз это проделал, известно, насколько утомительно подобное занятие. Но Пол никак не производит впечатление человека, утомленного жизнью. Скорее, наоборот - он энергичен и жизнерадостен, как истинный американец, ему все любопытно, круг его интересов чрезвычайно широк.

Касаясь своих дел в Экибастузе, Пол говорит: "Аксес Индастриз" удалось решить весьма сложную задачу: вычленив из государственного акционерного общества "Экибастузкомир" и приватизировать крупнейшее угледобывающее предприятие - разрез "Богатырь", нормализовать его работу. По мнению Пола, главное не количество, а качество производства, где, в свою очередь, он выделяет следующие составные: сбыт, собираемость бизнеса (потоки денежных средств), себестоимость, снабжение, состояние. Этот перечень Пол называет законом "пяти с", в шутку добавляя сюда шестое "с" - "стэтику", то есть эстетику производства - ведь не последнюю роль играет то, как смотрится предприятие. Самое слабое звено "Богатыря", на его взгляд, собираемость средств, а еще - себестоимость: ее надо снижать, совершенствуя технологию отгрузки угля от места добычи до железнодорожного вагона.

Я спросил Пола, как он оценивает саму идею создания Экибастузского топливно-энергетического комплекса - ЭТЭКа - и степень ее реализации. Очень высоко, сказал он: люди, придумавшие и сделавшие это, заслуживают величайшего уважения.

В поездке по Китаю мы много говорили об идее экспорта нашей электроэнергии в эту страну. Суть достаточно проста: нынешние мощности Экибастузской ГРЭС-1 используются в лучшем случае на 20 процентов. А бурно развивающимся районам Китая - нашим соседям - этой энергии как раз не хватает. Пол считает весьма перспективным предложенный акимом области Галымжаном Жакияновым проект создания энергоцентра "Экибастуз - Чугучак - Урумчи" и готов, как и руководство американской компании АЕС, владеющей Экибастузской ГРЭС-1, содействовать его долгосрочной реализации.

Кроме того, в сферу интересов Пола входят также энергетика, минеральные ресурсы, международные финансовые вопросы, политические связи в Америке, контакты с конгрессменами. Запросы, как у нас сказали бы, - будь здоров!

Власти города Экибастуза пригласили Пола стать сопредседателем комиссии по развитию малого бизнеса, и он согласился. Ему глубоко импонирует цель Президента Назарбаева создать в нашей стране средний класс собственников. Практически все новые рабочие места в США, утверждает Пол, создаются малым бизнесом. Он привел цифры: в Америке предпринимательством занимаются 16 миллионов человек. Именно мелкие фирмы берут на работу молодых людей и пенсионеров, которым обычно сложнее всего трудоустроиться. Некоторые удачливые бизнесмены начинают свое маленькое дело, работая на крупных предприятиях. Вот и у нас в области, по мнению Пола, надо использовать энергию крупного бизнеса для создания сети частных малых производств; первые должны тянуть их за собой, создавая благоприятный экономический фон для развития малого и среднего бизнеса. В Экибастузе уже есть такой "кит" - "Богатырь", вокруг которого действуют подрядные, снабженческие и другие предприятия подобного рода.

Нужны налоговые послабления для тех, кто хочет открыть свое дело. Необходима здоровая конкурентная среда - на открытых свободных тендерах местный капитал должен на равных конкурировать с международным. Все это говорил мне Пол после доклада Н.А. Назарбаева на республиканском форуме предпринимателей.

Мы не создаем сеть малых частных предприятий, разъяснял мне Пол, но создаваемый нами экономический фон, энергетическое поле "Богатыря" формирует благоприятную среду для зарождения и развития малого и среднего бизнеса. Вообще же говоря, подчеркивает Пол, человек сам должен ставить перед собой цель, находить средства для ее осуществления и сам отвечать за свои действия. (Тут, впрочем, наверное, будет уместно добавить, что "Аксес Индастриз" и не против благотворительности - вспомним хотя бы оплаченные ею гастроли Майи Плисецкой в Павлодаре и композитора Александра Журбина в Экибастузе.)

В Экибастузе Пол вместе с некоторыми другими специалистами "Аксес Индастриз" живет в купленном ими доме - отреставрированном бывшем детском саду. Тут же и офис фирмы. Те, кто успел побывать в его рабочем кабинете, говорят, что он скорее напоминает зал этнографического музея: тут тибетейки и чапаны, нарядные корпе и домбра, картины местных художников. Работает Пол в среднем по двенадцать часов в день, а если надо, то и больше. Он говорит, что для него очень важно - какие вещи его на службе окружают, радуют ли они глаз. Пол дружит с несколькими экибастузскими семьями, назвать которые отказался ("Это частная жизнь"). По воскресеньям ходит на

рынок, отправляется рыбачить на водохранилища канала Иртыш - Караганда или на озеро Жасыбай отдыхать. Играет в большой теннис. Собирает значки, открытки, картинки с изображением Ленина...

Он уже много лет знаком с Евгением Евтушенко. Они познакомились еще в ту пору, когда Пол был студентом университета. А Евтушенко у них в США выступал. Пол представил поэта Александре Львовне Толстой, одной из дочерей выдающегося писателя и своей родственнице. Александра трижды перепечатывала для отца на машинке "Ремингтон" "Войну и мир". Титанический труд!

С тех пор знакомство Евтушенко и Родзянко уже не прерывалось, и когда поэт позвонил ему в Америке, где теперь тоже проводит большую часть жизни, рассказал о том, что был в Павлодаре и познакомился с художником Александром Бибиным, Пол в первый же приезд пришел в музей и купил картину этого художника.

Для него очень важно знать и понимать народ той страны, где он работает. Ему интересно все: традиции, обычаи, особенности искусства. Говорят, что его жилище в Нью-Йорке уже чем-то напоминает казахскую юрту. Его домашние с удовольствием позируют перед фотообъективом в казахских национальных одеждах. Однажды сам Пол оказался в Нью-Йорке на торжественном сборе в американском клубе исследователей. Там были путешественники, ученые, многие знаменитые люди, журналисты. Один из участников сбора, увидев Пола, удивился: я много лет путешествую, объездил весь мир, но нигде не встречал такой одежды, как на вас... Откуда она? Пол был одет в роскошный расшитый казахский чапан и охотно давал пояснения...

Побывало в Экибастузе и семейство Пола: его жена Чонси и дети - Марина и Александр. Кстати говоря, история его женитьбы тоже достаточно романтическая. Чонси работала в одном из музеев Нью-Йорка. Как-то здесь организовывали выставку работ российского мастера Фаберже. Подготовили соответствующие декорации, гости должны были быть в платьях эпохи Фаберже... Не хватало еще какой-то изюминки. Знакомая Чонси из Сан-Франциско - Марина Романова (это ее девичья фамилия) посоветовала ей воспользоваться услугами своего кузена, который может организовать выступление ансамбля балалаечников. О лучшем и мечтать не приходилось, а кузеном оказался Пол Родзянко - будущий супруг.

В Экибастузе Родзянки отпраздновали день рождения сына. За праздничным столом, кроме виновника торжества и детей работников "Аксес Индастриз", были ребяташки из местного приюта. Ни один маленький гость не ушел без подарка.

Запомнится экибастузцам поэтический вечер Евгения Евтушенко, который побывал здесь по приглашению Пола. А город поэту на правах старого друга и хозяина показывал Родзянко.

Его хватает на все. В Китае мы поражаемся его активности, часто просто не поспеваем за ним. Пол непрерывно менял фотопленки: он снимал наши бесконечные переговоры с китайцами, приемы, устраиваемые в нашу честь, экзотические обеды и ужины, которыми нас угощали; он успевал запечатлеть и суперсовременные уголки Урумчи и убогие жилища китайцев в почти безлюдных горах в нашем без малого семисоткилометровом автомарафоне из столицы СУАР в Чугучак; он фотографировал уличных торговцев и шапки сорочьих гнезд в придорожных лесополосах...

Он один приобрел сувениров больше, чем все остальные, вместе взятые. В то время как многие из нас до конца поездки просили за столом ложки и вилки, он в два счета, с ходу, как заправский китаец, стал пользоваться деревянными палочками. Он проехал за рулем джипа по двору нашего посольства в Чугучаке и, кажется, был на седьмом небе от счастья: "Я сам ездил по китайской земле!"

Живой, как ртуть, он везде оказывался первым, используя каждую минуту для того, чтобы увидеть, узнать, понять...

"Движение - нормальная форма жизни", - сказал мне "русский американец" Пол Родзянко в ответ на вопрос, не утомляют ли его передвижения, которых у него в последнее время стало так много.

А среди его ближайших планов - перечитать "Войну и мир" Льва Толстого...

"Жизнь моя - железная дорога"

Факты из биографии
Аби Саркыншакова

Очень часто именно детство определяет всю дальнейшую судьбу человека. Так было и у Аби Саркыншакова. Он вырос на затерянном в казахстанских просторах крошечном железнодорожном разъезде. Точно таком, какой описан у Чингиза Айтматова в "Буранном полустанке" - здесь даже поезда почти не останавливались и жили всего несколько семей железнодорожников.

У него был шанс стать агрономом, журналистом... Но все-таки он стал железнодорожником. Учиться поехал в Ташкент, там было в ту пору 15 институтов, он выбрал в железнодорожном факультете эксплуатации железных дорог. Последний потому, что здесь была самая высокая стипендия. А это для него и его немолодых, неграмотных и далеко не богатых родителей имело не последнее значение.

Поступить-то поступил, а как учиться, если занятия велись на русском языке, а он окончил казахскую школу. Так что первое время Аби было очень нелегко, но русским он занимался очень усердно и постепенно освоил его. Втянулся в студенческую жизнь, выполнял комсомольские поручения, занимался спортом, писал заметки в институтскую многотиражку.

И вот в кармане диплом инженера по эксплуатации железных дорог и направление - на станцию Павлодар. 1956 год. В то время, конечно, и Ташкент был не тот, каким он стал позднее. А что говорить о Павлодаре? Деревня деревней. Песок, пыль, одноэтажные домишки, саманушки, почти нет зелени...

Кажется, как раз тогда строился знаменитый шестнадцатиквартирный - первый многоэтажный (в три этажа!) дом в городе. Областные и республиканские газеты публиковали снимки строения, неизменно сопровождая подписями такого содержания: растет, благоустраивается и хорошеет наш Павлодар...

Аби прямо с поезда пошел в отдел кадров, представился. Сказали: есть инженерные должности. А он попросился стрелочником - хотел начать с первой рабочей профессии... Назначили дежурным по парку станции Павлодар.

Как же он мерз в свои первые павлодарские зимы! Он ведь был южанином, да и учился в Ташкенте, где зимой вполне можно было обойтись без теплого пальто и шапки. А тут ветры, бураны, морозы за минус сорок. На работе еще ничего, а дома, ночью... Домом был то один, то другой списанный вагон с печкой-буржуйкой. Пока топиться - терпимо, а перестал - через час холод до костей пробирает. К холоду он, кажется, до сих пор не привык...

А в остальном жизнь шла своим чередом. Быстро продвигался по службе: дежурный по станции, инженер станции, поездной диспетчер. Кругом было много молодежи, его уже знали, избрали секретарем комсомольской организации... Как-то мы с ним просматривали сохранившиеся с тех лет (1957-1958 годы) протоколы комсомольских собраний. На каком-то из них от души чехвостили нарушителей трудовой дисциплины. И один из выступавших дословно высказался так: "Можем ли мы доверять таким комсомольцам в то время, когда американские империалисты развязали гонку вооружений и готовятся развязать новую мировую войну?" Вот как ставились вопросы. До оргвыводов тогда дело, правда, не дошло...

Меньше чем через четыре года, в 1960-м, Аби Саркыншакова назначили начальником станции Павлодар. И было в ту пору начальнику 26 лет. Еще через девять лет - с начала 1969 года - он первый заместитель начальника Павлодарского отделения дороги, с 1975-го - начальник отделения. На этой должности он пробыл больше 20 лет: пришел в 41 год, а оставил ее уже после своего шестидесятилетия.

То есть всю свою жизнь Аби Саркыншаков проработал на одном месте, в Павлодарском отделении железной дороги. Редкий, наверное, исключительный случай для кадровых железнодорожников.

* * *

Помимо всего прочего, человеческая жизнь измеряется и тем, что человек успел в ней повидать, что успел сделать. И в этом смысле ему тоже повезло. Рос и развивался, меняясь буквально на глазах, город. Несколько настоящих технических революций пережило и некогда провинциальное, захудалое отделение железной дороги. Сначала это происходило с участием Аби, а потом - под его непосредственным руководством.

На стыке шестидесятых и семидесятых годов все мировые информационные агентства облетела сенсационная новость: в Советском Союзе выпущен последний паровоз. В чем сенсация? А в том, что переход с паровозной тяги на тепловозную в стране с такой протяженностью дорог, с такими пространствами сам по себе означал техническую революцию.

Первые три тепловоза марки ТЭ-3 прибыли в Павлодарское локомотивное депо в марте 1961 года. А вместе с паровозами уходили в прошлое грязь, уют, сутолока... Тепловозы оказались вчетверо производительнее своих старших собратьев и наполовину быстрее в скорости.

Теперь это неблизкая история, а для Саркыншакова - один из ярких эпизодов его жизни, как, впрочем, и электрификация одного из самых напряженных участков Экибастуз - Целиноград, замена тепловозов электровозами.

Быстро строили второй главный путь на участке Целиноград - Павлодар, а фактически заодно реконструировали и обустраивали все сложное железнодорожное хозяйство...

Потом был ЭТЭК - Экибастузский топливно-энергетический комплекс - особая строка в биографии Саркыншакова. Ведь не только угольщики, но и железнодорожники обеспечивали невиданные темпы развития угледобычи. Вот лишь некоторые цифры.

В конце декабря 1954 года в Экибастузе на едва отстроенном угольном разрезе был загружен и первый состав железнодорожных вагонов.

В середине следующего года добыли первую миллионную тонну, через два года - десятиmillionную. В 1965-м добывали уже более 12 миллионов тонн угля в год. После сдачи в 1970 году в эксплуатацию разреза "Богатырь" объемы добычи резко возросли.

В октябре 1978 года добыта 500-миллионная тонна экибастузского угля. К этому рубежу горняки шли 24 года. А миллиардная будет отгружена всего через семь лет.

Ко всему этому павлодарские железнодорожники имеют самое прямое отношение: весь экибастузский уголь грузился в вагоны и отправлялся по железной дороге на тепловые электростанции Казахстана, Урала, Сибири... Это была трудная, иногда на пределе сил, высокопрофессиональная работа. Объем отправляемых грузов в 1984 году составлял около 97 млн тонн, в 1985-м - свыше 99 млн, в 1986-м превзошли стомиллионный рубеж погрузки. Возили, разумеется, не только уголь, но и ферросплавы, нефтепродукты, глинозем, тракторы и сельхозмашины, строительные материалы. Хотя главным грузом оставался все-таки уголь.

Чтобы понятнее было, с какими объемами отправления грузов приходилось иметь дело, Аби Саркыншакович как-то показал мне задание министерства путей сообщения на суточную погрузку, утвержденное министром Н. С. Конаревым для железных дорог страны. Так вот, в феврале 1987 года Павлодарское отделение с заданием на суточную погрузку в 351 тыс. тонн было на 12-м месте в Союзе среди всех железных дорог (не отделений - дорог!). А позади него было еще целых двадцать дорог, включая такие крупные, как Средне-Азиатская, Восточно-Сибирская, Белорусская, Красноярская, Горьковская, Западно-Сибирская и многие другие.

Подсчитано: за первые тридцать лет своего существования Павлодарское отделение железной дороги увеличило грузооборот в 12 раз, а объемы отправления грузов - в 90. То есть отгрузка в среднем ежегодно вырастала втрое. Таких темпов прироста не знало ни одно отделение дороги в бывшем Союзе.

Теперь уже мало кто помнит, что в свое время ставилась задача довести добычу угля в Экибастузе к 1990 году до 170 миллионов тонн в год и построить четыре ГРЭС. В этой связи наши железнодорожники поднимали вопрос о строительстве третьего технологического пути на участке Экибастуз - Целиноград, а также о сооружении второго железнодорожного моста через Иртыш в Павлодаре.

Для Саркыншакова ЭТЭК - время пиковых нагрузок, мучительного поиска нестандартных путей выхода из сверхсложных ситуаций, время удивительных технологических находок, настоящих открытий. Именно тогда зарождались и обретали большую жизнь кольцевые маршруты для угольных эшелонов, движение экибастузских тяжеловесников, технологическое содружество угольщиков, железнодорожников и энергетиков под девизом: "Уголь - вагон - энергия". Тогда прогремела по всей стране затеянная в Павлодаре операция "Ритм". Благодаря ей получил всесоюзную известность алма-атинский журналист Гадильбек Шалахметов, ставший впоследствии пресс-секретарем Президента Н.А. Назарбаева, а теперь возглавляющий международную телерадиокомпанию "Мир".

О каждом из этих блестящих (осуществленных!) проектов можно написать отдельный материал, и не один. Здесь же вспомним короткой строкой лишь о тяжеловесах.

Большие возможности для вождения тяжеловесных составов открылись с внедрением тепловозной и особенно электровозной тяги. Весьма благоприятствовал этому и рельеф местности - большей частью равнинный, без крутых подъемов и спусков. Уже в начале 1981 года на электрифицированных участках от Экибастуза до Тобола железнодорожники ввели в обращение поезд весом до шести тысяч тонн - почти наполовину больше обычного. Получилось. Чуть позднее провели составы в десять с половиной и двенадцать тысяч тонн. И снова удача. Уже на следующий год тяжеловесные составы в восемь - девять тысяч тонн с углем и бокситами стали едва ли не обычным делом.

- Но мы почувствовали, что можно наращивать вес составов, - вспоминает А.С. Саркыншаков, - и в сентябре 1983 года решили сформировать сверхтяжеловесный поезд, равного которому еще не было за всю историю железных дорог не только в Союзе, но и в мире. Тяжеловес в 15124 тонны преодолел расстояние в 922 километра от Экибастуза до Тобола за 22 часа 45 минут. Поезд, в котором было 162 вагона, растянулся на 2364 метра. Это примерно три нормальных грузовых состава. Виртуозно сработали тогда машинисты - как музыканты в хорошем оркестре!

- Конечно, рекорды не были самоцелью, - продолжает Аби Саркыншакович, - мы стремились оптимизировать угольные потоки из Экибастуза. И благодаря слаженности действий с партнерами, массовому внедрению тяжеловесов добивались этого. В 1981 году Целинной железной дорогой (а большая часть перевозок на ней ложилась на Павлодарское отделение), было проведено 75 тысяч тяжеловесных составов, в следующем - 82 тысячи, в 1983-м - около 98 тысяч, а в 1984-м - более ста тысяч. В общей сложности - это свыше 180 миллионов тонн дополнительно перевезенных грузов... Мы подружались с учеными Всесоюзного научно-исследовательского института железнодорожного транспорта и в дальнейшем работали в тесном контакте с ними, провели в Павлодаре выездное занятие секции НТО железнодорожного транспорта страны по обмену опытом вождения тяжеловесов.

Результатом сотрудничества с учеными стала проводка в апреле 1984 года поезда-гиганта с углем весом 30220 тонн. Потом замахнулись на 40 тысяч - и потерпели неудачу... Тяжеловес нормально прошел почти весь путь, а на станции Оленты часть вагонов сошла с рельсов. Это ЧП могло похоронить все дальнейшие эксперименты. У министра путей сообщения Н.С. Конарева хватило мудрости и смелости поступить иначе. В его телеграмме-распоряжении, которую до сих пор хранит А.С. Саркыншаков, говорилось: "Случай считать исключительным, произошедшим во время уникального эксперимента; продолжить подобные эксперименты по вождению поездов весом 20-25-30-40 тыс. тонн; выбрать наиболее приемлемый вариант..."

Так что министры, они тоже бывают разные... С Николаем Семеновичем Конаревым, доктором технических наук, академиком, Саркыншаков до сих пор поддерживает отношения, хотя по службе они уже никак не связаны около десятка лет...

20 февраля 1986 года в Экибастузе был сформирован состав из 440 вагонов длиной около шести с половиной километров и весом 43407 тонн. Его вели четыре локомотива. Он без всяких задержек преодолел 300-километровый участок до Целинограда. Об этом сообщили почти все центральные газеты, телевидение и радио.

Комментируя итоги эксперимента, его научный руководитель членкор АН СССР, ректор Московского института инженеров транспорта, доктор технических наук, академик В. Иноземцев, сказал в интервью одной из газет:

- Локомотивные бригады показали высокий профессионализм. Они успешно испытали новейшую технологию вождения супертяжеловесов... Подобные рейсы дают основания для разработки супертяжеловесных полигонов.

Десять лет спустя Аби Саркыншаков получил телеграмму из Москвы. В. Иноземцев вспоминал в ней о том уникальном рейсе, сожалел о том, что не удалось продолжить эксперименты, просил вновь передать его благодарность и привет всем, кто занимался экибастузским супертяжеловесом.

* * *

Было время, когда Саркыншаков проводил в Экибастузе времени больше, чем в Павлодаре. В таких случаях его выручал специальный салон-вагон, который служил ему и средством передвижения, и местом для рабочих совещаний, и гостиницей.

Тут, наверное, нужны некоторые пояснения.

Такой салон-вагон полагался ему как начальнику крупнейшего отделения железной дороги. Но вагон Саркыншакову достался особый - в своем роде уникальный. Он был изготовлен в конце прошлого или начале нынешнего века для российского императора Николая Второго. Затем, по некоторым сведениям, стал одним из вагонов, закрепленных за И. В. Сталиным. Потом на нем ездил один из министров путей сообщения, а когда стали выпускаться новые вагоны особого назначения, "ветеран" достался А. С. Саркыншакову.

Вагон имел просторный отсек для совещаний, комнаты отдыха, душевую, пищеблок, дорожную отделку и т.д. Особой была и его конструкция: он имел вдвое больше колесных пар, снабженных пружинными рессорами, смещенный книзу центр тяжести, бронированные днище, стены и потолок (даже между стеклами опускались бронированные пластины). И весил он 98 тонн - в два раза больше обычного пассажирского вагона. Это был вагон-неваляшка, вагон - ванька-встанька, который при любых нештатных ситуациях мог превратиться в неприступную крепость и ни при каких обстоятельствах не должен был опрокидываться... А еще он отлично держал тепло, что было тоже немаловажно в наши суровые зимы.

Не один год вагон служил Саркыншакову верой и правдой. Теперь он среди экспонатов железнодорожного музея под открытым небом, который задумал создать Аби Саркыншакович.

* * *

Памятные вехи... Сколько их у него было... Какие-то скрыты от постороннего глаза, о них знают лишь немногие. А какие-то - на виду. О них не мешает вспомнить. Те, кто давно живет в Павлодаре, помнят, сколько радости детворе доставляла детская железная дорога, построенная и открытая в 1979 году, к 25-летию отделения дороги. Среди тех, кто стал "локомотивом" этой стройки, был и Аби Саркыншакович. Чего греха таить, имел он при этом и "корыстный" расчет - знал, что не только местом развлечения станет детская железная дорога, но и поможет десяткам мальчишек и девочек выбрать главное дело в жизни. Для этого, кстати, оборудовали и специальные классы, где занимались в две смены до 600 и более школьников.

Спустя два года, в 1981-м, в Павлодаре был создан железнодорожный техникум. А предшествовали этому следующие события. Весной 1980 года А. С. Саркыншакову довелось отчитываться на бюро ЦК Компартии Казахстана. Вел бюро первый секретарь ЦК, член Политбюро ЦК КПСС Д. А. Кунаев. Выступление начальника отделения дороги слушал внимательно, заинтересованно. Среди прочих "постановочных" вопросов Саркыншаков упомянул о том, что действующее железнодорожное училище не справляется с подготовкой кадров для отделения дороги - желательнее иметь свой техникум... Меньше чем через полтора года техникум принял первых 120 учащихся. Когда отмечали его десятилетие, на очном и заочном отделениях их было уже почти 1200. По уровню оснащенности Павлодарский железнодорожный может потягаться и с иным вузом. Все годы своей работы Аби Саркыншакович считал техникум детищем отделения дороги, помогал, чем только мог. Хотя справедливости ради надо сказать, что помогал не только техникуму, но и специализированному профтехучилищу, железнодорожным школам...

* * *

Еще одна вежа - железнодорожный вокзал в Павлодаре. С прежним, вторым по счету, построенным в 1956 году, они были как бы одногодками, ведь именно в том году новоиспеченный инженер начал в отделении дороги свою карьеру. Двадцать лет пролетело. Пришла пора подумать о здании нового пассажирского вокзала, который бы соответствовал новому облику города.

В 1977 году вбили первый колышек на месте будущей стройки, а осенью 1981-го сдали вокзальный комплекс в эксплуатацию. Кто скажет, что наш железнодорожный вокзал плох? Классно поработали трансстроевцы - они и сегодня вполне могут гордиться этим своим объектом. Помогали предприятия города и области, поддерживали власти. А Саркыншакову запомнилось почему-то, как удалось спасти уникальную, единственную в городе дубовую рощицу, посаженную самими железнодорожниками на привокзальной площади еще в 1959 году. Над ней нависала реальная угроза вырубки - по проекту через рощу должна была проходить к новому зданию нитка водопровода. Ругались, спорили, однако нашли решение - пустили нитку в обход. Всегда бы так решалась судьба зеленых насаждений...

В 1988 году сдали новый железнодорожный вокзал в Экибастузе - тоже не худшее здание в городе. И тоже вежа. А фирменный поезд "Баянаул" сообщением Павлодар - Алматы разве не вежа? Каких трудов это стоило...

А как не вспомнить про санаторий-профилакторий! Саркыншаков считал совершенно ненормальным, что отделение дороги - одно из крупнейших в стране - не имело своего профилактория. В какие только двери он не стучался, куда только не писал... Даже мандат делегата съезда КПСС использовал - как таран... Не помогло... Выход нашли такой:

построили пионерский лагерь - самый крупный в отрасли. На его базе и развернулись... Отстроили спальный корпус, грязелечебницу, наладили отпуск всех лечебных процедур, начали разливать свою минеральную воду, имеющую лечебные свойства... Теперь сюда едут отдыхать не только павлодарские железнодорожники.

...Да, железная дорога - это не только рельсы, вагоны, локомотивы. Комплекс социальных объектов, которыми располагало Павлодарское отделение во времена Саркыншакова, насчитывал сотни многоэтажных жилых домов, на его балансе было 27 детских садов, одиннадцать школ, профтехучилище, техникум, две больницы и две поликлиники... А еще Дворец культуры, бани, фельдшерско-акушерские пункты, тепличный комплекс, подсобный цех... Всего, кажется, и не перечислить... Особенно большой рывок в строительстве жилья, детских дошкольных учреждений был сделан в последнее десятилетие. Проблема с жильем для железнодорожников была к 1995 году практически решена, а ведь тогда здесь работало около 18 тыс. человек. Детских садов понастроили с запасом. И каких садов - с улучшенными условиями содержания детей, бассейнами... Все это социальное хозяйство служило, служит и будет служить людям. Не одним железнодорожникам. И это лучший прижизненный памятник Саркыншакова самому себе.

* * *

Он всегда был общественным человеком. Охотно выполнял комсомольские поручения в институте и на станции Павлодар. В 24 года стал депутатом городского Совета - самым молодым в его составе. Был членом горкома и обкома партии, членом бюро обкома. Избирался депутатом областного Совета многих созывов и теперь депутат областного маслихата. Его членство и депутатство никогда не было простым приложением к должности - он всегда всерьез и с охотой работал в секциях и комиссиях, считая это своим долгом перед теми, кто его выдвинул или избрал...

Он был делегатом XXVII съезда КПСС от Павлодарской области. Что бы теперь ни говорили о той партии, а на свои форумы она действительно направляла не последних людей. Из руководителей-производственников среди делегатов того съезда оказалось лишь трое - А. С. Саркыншаков, генеральный директор "Экибастуэнерго" Б. Г. Нуржанов и директор сельхозобъединения "Черноярское" В. М. Симонов. А из "варягов" делегатом на съезд от Павлодарской области был избран Олжас Сулейменов.

Съезд больше всего запомнился Аби Саркыншаковичу тем, что он собрал вместе огромное количество людей, известных подчас не только всей стране, но и всему миру: пять тысяч делегатов, делегации из 152 стран...

В перерывах между заседаниями можно было встретиться с Фиделем Кастро и Тодором Живковым, Эрихом Хонеккером и Николаем Чаушеску... Были тут Янош Кадар, Войцех Ярузельский, Бабрак Кармаль... Многих из них уже нет в живых, причем судьба иных сложилась весьма трагично.

Саркыншакова больше привлекали свои - те, с кем и не был лично знаком, но кого хорошо знал. Например, по книгам, к которым тянулся с детства. Подходил к Чингизу Айтматову, Расулу Гамзатову, Александру Чаковскому, Сергею Михалкову, Георгию Маркову, Егору Исаеву - все они также были делегатами съезда. Довелось пообщаться с прославленным летчиком, трижды Героем Советского Союза Иваном Никитовичем Кожедубом.

Запомнилась встреча с министром путей сообщения Николаем Семеновичем Конаревым, который после очередного съездовского дня принимал делегатов-железнодорожников. Для Аби Саркыншаковича это была вдвойне приятная встреча: министр знал его лично и вообще немало сделал для развития Павлодарского отделения Целинной железной дороги. А еще эта встреча памятна тем, что на ней присутствовал летчик-космонавт Виктор Петрович Савиных, как оказалось, бывший железнодорожник.

Космонавты - делегаты съезда - Валентина Терешкова, Георгий Береговой, Алексей Елисеев, Николай Рукавишников, Петр Климук, Владимир Шаталов - оставили у Саркыншакова впечатление людей скромных, эрудированных, напроочь лишенных высокомерия. А после посещения Звездного городка чувство уважения к ним только усилилось.

Навсегда осталась в его памяти встреча в Центральном доме литераторов с писателями и поэтами - делегатами съезда. Аби Саркыншакович всегда с трепетом относился к хорошей книге, а тут ему довелось послушать, как читают свои стихи Роберт Рождественский и Николай Доризо, Евгений Долматовский и Андрей Дементьев, Олжас Сулейменов, Александр Межиров и Егор Исаев... На другом вечере его просто покорила своими песнями и музыкой обаятельнейшая Александра Пахмутова, перед делегатами также выступили Ян Френкель, Давид Тухманов, Андрей Эшпай, Микаэл Таривердиев, Андрей Петров...

Ни одного вечера он тогда не оставался в гостинице - обошел многие музеи, побывал в театрах. И тот съезд, помимо всего прочего, остался в его памяти как праздник общения, праздник встречи с той Москвой, какую он до этого почти не знал...

* * *

Кто-то очень верно подметил: часы тянутся, дни бегут, а годы летят... Вот так и Аби Саркыншакович будто и не заметил, как пролетели сорок с лишним лет, проведенных им в Павлодарском отделении железной дороги. Сколько всего было за эти годы!

О важнейших вехах в становлении и развитии отделения дороги рассказывается в книге Саркыншакова: "40 памятных лет". Правда, о нем самом в этой книге сказано немного - больше о сугубо производственных делах и о людях, которые немало сделали для развития этой отрасли в Павлодарской области.

Судьба сводила его с очень разными людьми. Например, в начале своей железнодорожной карьеры довелось встречаться с бывшим главой союзного правительства Г. М. Маленковым, сосланным в Экибастуз. Там он работал директором ТЭЦ, а Саркыншакову по роду службы приходилось иметь дело с грузами для ТЭЦ и ее железнодорожным хозяйством. Ему запомнилась такая черта в Маленкове: никогда не забывал поблагодарить за любую, казалось бы, самую мелкую услугу. В случае острой производственной необходимости Маленков направлял на то или иное предприятие своего представителя с запиской - и ему, как правило, не отказывали. Уезжали из Экибастуза Маленковы тоже на поезде. Г. М. Маленков попросил железнодорожников выделить ему два больших контейнера - как оказалось, для книг.

В свое время окрылила А. С. Саркыншакова поддержка Д. А. Кунаева на бюро ЦК Компартии Казахстана. И обстановка, в которой проходил отчет начальника отделения дороги, и заинтересованное участие в обсуждении вопроса самого Динмухаммеда Ахмедовича, его расспросы и дальнейшая поддержка - это был и своего рода урок, пример для подражания.

Не раз пересекались пути А. С. Саркыншакова и

Н. А. Назарбаева. В бытность Нурсултана Абишевича секретарем ЦК Компартии Казахстана по промышленности Саркыншаков показывал ему, как куратору отрасли, свое железнодорожное хозяйство, локомотивное депо станции Павлодар, другие объекты. Н. А. Назарбаев не забыл той поездки, и, когда им в дальнейшем приходилось встречаться - на XXVII съезде КПСС, XVII съезде Компартии Казахстана, во время поездок Президента Казахстана по области, он интересовался делами железнодорожников. А. С. Саркыншакову посчастливилось присутствовать на присяге первого Президента республики при его вступлении в должность. Это было 10 декабря 1991 года.

За время работы Саркыншакова в области сменилось семь первых секретарей обкома, один глава областной администрации и два акима области. И со всеми ему удавалось находить общий язык, потому что во главу угла он всегда ставил дело.

У него были отличные отношения с начальниками Западно-Сибирской и Южно-Уральской железных дорог А. К. Бородачом, В. И. Старостенко, И. П. Воробьевым, начальниками Новосибирского, Омского, Алтайского, Петропавловского отделений дорог (в разные годы) В. Ф. Зайко, П. Ф. Мысыком, И. И. Батаниным, Р. А. Бикбавовым, С. М. Пожарским, В. А. Репером, В. Н. Териховым и другими. Многие из них приехали в Павлодар на его шестидесятилетие. О коллегах-казахстанцах и говорить не приходится - почти все они давно признали старшинство Саркыншакова.

После распада Союза именно личные контакты, прежняя дружба помогали ему решать проблемы, перед которыми подчас оказывались бессильны власти регионов и даже правительства.

В 1996 году он оставил пост начальника Павлодарского отделения, но не расстался с железной дорогой, став генеральным советником Министерства транспорта и коммуникаций. Он оставил после себя прекрасное наследство: техническая оснащенность предприятий дороги, уровень развития социальной сферы имеют запас прочности на многие годы вперед.

Одна из глав уже упоминавшейся его книги называется "Жизнь моя - железная дорога". Так оно и есть. Железной дороге он отдал больше сорока лет жизни и продолжает служить ей. А их общий "железнодорожный стаж" с женой Толеуказ Садвокасовой, которая тоже все время работала в этой отрасли, "зашкаливает" за 80 лет. Дочь Гаухар оканчивает Академию транспорта и коммуникаций. Ее трудовой стаж на железной дороге - 13 лет.

У него есть все основания считать свою жизнь вполне удавшейся, а себя - счастливым человеком. Ему немало удалось сделать, он не обделен наградами, среди которых ордена "Знак Почета", Октябрьской революции и Ленина, многие медали... Он - заслуженный работник транспорта республики, почетный железнодорожник СССР. У него хорошие дети - сын Гайдар и дочери Гаухар и Алия, а теперь уже и внуки...

И он не собирается уходить в запас, надеясь еще послужить своей железной дороге.

Что было потом

Письмо из Москвы

Дорогой Аби!

С большой радостью получил твою замечательную книгу - "40 памятных лет". Молодец! Если бы каждый начальник отделения, начальник дороги и даже министр последовал твоему примеру, то железнодорожный транспорт получил бы мощную артерию жизненно важной информации и для истории, и для воспитания молодого поколения. Что особенно важно в твоей книге? Это добрая память о людях, событиях и свершениях. Я не нашел в ней ни единого недоброго слова о руководителях дороги, республики, страны или министерства. Это говорит о высокой культуре автора, о его порядочности и природном такте, спасибо тебе за всех, о ком вспомнил и рассказал людям. Прочтя книгу, я вспомнил то созидательное время конца 70-х и 80-х годов уходящего столетия, когда шла активная работа всей страны Советов по дальнейшему освоению Целины, угольных месторождений Экибастуза, строительству новых электростанций, каналов, железных дорог, предприятий черной и цветной металлургии, машиностроения, приборостроения, атомной энергетики, освоению новых сырьевых баз и, конечно, объектов по освоению космоса. Это было время великих преобразований, и я рад, что во всем этом мы с тобой оставили свой конкретный след. Большим достоинством книги является и то, что автор на первый план поставил задачу показать роль простых тружеников Казахстана, их самоотверженный труд, переходящий в настоящий подвиг!

*Я не могу забыть, как мы форсированным темпом строили вторые пути, электрифицировали линии на таких важнейших направлениях, как Целиноград - Экибастуз - Павлодар; Моинты - Чу; на Кызыл-Ординском ходу; Целиноград - Кокчетав... Всего не перечесать...
А сколько было сделано в области совершенствования технологии во всех производственных процессах железных дорог! Стоит только упомянуть о создании новой технологии вождения тяжеловесных поездов, ставшей достоянием всей страны и мировой практики! Ведь это была настоящая эпопея - симфония труда!
Жилье, школы, детские сады, интернаты, дома отдыха, профилактории, Дворцы культуры, вокзалы, сельскохозяйственные комплексы! И над всем этим возвышается образ великих людей того времени как Казахстана, так и всего Советского Союза!
И очень хорошо, что есть такой человек, как Аби Саркыншаков, который не только вспомнил то время, но честно воздал должное этим людям, доведя до сведения своих современников всю правду.
Твою книгу прочли все члены моей семьи, и они тебе благодарны за доброе слово обо мне - одном из тех, кто всей душой и сердцем старался быть максимально полезным социалистическому отечеству!
В конце своей книги ты пишешь о том, что у тебя много друзей за пределами Казахстана и что ты этим гордишься как патриот Казахстана - это верно. И подтверждением этого является тот факт, что автор этого письма - твой настоящий искренний друг.
Ты пишешь, что такое богатство - иметь много друзей - тебе дала твоя работа - железная дорога. Она мне тоже дала много друзей, среди которых Аби Саркыншаков в первом ряду!
Я часто говорю: лучшие люди страны - из железнодорожной семьи! И твоя книга - яркое подтверждение сказанному!
А поэтому служи железной дороге столько, сколько духа хватит!
Желаю тебе здоровья, счастья и всяческого благополучия!
Обнимаю тебя, твой друг*

*Н. Конарев.
04.09.96 года, г. Москва.*

Формула судьбы

Наум Григорьевич Шафер и Наталья Михайловна Капустина... Когда я размышляю об их жизни, то вспоминаю не новую, в общем, формулу: судьба - это характер человека плюс обстоятельства, в коих ему выпадает оказываться. Чем больше узнаю этих людей, тем больше убеждаюсь в том, что "формула судьбы" - правило по-своему универсальное, всеобъемлющее...

* * *

Шаферы жили в Бессарабии. Благодатный, Богом отмеченный край, в котором нашли пристанище еврейские семьи, определенные на жительство в черте оседлости, а еще болгарские и греческие, оказавшиеся, как это часто бывает, за пределами исторической родины... Были, конечно, и русские. А жили все "под румынами" - так тогда здесь говорили, потому что тяготились румынским господством. Помимо всего прочего, насаждался румынский язык, и перед войной десятилетний Наум вполне сносно мог изъясняться на нем, а также на русском и двух "еврейских" - идише и иврите.

Потом в Бессарабию вошла Красная Армия. Тот день стал настоящим праздником для большинства здешних жителей - с советской властью связывались надежды на избавление от румынского гнета, на лучшую жизнь. Люди высыпали на улицы городка, приветствуя советские танки. Наума молодой парень-танкист подхватил на броню... Домой мальчишка бежал без памяти от счастья и гордости.

А 13 июня 1941 года в их дом пришли двое военных из НКВД и милиционер и, ничего не объясняя, распорядились: готовьтесь к переезду, на сборы два часа, с собой брать лишь самое необходимое... Таким образом "подняли" не только их - и русских, и греков, и болгар. Наум решил, что в числе самого необходимого должны быть патефон и пластинки (в их доме одной из главных ценностей был патефон). "Не положено", - сказал один военный и стал отбирать пластинки. Но пацан вцепился в них мертвой хваткой. "Оставь его, - примирительно сказал милиционер, - пусть везет". (Те три десятка пластинок, которые зазвучат лишь после войны - и до сих пор у Наума Григорьевича, но об этом речь впереди.) Обоз со спецпереселенцами растянулся на несколько километров. Через какое-то время к семье присоединился и отец, накануне отправившийся в командировку в Кишинев. На душе у всех отлегло - будь что будет, но теперь хотя бы все вместе.

Людей с их нехитрым скарбом погрузили в товарные вагоны, и эшелоны двинулись на восток. Куда - никто не знал. И хотя многие понимали, что в воздухе пахнет войной, задавали (чаще - сами себе) горестные вопросы: почему увозят, если только что освободили, что будет с домами и нажитым добром, что будет впереди?

В Челябинске, ночью, открыли двери товарняков и людей, как скот, отсортировали: женщин, стариков и детей оставили, а трудоспособных мужчин и парней загнали в товарняк, стоявший напротив... Когда оба эшелона, почти одновременно, тронулись в разные стороны, какие-то женщины заголосили, завывали, а все остальные оцепенели, не веря, что так с людьми могут поступать люди.

Мужчин отправили на лесоповал. И большинство из них оттуда уже не вернулось. Не готовые к сверхтяжелому труду, непривычные к суровому здешнему климату, попавшие в нечеловеческие условия, они умирали, испытывая двойные муки, не зная, что стало с их близкими.

А их близкие оказались в Казахстане, в Акмолинской области, на так называемом "тридцать первом поселке". Можно сказать, им еще повезло - тут уже стояли бараки, сооруженные их предшественниками, которым пришлось обживать на голом месте. Бывшие "классово чуждые элементы" - баи и басмачи; всякого рода ссыльные, проходящие перекровку; спецпереселенцы... молдаване, туркмены, таджики, узбеки, евреи, поляки, болгары, греки, русские... Кого тут только не было. По иронии судьбы, у поселка было второе, вполне оправданное название - "Интернациональный", а расположенный здесь же колхоз именовался "Новый быт".

Шаферы и другие депортированные из Бессарабии семьи не считались врагами советской власти (они, впрочем, таковыми и никогда не были). Им жилось полегче, чем тем же депортированным немцам и чеченцам. Но спецпереселенцев "приписали" к этому поселку, запретили им свободно перемещаться по стране, обязали регулярно отмечаться в комендатуре. Это продолжалось лет десять. Наум, уже учась в КазГУ, на первых курсах все еще ходил в Алма-Ате на отметку в комендатуру.

А тогда Шаферам опять повезло больше, чем другим. Отыскался глава семьи. Его, правда, было трудно узнать - чуть живой, в лохмотьях, с отороженными и ампутированными пальцами ног... Его пытали, выгоняя в одних носках на мороз... Приписывали "буржуазный образ жизни" с мифическими восемнадцатью (!) слугами в доме и миллионную взятку то ли бывшим, то ли уже новым властям... Страх перед столь чудовищными обвинениями оказался сильнее страха перед мучителями - это отца и спасло: он ничего не признал. А его возвращение спасло семью - без него они, может быть, и не выжили бы.

Конечно, насильственная депортация была для семьи несчастьем, сравнимым с трагедией. Но одна бесчеловечная акция уберегла ее от другой - еще более страшной. Фашисты, захватившие Бессарабию через несколько месяцев, сначала загнали в гетто, а затем уничтожили поголовно всех евреев, волею случая оставшихся здесь. Гримасы судьбы - что тут еще скажешь.

...Жили Шаферы как все: недоедали, мерзли, тосковали по оставленной родине. Семья была достаточно образованной - в ней чтит веру, ценили книгу, любили музыку. Бабушка была глубоко верующей, но она, еврейка, пела преимущественно русские песни, если можно так выразиться, - народно-церковные. (Наум Григорьевич напел мне одну из них - это трудно пересказать, надо слушать.) Отец играл на скрипке, мать - на фортепьяно... Наум лет с четырех знал буквы и начинал читать, в пять - уже распевал "Как много девушек хороших..."

На "31-м поселке" он продолжал учиться в школе, где был приличный уровень преподавания. Среди его обитателей нашлось немало толковых учителей. Книжный голод, конечно, давал о себе знать. Наума выручал некто Калеткин. Большой и добродушный русский дядька снабжал мальчишку книгами из своей чудом уцелевшей библиотеки (когда его депортировали, он не взял с собой ничего - только книги), тем самым выделяя из всей ребятни.

Вскоре Наум стал "мальчиком напрокат". Среди бессарабских спецпереселенцев было немало представителей местечковой интеллигенции. Они собирались вечерами то в одном, то в другом бараке, и Наум им читал, а вернее... пел Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Джамбула... Не только стихи, но и прозу - то речитативом, то нараспев, то на знакомую, то на им самим по ходу чтения сочиненную мелодию. "Евгения Онегина" - на мотив все тех же "Девушек хороших" из популярных в ту пору "Веселых ребят". Некрасовское "Душно без счастья и воли, ночь бесконечно длинна..." - на мелодию песни "Тучи над городом встали..." или "Синенький скромный платочек".

Это была сплошная импровизация. Как-то ему попался сборник Джамбула. И он тоже весь его перепел своим бессарабским слушателям. Для них, русских и греков, евреев и болгар, лишенных отчего дома, книг, привычного образа жизни и общения, этот мальчик, не то читающий, не то поющий при жировой коптешке (тогда и зрение посадил) был напоминанием о "той жизни", о родине. Он был для них как свет в окошке... Даже когда пел:

*При родной советской власти
Сталин всем принес нам счастье -
малышам и старикам...*

"Вот это и есть культ личности, - скажет мне позднее Наум Григорьевич, - когда тринадцатилетний полуголодный мальчишка при коптешке поет такие строки - сам, добровольно".

Много чего еще было в той его жизни. И неудавшийся побег на фронт с другими пацанами - боялись, что войну без них закончат... И житье-бытье на колхозном постоялом дворе в Акмолинске. И Раиса Исаковна Горешник - преподавательница в музыкальной школе, которая обучала его игре на фортепьяно, а тренировался (иначе не скажешь) он дома на балалайке - других инструментов в семье не было...

Пережили депортацию, войну пережили, голод, лишения. Надо было жить дальше...

* * *

Наверное, есть все же какие-то неведомые небесные силы, которые сводят людей...

Казалось бы, их пути никоим образом не могли пересечься. Он родился в Бессарабии, а она - в Казахстане. Он собирался учиться в Москве, а ее путь лежал в Алма-Ату...

Правда, и общее в их судьбах тоже было. Он - из семьи спецпереселенцев, и к тому же еврей... Она - дочь врага народа, или, вернее говоря, вредителя. Отца-фельдшера (впоследствии руководителя крупнейшего совхоза, заслуженного человека, орденосца) обвинили в том, что он заразил скот сибирской язвой, ящуром... И посадили - без всякого суда. Потом, правда, освободили: Лаврентий Павлович Берия, заменив на посту Николая Ивановича Ежова, "исправлял" допущенные тем перегибы.

Она любила своего отца, он был ее кумиром, идеалом... Но она никогда не связывала его несправедливый арест (об этом в доме не говорили) с именем Сталина. Их семья была по всем статьям советская. Во втором классе "несознательные" одноклассники-мальчишки доводили ее до слез обидной частушкой-дразнилкой:

*Коммунары, коммунары Сатаны -
На троих одни штаны.
Один носит, другой просит,
Третий в очередь стоит...*

Но как бы ни расходились их дороги, им суждено было встретиться в Алма-Ате. Правда, для этого надо было, чтобы Наума провалили на экзаменах в МГУ. ("Может, и хорошо, что провалили, - скажет он мне десятилетия спустя, - может, тем самым уберегли меня от куда больших неприятностей - уехал ведь без спросу, хотя не имел права... А это было чревато...") А Наталья Капустина должна была с отличием окончить педучилище в Усть-Каменогорске и выбрать тот самый филфак КазГУ, куда устремился через год после московской попытки Наум.

"Конкурс в том, 1950 году был просто ужасающий", - вспоминает Наталья Михайловна. Зачисляли следующим образом. Таких, как она, с отличием окончивших училища, и медалистов - без экзаменов. (Кстати говоря, ее бы и в МГУ приняли без экзаменов - просто не было денег, чтобы туда доехать. Еще один знак судьбы - он оттуда уехал, а она не поехала.) Их набралось 19 человек. Зачислили также шестерых "блатных" - детей высокопоставленных родителей, для которых устанавливалась какая-то негласная квота. 25 счастливчиков стали студентами. Этот статус давал право на посещение лекций, место в общежитии и стипендию.

Еще четырнадцать человек (немедалистов и некреснодипломников) сдали вступительные экзамены на "отлично" и были зачислены кандидатами. Эти не имели права на общежитие и стипендию, но могли посещать лекции и бесплатно сдавать сессионные экзамены и зачеты. Еще шесть человек, среди которых оказался и Наум, получили на экзаменах по одной четверке. Они стали экстерниками и не имели права ни на общежитие, ни на стипендию, ни на посещение лекций... Зато могли сдавать экзамены, но... только за деньги.

"Что за бред?" - спросит нынешний дотошный читатель. Ну, хорошо - без стипендии и общежития, но на лекции-то почему нельзя ходить? А дело в том, что маленькие, тесные аудитории не вмещали всех желающих - народу туда набивалось, как килек в консервную банку. И назначались даже специальные дежурные, которые вылавливали экстерников и выдворяли их из аудитории. Что, кстати, было сопряжено со многими неудобствами - студенты сидели и стояли так тесно, что требовались известные усилия для того, чтобы выдвояемый мог выбраться на свет Божий.

Шафера выпроваживали несколько раз. А однажды он сказал: "Не выйду! Хотите - выносите, но буду сопротивляться!" И его оставили в покое. Потом он станет кандидатом в студенты, а уже где-то к концу третьего курса студентом - благодаря своему усердию и естественному отсеву среди двух первых категорий обучающихся. И тот самый "контролер", что вылавливал его на лекциях для выдворения, теперь будет преследовать за их пропуски. У пропусков лекций были свои причины - об этом чуть позже. А пока еще о тех, кого свела судьба.

Они вели достаточно разный образ жизни. Она - "стопроцентная" студентка, активистка-общественница... Он - странноватый, "тихушник", далеко не спортсмен, больше сам по себе... Словом, далеко не герой ее романа. Ей нравятся высокие, красивые, статные... Как отец... Ну и конечно, умные, сильные, способные на поступок... Куда до них Шаферу! Он вообще не охоч до большинства дел, в которых она заводила - всех этих походов, соревнований, культмассовых затей вроде групповых хождений в драмтеатр "под стипендию". Хотя она стремится "охватить" и его тоже - "нельзя уклоняться от коллектива"... Но он человек занятой, дорожит своим временем, у него есть какая-то другая жизнь... С большей или меньшей охотой он откликается лишь на мероприятия, так или иначе связанные с музыкой - этой давней его любовью и страстью.

* * *

В Акмолинске он окончил музыкальную школу, много занимался самообразованием, пытался (и не без успеха) сочинительствовать - у него уже были собственные песни, романсы, другие музыкальные произведения, даже за оперу брался. Факультетской самодеятельностью руководил артист столичного оперного театра Владимир Мельцанский, он хорошо относился к Шаферу и, поддавшись на его уговоры, включил его песни и музыку в конкурсный концерт. А в жюри конкурса оказался Евгений Брусиловский. Он похвалил самодеятельный оркестр за два вальса: молодцы, мол, и первый, хорошо известный, прилично исполнили, и второй, весьма оригинальный, где-то отыскали... Стоявший рядом Шафер осмелился сказать, что автор второго вальса - он. Брусиловский обернулся и отреагировал так: "Не скромничайте, молодой человек, первый вальс тоже ваш!" Тем самым он хотел сказать, что быть этого не может - первым вальсом были "Амурские волны".

С той поры начались их удивительные, ни на что не похожие отношения, их дружба. Хотя, казалось бы, о какой дружбе может идти речь? Брусиловский - музыкальный бог в храме искусства, а Шафер, если можно так сказать, скромный прихожанин в нем. Но что-то такое разглядел в нескладном самоучке Евгений Григорьевич, раз выделил и при всей своей сверхзанятости стал заниматься с Шафером у себя дома, бесплатно. Наверное, его удивляла (и забавляла) не только бесспорная одаренность неожиданного ученика, но и его дерзость, в хорошем смысле слова дилетантское нахальство, с которым он, имея за плечами лишь музыкальную школу, брался за сочинительство не одних песен и романсов, но и весьма сложных музыкальных вещей, смешивая при этом стили, нарушая каноны... Наверное, Брусиловского умиляло то, что практические навыки у немолодого "вундеркинда", с опаской садившегося за фортепьяно, безнадежно отставали от его "внутреннего музыкального голоса", за которым угадывалась несомненная одаренность.

В их отношениях было много необычного. Как, впрочем, и в самих занятиях. Шафер приходил, они садились и начинали... разговаривать. О чем? Да о чем угодно - о жизни, о последних событиях, часто о литературе. Как-то Шафер выразился в том смысле, что он никогда не поставит Гончарова рядом с Тургеневым... И Брусиловский дал ему задание... прочитать Гончарова. А потом с дотошностью "экзаменовал" его по каждому прочитанному тому - наравне с музыкальной частью урока. Кстати, на нее, эту самую музыкальную часть, как правило, оставалось минут двадцать, в лучшем случае - тридцать, от отведенного часа.

Эти их встречи - разговоры - занятия продолжались полтора года. А однажды Брусиловский заявил: "К следующему занятию сделаете то-то и то-то, а еще принесете мне справку об отчислении из университета..." Маэстро-учитель тем самым хотел сказать ученику: хватит размениваться, главным делом вашей жизни должна стать музыка, а все, что этому мешает, надо решительно отсечь. Он пояснил, что ближайшие полгода Науму необходимо основательно, изо дня в день, заниматься, потому что потом он должен будет учиться в Свердловской консерватории, где по его, Брусиловского, просьбе Шаферу зарезервировано место...

То, что предлагал Брусиловский, было невероятно, в это было трудно поверить. Ведь у Шафера за плечами оставались лишь музыкальная школа да много лет самоучительства... Но ведь это говорил сам Брусиловский!

А Шафер не знал: радоваться или печалиться? Да, он любил музыку и уже не мог без нее жить, а тут еще и такой шанс... Но и литературу, филологию он тоже любил, прикипел к факультету... Позади почти четыре года учебы: экстерник - кандидат - студент, полугодное существование, уже близок финиш... В консерватории надо будет тянуться еще четыре года... На что жить? А вдруг из этой затеи ничего не выйдет? Стоит ли так рисковать?

Больше он к Брусиловскому не пошел. И не звонил. Было стыдно - ведь Брусиловский поступил великодушно и человечно. И было страшно - что ему мог сказать Шафер при встрече, какие привести доводы? Наверное, все-таки надо было попробовать объясниться... И случай представился... Как-то Наум увидел Евгения Григорьевича в гастрономе. Сперва поразился: Брусиловский, стоящий в очереди за колбасой, - это было, по его представлению, подобно тому, как если бы бог пошел вместе со всеми мыться в баню... Опять испугался: вдруг заметит - и спрячется за спину будущей супруги...

От той поры остался у Шафера псевдоним - Нами Гитин, которым обозначено авторство немалого количества сочиненных им песен и других музыкальных произведений. Псевдоним придумал Брусиловский. Нами - так звала Наума мать, а ее собственное имя было Гита.

Много лет спустя Наум Григорьевич, уже вполне благополучный кандидат филологических наук, доцент, осмелился напомнить Брусиловскому о своем существовании. Шафер продолжал заниматься музыкой, и у него как-то исподволь, вдруг родилась мелодия на "Зимнюю дорогу" Пушкина. Он записал ее и послал Брусиловскому. Тот ничего не ответил. Приехав по делам в Алма-Ату, Шафер позвонил ему и, робея, спросил: получил ли Евгений Григорьевич его сочинение и что о нем думает? Брусиловский, никак не выразив своего удивления (все же прошло почти 15 лет), слегка заикаясь (такие знакомые Шаферу интонации!), сказал: "Я знаю много произведений на эту тему... Ваше мне ближе всех остальных". Шафер слушал, затаив дыхание, только успел подумать: "Если позовет снова, скажу: бросаю все и возвращаюсь к вам, Евгений Григорьевич!"

Брусиловский чуть помолчал и, не повышая голоса, сказал, будто зная, о чем подумал его ученик: "Знаете, какой из человеческих пороков я считаю главным? Нет, не предательство, а самопредательство..." И повесил трубку.

То были тяжелые времена для самого Брусиловского. Ему довелось пережить предательство со стороны близких ему людей. Были другие проблемы... Вскоре он уехал в Москву.

- Я понимаю теперь, почему он так говорил, почему не захотел со мной встретиться, - заново переживая случившееся, объяснял мне совсем недавно Наум Григорьевич, - дело не только в том, что я отошел от него как ученик. Он вкладывал в меня душу, а я не сумел это оценить... Эти наши великолепные беседы обо всем - он доверял мне, говорил как с равным... А я сбежал... Наверное, это больше, чем предательство... Наверное, он чувствовал себя обманутым, обкраденным... Но тогда поправить уже ничего было нельзя.

* * *

Как сходятся, становятся близкими совершенно чужие люди? Какие силы приводят в движение механизмы взаимных симпатий? Где на самом деле совершаются браки - на небесах или на земле?

Наум и Наталья шли навстречу друг другу долго. Даже чисто дружескими их отношения стали далеко не сразу.

Впервые он так или иначе обратил на себя общее и ее внимание, когда его выдворяли из аудитории и когда затем заявил запомнившееся всем: "Не выйду - хоть выносите!" Потом как-то на занятиях громил "Руслана и Людмилу". Тема звучала примерно так: "Относительно народности поэмы Пушкина..." (Конечно, тут проглядывало подражание Сталину - "Относительно марксизма в языкознании".) И тем не менее это было неожиданно, дерзко. Преподаватель Татьяна Владимировна Поссе профессионально "разложила" крушителя авторитетов, однако поставила "отлично" - за самостоятельность мышления.

Случалось, они до закрытия засиживались вдвоем в публичной библиотеке и - волей-неволей - домой в общежитие приходилось идти вместе.

Она приобщала его к общественной жизни, а он тасил ее в оперу. Она, памятуя о наказе отца ("Столица - сама по себе университет, там - театры, музеи, выставки!"), не противилась. По пути он напевал ей свои песни, и, по правде говоря, они ей были куда понятней и ближе, чем поющие на сцене Руслан и Людмила. После одного из первых

спектаклей она простодушно заметила, что опера очень статична, нет почти никакого действия, поют на разные голоса, не все понятно.

- Да что ты понимаешь! - негодовал в ответ он. - Только дурак, приходя в оперу, следит за действием, прислушивается к отдельным голосам... Ты слушай их слияние, воспринимай музыку! И потом - какое тебе надо движение? Если певец будет бегать по сцене, как он возьмет нужную ноту? Запомни раз и навсегда: у Глинки статичная музыкальная драматургия не только оправдана, но и необходима.

Никакие ее возражения в расчет не брались. В ответ звучало железное:

- Будем ходить на "Руслана и Людмилу" до тех пор, пока ты сама не сможешь воспроизвести основные мелодии Глинки!

Теперь, по прошествии лет, они спорят передо мной - сколько раз слушали эту оперу: 15 или 8 раз - и сходятся на том, что ходили, пока ее не перестали ставить.

...Ночная южная темень... Редкие фонари... На улицах ни души... Он напевает ей арию Руслана. Потом они в оба голоса заводят "О поле, поле! Кто тебя усеял мертвыми костями?" Если она ошибалась в полутонах, он тут же беспощадно поправлял ее. Такими были их возвращения из оперного театра.

Еще ходили в кино, где перед сеансом обязательно играл оркестр. Там они слушали казахские мелодии, учились понимать и воспринимать кюи Курмангазы.

Ни о какой любви и речи не было. Наоборот, они поверяли друг другу свои сердечные тайны. "Он был моей лучшей подругой", - смеясь, признается сегодня Наталья Михайловна.

Но что-то такое уже витало в воздухе, количество их встреч переплавлялось в качество... И однажды это случилось. Они вошли в трамвай, стояли на задней площадке, вокруг толпился народ... Он как будто решил: "Я хочу тебе что-то сказать..." Она сразу все поняла: "Может, потом, не здесь..." - "Нет, здесь и сейчас!"

И было признание.

Она не обрадовалась - расстроилась. "Такая чистая, светлая была дружба, - подумала с сожалением и досадой, - и вот на тебе..." (Он теперь признается, что в такую идиллическую дружбу и не верил, считал, что, вообще-то, подобные отношения должны естественным образом развиваться.) Она не знала, как теперь вести себя, что делать. В ее планы отнюдь не входило связывать с ним всю свою жизнь. Он не отвечал ее романтическому идеалу гипотетического супруга, ей вполне хватало их бескорыстной дружбы...

Его признание выбило ее из колеи, смешало планы, посеяло душевное расстройство. "Я ведь не могу сказать сама себе, что люблю его, - размышляла она наедине с собой, - может быть, я просто привязана к нему, но ведь это еще не любовь..."

Именно в это время около нее появился парень - как раз из тех, кто вроде бы соответствовал ее представлениям о мужской красоте. Спортсмен, секретарь комитета комсомола из института физкультуры... Приходил с розами - высокий, статный; когда они входили в трамвай, все расступались - такой они были видной парой. Скоро он заговорил с ней о своих чувствах, а она с ним все время - о Шафере... Пыталась бывать в других компаниях... Но без Наума ей везде было невыносимо скучно. И она поняла, что искать никого не надо, все уже найдено. Вышло почти как у Пушкина: "Пришла пора - она влюбилась..."

Перед самым распределением они поженились.

* * *

Как у круглой отличницы, у Натальи было право выбора будущего места работы. Они взяли направление в Восточно-Казахстанскую область, пришли в облоно. Заведующим оказался бывший директор педучилища, которое она оканчивала, так что вполне могла здесь и преподавать. Но они были неисправимые романтики, патриоты, люди с гипертрофированным чувством долга (Я пишу это без всякой иронии - такими они были на самом деле.) Когда Наталья увидела, какой ажиотаж творится вокруг распределения, сказала: "Нами, давай поедем туда, куда никто не хочет ехать!" И он без колебаний согласился: как и она, считал невозможным начинать самостоятельную жизнь с города; по их глубокому убеждению, это было просто неприлично: не для того их государство учило, чтобы они прохлаждались в областном центре; ехать следовало в самую что ни на есть глушь, туда, где труднее всего, и там сеять "разумное, доброе, вечное".

...К началу учебного года они оказались в затерянном в горах селе Малороссийка, рядом с которым находился уже почти выработанный золотоносный рудник Жумба. Ей 22, ему 24 года. Поселили их сначала в пришкольной библиотеке, а потом во временке. Одна комнатунка, большую часть которой занимала русская печка. Была еще лавка, поставили кровать, стол и раскладушку для Наташиной сестры - там, где она жила, не было школы.

Жили - как получалось. Молодая супруга научилась заводить тесто и печь хлеб, подмазывать глиной с коровяком земляной пол... Супруг зимними вечерами, когда прогорала печь, забирался на крышу и прикрывал трубу мешком с золой, чтобы тепло не вытягивало. Окрестное население жило натуральным хозяйством - на всем своем. Для учителей это было плохо: продавать им что-то соседи стеснялись, а брать бесплатно не могли сами учителя. Приспосабливались... Когда кончались "снопы" колючего кустарника, служившего топливом, выменивали их у местных казахов на плиточный чай... Местным дояркам полагалось молоко в качестве премии, а у всех и без того дома коровы, вот одна и согласилась продать учительше свои премиальные 90 литров... Наталья каждый день ходила к ней на ферму с бидоном.

Вряд ли они тешили себя иллюзиями относительно уровня знаний у своих будущих учеников. Но реальность превзошла все ожидания - в большинстве своем школьники оказались чудовищно безграмотными. И в первой четверти у себя в шестом классе Наталья "дала" по русскому языку стопроцентную неуспеваемость. Был жуткий скандал, ее разбирали на педсовете, директор сказал: "Такое ЧП случилось впервые за 75-летнюю историю школы". Приезжал разбираться представитель района, Наталью чуть было не исключили из комсомола. (Это ее-то, комсомолку и патриотку до мозга гостей... Однажды у них в студенческом общежитии случился пожар, всем велено было немедленно оставить комнаты. Единственное, что она прихватила, уходя, был... комсомольский билет...) Наталье повезло - за нее вступился районный прокурор... Когда спустя какое-то время после этих бурных событий директор школы спрашивал: "Ну, как там ваши шестиклассники?" - она отвечала: "Уже лучше - теперь на "двойки" пишут". - "Вы что, издеваетесь?" - обижался директор.

У нее не было ни тени сомнения, что она поступает правильно. Это не было с ее стороны ни вредностью, ни высокомерием. Просто она, будучи по жизни максималисткой, и дело свое делала так же истово. Скоро и ученики ее полюбили. Ходили в драмкружок, который организовали Шафер и Капустина. Но молодым учителям и этого было мало. Они жаждали просветить и взрослое население Малороссийки - отправлялись на ферму читать лекции дояркам и скотникам.

Зимой село зачастую оказывалось отрезанным от всего мира, почту возили редко. Иногда односельчане могли видеть молодых учителей, бредущих со стороны почты с мешками. В мешках были книги, на которые они тратили почти всю свою зарплату. Книжки стояли в их времянке на лавке, и первое время хозяева даже брали их только в перчатках, чтобы не так быстро стиралось золотое тиснение обложек. Другим бесценным богатством в их первом совместном доме были пластинки. Их насчитывалось уже около сотни. Был и патефон, который отец вручил Науму в качестве свадебного подарка. И на Новый год, при свете керосинки, в этой богом забытой, засыпанной до крыши снегом времянке звучали романсы Глинки и инструментальные пьесы Шопена, ковбойские песни, мелодии Дунаевского и популярные "5 минут" из только что вышедшей на экраны "Карнавальная ночь" Эльдара Рязанова.

Надо ли было им ехать в эту тьмутаракань с их университетскими дипломами, с их уровнем знаний? Ведь это все равно, что использовать нынешний современный компьютер как простую печатную машинку. Но эти вопросы - из нашего прагматичного сегодня. А они тогда думали иначе. И даже сама постановка вопроса "надо ли ехать?" - была бы воспринята ими как безнравственная. Таким было их поколение - в большинстве своем. И не только их. Были в нашей отечественной истории и земские врачи, и сельские учителя, достаточно образованные люди, сменившие города на эту самую тьмутаракань. И Лев Николаевич Толстой, помимо "Войны и мира" и "Анны Карениной", писал детские книжки для чтения, на которых все мы учились, а еще создавал и содержал сельские школы...

Они ничуть не жалеют о тех двух годах, проведенных в Малороссийке и Жумбе. Да, они были наивны, но помыслы их были чисты. Кроме всего прочего, они там познавали жизнь, становились педагогами, учились жить среди людей. Там родилась их дочь. Там Наум наконец закончил свою оперу. Там были их молодость, их любовь, продолжение их личностного становления.

* * *

Кандидатскую диссертацию Наум Григорьевич защищал по Бруно Ясенскому.

До этого ему пришлось оставить первую избранную им тему "Проблема художественной формы в эстетике Льва Толстого". Умерла его научный руководитель - Татьяна Владимировна Поссе. Дочь известного русского издателя, дружившего с Чеховым, Короленко, Толстым, она была для них и учителем, и нравственным ориентиром, и советчиком. Вытащить тему без нее было проблематичным, и потом - все равно требовался руководитель. От второй предложенной темы Шафер отказался сам и выбрал Ясенского.

Фактически это было первое исследование творчества Бруно Ясенского в Союзе. Талантливый писатель, он и личностью был замечательной. Свой последний роман "Заговор равнодушных" - об опасности фашизма, культе личности - Ясенский писал по горячим следам событий, происходящих в Европе, накануне второй мировой войны... В Советском Союзе искал убежища... Он писал, когда его пришли арестовывать, и успел сунуть рукопись в карман халата, в котором сидел и который с готовностью скинул, когда его взяли обыскивать... Жена писателя успела закопать рукопись в саду до того, как сама была арестована. Бруно Ясенский погиб в бериевских застенках, а жена спустя два десятилетия откопала его роман, восстановила рукопись. Благодаря ей мир смог прочитать эту пророческую вещь Ясенского.

Шафера и сам роман, и судьба автора просто потрясли. Ясенский был ему интересен и с литературоведческой точки зрения - как мастер сюжета и интриги, блестящей композиции... А кому сегодня не известен эпиграф к "Заговору равнодушных", ставший своего рода девизом для целого поколения людей:

"Не бойся врагов - в худшем случае они могут тебя убить.

Не бойся друзей - в худшем случае они могут тебя предать.

Бойся равнодушных - они не убивают и не предадут, но только с их молчаливого согласия существует на земле предательство и убийство".

Желание написать работу по Ясенскому было огромным. Но оно натолкнулось на неодолимую преграду - диссертанту обязательно требовался руководитель, а специалистов по творчеству этого писателя не было, да и быть не могло - роман только вышел.

И тогда Шафер попросил помощи у Мухтара Ауэзова (это особая история - о том, как они познакомились).

Ауэзов поговорил с академиком Сильченко, которому оппонировал на защите его докторской диссертации, посвященной Абаю, и с которым был дружен. Тот согласился стать номинальным руководителем, то есть соблюсти форму... Ничего иного Шаферу и не требовалось - он увлеченно работал над темой, собирал материалы и свидетельства, много ездил по стране. Познакомился в те годы и не раз встречался с Юрием Домбровским, автором знаменитого романа "Факультет ненужных вещей", который увидит свет только в годы перестройки.

В 1965 году Наум Григорьевич защитил диссертацию и стал кандидатом филологических наук.

* * *

Махатма Ганди как-то высказал мысль о том, что нельзя человека считать полноценным, если он хотя бы небольшое время не отсидел в тюрьме.

В этом самом смысле Наум Григорьевич Шафер может себя считать полноценным абсолютно - он посидел и в тюрьме, и в колонии...

Это случилось в Павлодаре, куда Шаферы - Капустины перебрались из Целинограда и где он спокойно работал на филфаке местного пединститута. Получили квартиру в новом доме над магазином с символическим названием "Счастье", подрастала дочь, завязывались интересные знакомства, замаячила впереди реальная перспектива докторской... А тема ее звучала так: "Русская гражданская поэзия за 100 лет". Неосведомленному человеку это мало что говорит, а специалисту понятно: гражданская - суть оппозиционная... Но ведь за 100 лет... Какой тут может быть криминал?

По мере поиска и подбора материалов соискателю стали попадаться и такие, которые хотя и не относились напрямую к вышеозначенной теме, но обязывали диссертанта знать и эти первоисточники.

Так в его доме оказались "Раковый корпус" и "Крохотки" Солженицына, "Автобиография" Евтушенко, опубликованная на Западе и получившая скандальную известность у нас в стране, повесть "Говорит Москва" Даниэля, "Письмо старому другу" Варлама Шаламова, записи песен Высоцкого и Галича... Там были еще "Повесть непогашенной луны" Пильняка, поэма "По праву памяти" Твардовского...

Разумеется, Шафером заинтересовались в "органах" и, придя однажды с обыском, все это и многое другое изъяли...

Между тем Шафер не был ни диссидентом, ни антисоветчиком.

- Не вел я этой борьбы, - говорит он мне сегодня, - я должен, просто обязан был, исходя из профессиональной добросовестности, прочитать того же "Доктора Живаго", а уже потом ругать... Моя вина лишь в том, что я преждевременно прочитал то, что затем вошло в университетскую программу. Я даже следователю, который вел мое "дело", сказал: "Я вам клянусь, что когда-нибудь я это опубликую" - речь шла о песнях Высоцкого. Так это, кстати, и оказалось...

То, что делали "органы" с Шафером, - был произвол в чистом виде. Не могли этого не понимать и организаторы его "дела" - все же на дворе были не сталинские времена, и неприличная история получила нежелательную огласку... (Как раз в ту пору в Павлодаре гремел кузенковский театр, ставший в городе не только настоящим культурным центром, но и своего рода рупором гражданственности. И вот в по-новому прочтенном театром "Клопе" Маяковского, при полном зале, актер Олег Афанасьев, играющий Присыпкина, произносит действительно имевшуюся в пьесе фразу: "За Шаферами нужен глаз да глаз!" В зале начинаются смешки и аплодисменты. Автор пьесы имел в виду жуликоватых шаферов на свадьбе, а многие из сидящих в зале вольно или невольно думали о вполне реальном Науме Шафере, попавшем в "нехорошую историю". Но Афанасьеву и этого второго плана было мало, и дальше он, случалось, скороговоркой нес чудовищную отсебятину: "А как за ними уследишь, когда один в Целинограде, а другой в Павлодаре?" Тут уже ни о какой двусмысленности и речи быть не могло. И, кстати сказать, самому Науму Григорьевичу, жившему под столь пристальным вниманием "органов", подобные "шалости" отнюдь не доставляли удовольствия. Скорее, наоборот.)

Не легче приходилось и родному брату Шафера - Лазарю. Они были больше, чем братья, они были духовно близкими людьми. Лазарь тоже пострадал, лишился преподавательской работы, таскал кирпичи на стройке. Его чуть не посадили...

Наума Шафера сажать, похоже, не собирались... Его хотели поугагать, повоспитывать... Даже с работы не уволили - как был, так и оставался доцентом кафедры русской и зарубежной литературы пединститута. Дело хотя и состряпали, но закрыли, передали в архив. Взамен требовалось публичное покаяние: осознал, мол, свои ошибки, сделаю выводы и больше не буду совать свой нос куда не следует. Проводивший с ним напутственную беседу высокий прокурорский чин напоследок чуть ли не приобнял: веди себя как надо, и все будет хорошо.

А предстоял Шаферу так называемый общественный прогон. Он должен был на собрании интеллигенции города выслушать строгую товарищескую критику и выступить с ответной покаянной речью... И хотя он что-то подобное обещал прокурору, слабо себе представлял, как он это будет делать. И на собрание пришел не в лучшем виде - подавленный, сам не свой...

...Лето 1971 года. Актный зал пединститута... Коллеги - преподаватели, директора школ... Зал полон. Тон задает один из чинов системы образования: "В то время, когда мировой империализм, эти зарубежные шавки... У нас в городе... доцент Шафер..."

Это "шавки - Шафер" просто ввинчивалось в мозг, слышать это ему было невыносимо...

Встал коллега, с которым вместе работали. "Да, Шафер не сделал того-то, того-то и того-то... Но ведь мог сделать!" Это "мог сделать" рефреном звучало во всей его пустопорожней речи.

Конечно же, Шафер не выдержал - не мог всего этого терпеть. И, поднявшись на трибуну, спросил, а помнят ли сидящие в зале, какое время на дворе? И по сути дела сказал: он должен был знать, как профессиональный филолог, все те источники, которые у него нашли. Они собраны с научной целью. В этом нет ничего предосудительного, скорее, наоборот - он не был бы профессионалом, отказавшись от возможности ознакомиться с источниками подобного рода. Знал бы Шафер, во что ему обойдется его принципиальность!

- Ну вот он и показал свое истинное лицо, - раздался в зале голос прокурора.

Так Шафер из свидетеля стал обвиняемым. А инкриминировали ему "систематическое распространение клеветнических измышлений о советском государственном строе". Ни больше ни меньше.

И все же он не верил, что его посадят. Даже когда, вызвав на очередную беседу к следователю, его задержали... Когда стригли наголо... Когда брали отпечатки пальцев...

Все вышло совсем как в известном еврейском анекдоте. "Вы знаете того Рабиновича, который живет напротив тюрьмы?" - "Да, а что?" - "Да ничего. Просто теперь он живет напротив своего дома". Павлодарская тюрьма (старая, еще дореволюционная), где держали до суда Шафера, находилась наискосок от его дома, на углу улиц Лермонтова и Ленина. Наталья Михайловна в первые дни приходила в дом по улице Дзержинского, где теперь магазин "Иртыш-маркет", и из окон верхних этажей смотрела на стены и крышу тюрьмы, где сидел муж, наивно надеясь его увидеть.

Солженицын в "Архипелаге" хорошо описал душевное смятение человека, неожиданно попадающего в тюрьму: ощущение растерянности, беспомощности, униженности. Все это было и с Шафером, хотя он попал в "привилегированную" камеру на четырех человек, где был деревянный (!) пол, а в зарешеченное окно проглядывал кусочек неба... Сюда доносились звуки уличной жизни. Вместе с Шафером в камере были подследственные - милиционер и следователь, а еще бывший директор крупного совхоза, фронтовик-орденоносец Ахметжанов, который тут же взял над ним шефство. Заставлял делать зарядку, учил играть в шахматы, все время тормозил... Но шок не проходил, не было никаких известий от жены, в голову лезла всякая чушь, иногда жить не хотелось...

Поддержкой и опорой, настоящим спасением для него стало письмо от жены. Ее, как оказалось, к нему просто не допускали, и то письмо тоже было нелегальным. Письмо сохранилось, и с согласия Натальи Михайловны и Наума Григорьевича я привожу его с небольшими сокращениями.

"...Пишу тебе от страшной тоски по тебе. А когда ты сможешь прочитать - неизвестно. Я не могу не говорить с тобой. Вот уже вторую ночь без тебя. Мысли будят во сне. Днем не могу заснуть. Голову распирают мысли, вернее, обрывки их, ни одну не могу додумать до конца, не могу связать их воедино. Кажется, разум покидает меня. Сегодня меня разбудил твой голос. Ты буквально в двух шагах сказал: "Наташа!" - и так громко, в то же время тревожно и нежно, как будто что-то хотел мне сказать необычно важное.

Родной мой, я знаю: ты зовешь меня, как я тебя. Я хоть могу поплакать, так как никто не видит. И реву уже третий день, да еще по несколько раз.

Хожу на свидание с тобой, гляжу на эти глухие белые стены, так равнодушно вбирающие в себя любые мольбы, любые крики. Я посылаю тебе сквозь них лучи своей любви, частички своего тепла.

Мужайся, милый, крепись! Страшно то, что случилось. Но я знаю чистоту твоего сердца, доброту твоих помыслов, верю в тебя и буду верить. Никто не в состоянии отнять тебя у меня.

Я буду теперь вдвойне, за тебя и себя, радоваться солнцу, которое скрылось от тебя, дышать прохладой, любоваться небом и звездами, нашей улицей. Но на что бы я ни посмотрела - слезы застилают глаза. Вижу тебя, слышу тебя. Сердце терзает мысль, что ты сейчас этого не видишь.

Вспоминай нас с Лисичкой. (Дочь - Ю.П.) Она слушает меня и тебя. Все твои распоряжения выполняет. Играет. Как ты там без бумаги, без книг, без музыки? Есть ли хоть люди возле?

Я склеила твои фотокарточки. Ношу их с собой. К ним прикасалась твоя рука, по ним я вижу твое состояние, твое волнение.

Соберу тебе посылку. Один раз в месяц! Это ужасно!

Не могу ни есть, ни спать. С трудом дала уроки. "Что случилось?" - задают мне вопрос. Видимо, несчастный вид смущает людей. Но я заставляю себя держаться так, что никто не узнает. Главное сейчас - держаться. Пусть хранит твои силы моя любовь к тебе. Целую тебя.

Будь мужествен и хладнокровен на суде. Не признавай вины, которую тебе приписывают. Береги здоровье и силы. Вижу с тобой во сне.

Целую крепко.

Ната".

Он потом ответил ей: благодаря твоему письму я выжил...

И был суд. Прокурор просил пять лет с лишением права преподавания... Наталья Михайловна тоже выступала на суде, говорила о муже, что он честный человек, советский человек... Ему дали полтора года - с отбыванием срока в колонии общего режима.

Из них три месяца он пробыл в павлодарской тюрьме: месяц до суда и два после. Последние два сидел уже в другой камере, человек на тридцать, с уголовниками. Его самым большим желанием здесь было - вернуться в прежнюю камеру. Не домой - об этом даже не думалось, а в ту камеру на четверых, с деревянным полом и зарешеченным окном, в котором проглядывало небо. Он с тоской вспоминал, как они просыпались там, свои долгие беседы с Ахметжановым, игру с ним в шахматы...

Потом он поймет, что есть тюрьмы и камеры похуже павлодарских, пройдет через целиноградскую и джамбульскую тюрьмы. Именно последняя оказалась худшей из всех, в ней было меньше всего порядка, особенно по ночам, когда зеки-уголовники рвали и жгли одеяла - так варили чифир; пили водку, которую им доставляли прямо в камеру. Но и в тюрьмах среди зеков были разные люди. В этом он тоже смог убедиться.

А новый, 1972 год Шафер встретил уже в Жанатасском лагере, где отбывали срок водители, совершившие аварии с человеческими жертвами, воры-карманники, сектанты. Тут тоже случалось всякое, особенно на первых порах. И смертью грозили... Наивный человек, он пожаловался, когда с него в первый же день сняли только что выданное лагерное обмундирование... Но - обошлось. А потом он и вовсе стал личностью в зоне весьма известной, по-своему авторитетной...

Наум Григорьевич надеялся, что в колонии ему найдется работа, так сказать, по профилю: в библиотеке, клубе... В школе, наконец, - там была вечерняя, в которой он вполне бы мог преподавать и литературу, и русский язык, и историю... Увы, его статья не предусматривала такой возможности. Зато государство позаботилось о том, чтобы дать зеку - кандидату филологических наук рабочую профессию каменщика. На стройке он работал и до этого, но подсобником. А для того, чтобы сдать на второй разряд каменщика, требовалось выложить стену для туалета. Курс теории Шафер освоил быстро, теперь следовало подтвердить свои знания на практике. Стенку он сложил - вроде ничего. Пришли утром на объект - она развалилась. Назревал скандал... Положение спас бригадир, хорошо осведомленный о других талантах Шафера. Выматерился и сказал: "Давайте сложим этому говнянью профессору стенку!" Когда пришла комиссия, ей лишь оставалось подтвердить, что одним каменщиком второго разряда в колонии стало больше. А Наум Григорьевич до сих пор хранит выданное ему удостоверение.

Первое время зеки относились к нему настороженно. Живет как-то наособицу, все свободное время что-то пишет... "Ты не оперу ли строчишь?" - прямо интересовались некоторые, подозревая его в доносителизме. "Посмотрите сами, - отвечал он, - все мои бумаги в тумбочке". Те его тетради целы до сих пор и до сих пор служат ему. Это разработки лекций по русской литературе XIX века, конспекты критических работ, стихи... Тютчев, Некрасов, Писарев, Гейне, Салтыков-Щедрин... Жена исправно снабжала его журналами и книгами...

Как-то к нему обратился зек - бывший водитель: "Вижу, ты грамотный, проверь!" То была кассационная жалоба - страниц на пятнадцать. "Этого никто читать не будет", - поглядев, сказал ему Шафер. "Почему?" - "Слишком длинно, непонятно". - "Да чего там длинно, - обиделся зек, - я только половину описал..." Шафер взялся все изложить сам и составил бумагу настолько толково, выделив суть и те моменты, которые не учел суд, что дело вскоре было пересмотрено и осужденному скостили срок наполовину.

С тех пор от "заказчиков" отбоя не стало. Писал он не только жалобы, но и любовные письма... Последних было, пожалуй, даже больше. Изредка они адресовались женам, а чаще - бывшим возлюбленным; "заочницам", с которыми зеки знакомились по переписке. Далеко не все из адресаток оказывались легковверны, прямо заявляя: "Не верю, что это писал ты сам!" - "У нас тут школа, библиотека, - продолжал с помощью Шафера вешать лапшу на уши далекой возлюбленной зек-проньера, - я учусь, работаю над собой, развиваюсь".

Когда Шафер, отбыв свой срок от звонка до звонка, освобождался, зеки не только радовались за него, но и сокрушались: "Жалко, мало тебе дали - кто нам теперь будет жалобы и письма писать?"

Но все это теперь вспоминается с улыбкой. А тогда... Тогда время как будто останавливалось. Он жил от ее письма до ее письма (число их ограничивалось), от ее приезда до ее приезда. Однажды жена едва не замерзла, приехав к нему на свидание. Ушла в город за покупками, а возвращаясь, уже в сумерках, попала в сильнейший буран и заблудилась - колония была в нескольких километрах от Жанатаса, автобусы туда не ходили. "Видно, Бог меня тогда вел", - скажет она потом.

Меня интересовало: как сегодня оценивает Наум Григорьевич все, что случилось с ним тогда, в 1971-м. Ясно, что был не виновен, ясно, что в отношении его был допущен произвол... Но ведь не мог же не понимать, упорствуя, что рискует не только собственной карьерой (в хорошем смысле слова - не за горами была уже докторская, продвижение по службе и т.д.), но судьбой семьи - жены и дочери, которых любил и обрекал на страдания... Чего добился в конце концов, кому что доказал? На 18 лет (и каких лет - горы мог свернуть!) оказался отлучен от любимого дела. Жена полтора года тянулась одна, на 120 учительских рублей, деля их на него и себя с дочерью...

Наум Григорьевич отвечал мне так. Он никогда не считал и не считает себя героем, и отдает себе отчет в том, что его несговорчивость и арест обернулись лишениями для него и его близких. Но человек всегда должен поступать в соответствии со своей натурой. В противном случае он подвергает себя нечеловеческим мукам совести, обрекает себя на постоянные страдания. Примерно так высказался Лион Фейхтвангер, и Наум Григорьевич с ним вполне солидарен.

* * *

Отбыв срок, Шафер наивно полагал, что его счета с государством покончены и теперь он спокойно может вернуться на прежнюю работу. Ведь судебное решение никаких ограничений по этой части не предусматривало. Но все время почему-то оказывалось, что вакантных мест, даже преподавательских, для кандидата наук в родном вузе нет. Стал подавать документы в другие вузы - та же история... С большим трудом устроился в Жезказганский пединститут - ему создали соответствующую обстановку, пришлось уволиться... Нет, открыто ему нигде не говорили, что в его услугах система высшего образования больше не нуждается. Просто работы ему не находилось...

Конечно же, он скоро понял, в чем причина. Писал, просил пересмотреть судебное решение... Ведь никто из огромного числа свидетелей, проходивших по его делу, не показал, что он собирал те злополучные материалы с антисоветской целью. Он обращался во все мыслимые инстанции в Казахстане (вплоть до Кунаева). Писал

сменявшим друг друга генеральным прокурорам, начиная от Руденко... Писал Брежневу... Он был уже достаточно известен - участвовал в международных конференциях, выпустил книгу о Дунаевском. Но ответы приходили одни и те же: вы осуждены правильно... И только в разгар перестройки, в 1989 году, когда отменили статью, по которой он был осужден, в областной прокуратуре сказали: пишите заявление.

Он был реабилитирован. Потом ему пришлось снова доказывать, что он кандидат наук, объяснять, добиваться...

Наум Григорьевич благодарен Рахимберды Жакияновичу Аликову, Каламкас Баймурзовне Кудериной, Кларе Ахметовне Иреновой, Виктору Дмитриевичу Белозерову, которые не только осмелились принять опального доцента и кандидата на работу в вечернюю школу, но и всячески способствовали его научным изысканиям. Они так перекраивали расписание, что какое-то время у Шафера в занятиях был "перегруз", а затем образовывались "окна", так нужные ему для поездок - не менее четырех раз в год. Между прочим, тот же Аликов прекрасно знал, с кем имеет дело - он был и на том общественном прогоне, где обсуждали Шафера, и на его суде. Так что и в те времена мир был не без добрых людей.

А занимался в те годы Шафер своим любимым Дунаевским. "Почему именно он?" - допытывался я у Наума Григорьевича.

- На него лучше всего отзывается мое сердце, - сказал Шафер. - У меня есть ощущение, что его музыка рождается от утренней зари, от звезд, от весеннего ветра... Она так же прекрасна и естественна, как сама природа.

Дунаевского он знал с пяти лет... Уже тогда всюду распевал "Как много девушек хороших...", "Широка страна моя родная", мелодии из фильма "Дети капитана Гранта". И потом шел по жизни вместе с Дунаевским - разучивал его песни в университете, читал о нем лекции. (Наум Григорьевич читал, а Наталья Михайловна организовывала музыкальное сопровождение - сначала с помощью патефона, затем - радиолы. В Акмолинской области они объехали "с Дунаевским" десятки сел.)

Он ездил по стране и собирал о Дунаевском все, что можно было найти. Вскоре почувствовал, что вышедшие в свет книги о композиторе (кроме великолепного сборника воспоминаний о нем) неглубоки, поверхностны, идеологизированы, и сам взялся за книгу о нем. Книга вышла в одном из московских издательств под названием "Дунаевский сегодня".

В журнале "Дружба народов" опубликована подготовленная Шафером переписка композитора с Людмилой Головиной-Райнль. Это настоящий роман в письмах, соответствующий всем канонам жанра. Опубликовав лишь часть переписки, журнал анонсировал ее полное издание в своем ежегодном популярном приложении. К сожалению, из-за нехватки средств выпуск приложения, где из года в год публиковались лучшие произведения писателей из всех республик бывшего Союза, так и не возобновился.

В шести номерах журнала "Простор" публиковались собранные Шафером письма Дунаевского к Р. П. Рыськиной с его вступительной статьей "Дунаевский в Казахстане". Журналу "Нива", издающемуся в Астане, переданы Наумом Григорьевичем и готовятся к печати письма Дунаевского к Л. Г. Вытчиковой.

Несколько лет назад фирма "Большой зал" выпустила пластинку "Исаак Дунаевский в гостях у Михаила Булгакова". К этой пластинке Наум Григорьевич шел 15 лет... Шафер еще до выхода в свет дневников жены писателя Елены Сергеевны выяснил, что Дунаевский был частым гостем в доме у Булгаковых, играл у них, притом не только песни и музыку из оперетт, но и салонные пьесы, утонченные вещи... Среди булгаковедов считалось, что канонический вариант либретто "Рашель" следует искать в архиве композитора Глиэра. Шафер доказал, что это не так. В архиве Дунаевского он обнаружил этот вариант и опубликовал его в своей книге "Дунаевский сегодня". А затем по архивным источникам выпустил книгу оперных либретто Булгакова с предисловием и обширными комментариями. Это уникальный труд - фактически готовая докторская диссертация... Но Шафер увлечен совсем не этим: "Вы понимаете, я уверен, что Дунаевский и Булгаков стали очень близки друг другу... Я думаю, что некоторые страницы "Мастера и Маргариты" написаны под влиянием Дунаевского... Конечно, пока это только версия, но в пору опять братья за книгу - "Булгаков и Дунаевский"...

Тема "Дунаевский и Шафер" - неисчерпаема. Ни в бывшем Союзе, ни в мире нет, пожалуй, другого человека, который бы столь глубоко, системно исследовал жизнь и творчество композитора. Наум Григорьевич так сильно прикипел к нему потому, что считает его творчество уникальным. Он считает, что Дунаевский, используя средства серьезной, классической музыки, создавал легкие музыкальные произведения; фактически - он один из прародителей советской массовой песни. Это феноменально, говорит Наум Григорьевич, что, оставаясь верными специфике легкого жанра, эти его музыкальные произведения одновременно являются элитарными и массовыми.

Справедливости ради замечу, что творчеством любимого композитора интересы Шафера не исчерпываются. В свои 68 лет он продолжает преподавать в стенах вуза, куда вернулся после реабилитации. Он собиратель и исследователь авторской песни, выпустил уникальную пластинку "Кирпичики", где есть и две его собственные песни. Он помогает готовить к изданию один из томов собрания сочинений Михаила Булгакова. Еще он участвует в международных конференциях, читает лекции в Санкт-Петербурге... Поддерживает местных литераторов. Иногда эта поддержка принимает и такие формы: он покупает тоненькие сборники павлодарских поэтов и прозаиков и, приезжая по делам в Москву, Санкт-Петербург, передает в ведущие российские библиотеки. Он убежден, что без этих книжек современный литературный процесс объективно не может считаться полным...

* * *

Некоторое время назад в гостях у Наума Григорьевича и Натальи Михайловны оказалась их давняя знакомая. Пожилая, не очень хорошо видящая, она подслеповато прищурилась и спросила:

- А вы что, так при библиотеке и живете? Квартиру вам так и не дали?

Простим ей свойственную возрасту рассеянность. Наверное, в ее памяти просто отпечатался тот факт, что когда-то в их биографии было и такое... Но, положив руку на сердце, замечу, что подобный вопрос может задать и любой другой попавший к ним впервые человек. Все свободное пространство от пола до потолка в их небольшой двухкомнатной квартирке занимают стеллажи с книгами и пластинками. Для других вещей здесь просто не остается места, да они Науму Григорьевичу и Наталье Михайловне, похоже, и не нужны.

Их библиотека и фонотека уникальны и насчитывают примерно по двадцать тысяч единиц каждая. Кроме книг, есть еще подшивки газет и журналов (некоторые - за десятки лет), их Шафер учитывает так: одна подшивка приравнивается к одной единице хранения, то есть к книге.

О качестве их книжного собрания в какой-то мере можно судить по такому факту. В свой первый приезд в Павлодар к ним в гости пришел Евгений Евтушенко. Пили чай, разговаривали. Немного поспорили - Наум Григорьевич сказал уважаемому им поэту, что напрасно тот переделывает свои старые стихи, объясняя, например, это тем, что он знает теперь о Ленине то, чего не знал прежде. "Думаете теперь иначе - напишите другие, - говорил ему Шафер, - а те, прежние, оставьте как есть..." Может быть, молодой филолог и не убедил молодого литератора (они почти ровесники), но удивил уж точно... Наверное, никогда еще Евгению Александровичу, не обделенному ни славой, ни почитателями, не предьявляли столь уникального домашнего собрания его сочинений: в одном этом доме набралось без малого полсотни его книжек... Надо, впрочем, отдать должное и поэту: подписал все до единой.

А еще Наум Григорьевич и Наталья Михайловна подарили Евтушенко не один десяток газетных вырезок, собранных ими почти за полвека. Все они о поэте или о его творчестве. Там была и давняя публикация "Комсомолки" "Куда ведет хлестаковщина?" Когда-то они боялись, что после нее поэт может покончить с собой и даже писали ему свои ободряющие письма...

Недавно случилась "маленькая" неприятность - часть стеллажей с книгами обрушилась. Хорошо, что хозяина в этот момент не оказалось рядом - он вполне мог быть погребен под ними. Книги уже нигде не помещаются, хозяйева больше тысячи раздали - в библиотеку для незрячих, в колонию, в редакцию местной газеты...

Фонотека, собранная Шафером, и вовсе уникальна, бесценна. Ему одинаково дороги в ней и те несколько пластинок из их дома в Бессарабии, которые он отстоял совсем мальчишкой, и те уникальные экземпляры, которых не отыщешь в архивах студий звукозаписи и в лучших частных коллекциях. Я попросил его назвать те пластинки из детства, что уже больше полвека с ним. Русские бытовые песни ("Крутится, вертится шар голубой...", "Кирпичики"), романсы Глинки, музыка Римского-Корсакова и танцевальная музыка, эмигрантские песни...

Что же до коллекции в целом, то в ней - музыкальные произведения всех стран и народов в своих лучших образцах. Имеются в виду не только республики бывшего Союза, а страны всех континентов. Шафер не ставил целью собрать в своем доме всех выдающихся исполнителей, но все исполняемые ими вещи у него есть, некоторые даже в разных вариантах. В первую очередь речь идет о грампластинках. Наум Григорьевич сердится, когда ему говорят, что это "инструмент" ненадежный, недолговечный, свое отживший. "Есть пластинки, которые я проигрывал не менее тысячи раз, - убеждал он меня, - а они ничуть не износились. Просто с пластинкой надо уметь обращаться, и она будет служить вечно! Некоторые эстеты, музыкальные гурманы не любят пластинку за "шип"... Но это либо "заезженные" экземпляры, либо естественный "шип", который нисколько не мешает восприятию мелодии, скорее, наоборот - придает звучанию особый аромат, особое очарование... Назовите мне любое произведение любого автора до 70-х годов - наверняка оно у меня есть", - завершил свою "лекцию" Наум Григорьевич.

Какось, я провел эксперимент: попросил отыскать песню, которую пели мои родители - "Называют меня некрасивою..." и другую - народную - "На улице дождик". Обе были найдены в полминуты. Мой спутник, смущаясь, спросил, нет ли романа "Только раз бывает в жизни встреча..." В коллекции оказалось больше двух десятков его исполнителей.

"Фонотека в фонотеке" Шафера содержит триста пластинок с произведениями Дунаевского - это все, что издавалось, и, кроме того, другие пластинки из личной коллекции композитора, переданные Науму Григорьевичу его сыном.

У бессребреника Шафера "пасется" весь Павлодар - он не успевает выполнять заказы на запись тех или иных произведений для радио, телевидения, театра, частных лиц. В его коллекции магнитофонных записей, помимо всего прочего, шестнадцать спектаклей гремевшего в шестидесятых годах в Павлодаре "кузенковского" театра. Чего в ней только нет, в этой коллекции!

Наум Григорьевич собирал ее не только потому, что сам любил музыку, но и потому, что хотел передать ее своим наследникам. Но, увы, он довольно поздно понял, что нельзя кого-то осчастливить помимо его собственного интереса, что каждому по-настоящему дорого лишь то, что собрано или создано им самим. Конечно же, Шафера беспокоит судьба его бесценного музыкального собрания, о котором хорошо известно и в России, и в США, и в Израиле. Лет десять назад он зашел к министру культуры Казахстана, завел речь о коллекции. "Нет денег", - развел тот руками. А теперь и подавно нет. Между тем Шафер и не просит денег, первое и главное условие, которое он ставит, - сохранить собранное им за полвека с лишним в целостности и сохранности, а уж все остальное - во вторую очередь. Но, похоже, в родном отечестве пока никому нет дела до будущего музыкальной сокровищницы мирового значения... А вот омский губернатор и наш земляк Л. К. Полежаев готов принять коллекцию Шафера с гарантией ее сохранения, о чем уже уведомил владельца официальным письмом.

Как это все напоминает вечную истину о том, что нет пророков в своем отечестве. И известную поговорку: что имеем не храним, потерявши - плачем...

* * *

Подходит к концу мое повествование об этих людях. Я задумывал его как историю их взаимоотношений, их любви. Но уложиться в рамки жанра не смог - жизненного материала было так много, что я решил написать о них, как напишется. В этом очерке Наума Григорьевича больше, чем Натальи Михайловны. Наверное, это не совсем справедливо: без нее, без ее поддержки, ее любви он не стал бы тем, кем стал, не добился того, чего добился.

Анатолий Аграновский когда-то очень точно сказал, что провинция - это не где-то там, далеко от столиц, а там, где застой мысли. Я думаю, нам, павлодарцам, очень повезло в том, что эти два человека когда-то решили связать свою судьбу с нашим городом. Они и сегодня облагораживают его своим присутствием. Сегодня ни одно сколько-нибудь значимое культурное событие в городе не обходится без их участия. Мне кажется, оно, это участие, незримо ощущается и тогда, когда этих событий нет, когда Наум Григорьевич занимается дома своими нескончаемыми делами, а Наталья Михайловна помогает ему в этом. Помогать можно по-разному. Иногда - одним своим присутствием рядом.

В чем-то они очень старомодны со всеми своими приبلудными собаками и кошками (это надо было видеть - как за отправляющейся на пробежку Натальей Михайловной шествовали гуськом сразу четыре собаки и кот!), со своими представлениями о ценностях жизни. Внешняя сторона бытия их мало занимает, в быту они всю жизнь привыкли обходиться малым.

И они всегда современны. Они всему знают цену. В том числе и счастливому билету, который каждый из них вытаскивал в жизни - друг друга. Их ссоры старомодно-наивны, а размолвки максимум на полдня. Их идеалы нисколько не потускнели под бременем лет и невзгод. Став сами мудрее, они не стали хитрее и расчетливее.

Им нелегко сегодня живется. И возраст дает о себе знать, и денег за всю жизнь не скопили... Их единственная дочь с тремя детьми и мужем, оставшись в Темиртау без средств к существованию, бросив богатую библиотеку и фонотеку, собранную отцом, продав за 900 долларов квартиру, по сути, бежали в Израиль. Родители были у них в гостях, им понравилась страна, которая умеет достойно себя вести по отношению к разбросанным по всему миру соотечественникам. И двух этих немолодых людей она готова принять тоже и обеспечить их безбедную старость. Они не раз думали и говорили о возможном переезде. Но как бы им ни было здесь тяжело, они остаются. "До каких пор? - спросил я. "До тех пор, пока можем читать, писать, общаться", - был их ответ.

Прав Аграновский: провинция - понятие отнюдь не географическое. Наум Григорьевич и Наталья Михайловна доказали это всей своей жизнью.